

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ТРЕТЬЯКОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО
ИНВЕСТИРОВАНИЯ В СФЕРЕ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
ЭКОНОМИКИ**

Специальность 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика
(экономика сферы услуг)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант –
доктор экономических наук, профессор
Карпова Галина Алексеевна

Санкт-Петербург
2024

Оглавление

Введение	4
1. Теоретические аспекты социального инвестирования в современных экономических условиях	16
1.1. Концептуальные подходы к определению сущности и значения социального инвестирования.....	16
1.2. Социальное инвестирование в контексте системного подхода и взаимодействия субъектов экономических отношений.....	35
1.3. Концептуальные подходы к взаимосвязи и взаимовлиянию социального инвестирования и сферы услуг.....	63
2. Эволюция системы социального инвестирования в сфере услуг в условиях социально-экономических преобразований	78
2.1. Классификация систем и разработка моделей социального инвестирования в сфере услуг.....	78
2.2. Трансформация системы социального инвестирования в сфере услуг в условиях смены технологических укладов.	97
2.3. Влияние цифровизации на функционирование и развитие системы социального инвестирования в сфере услуг.	120
3. Методические рекомендации по применению цифровых технологий в системе социального инвестирования в сфере услуг.....	144
3.1. Оценка развития и характеристика основных областей использования технологий больших данных в системе социального инвестирования в сфере услуг.....	144
3.2. Влияние стратегического развития рынка цифровых аддитивных технологий на систему социального инвестирования в сфере услуг	158
3.3. Искусственный интеллект и нейросети в контексте устойчивого развития системы социального инвестирования в сфере услуг	176
4. Социальное инвестирование в сфере услуг и его влияние на процесс управления персоналом и человеческим капиталом.	188
4.1. Роль социального инвестирования в сфере услуг в процессе формирования и развития человеческих ресурсов, человеческого капитала и человеческого потенциала.	188
4.2. Оценка ключевых направлений социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения повышения эффективности управления персоналом..	204

5. Практические аспекты социального инвестирования в условиях цифровизации сферы услуг.....	224
5.1. Формирование алгоритма кооперационного взаимодействия государства и бизнеса на основе инструментов социального инвестирования в сфере услуг.....	224
5.2. Разработка организационно-экономического механизма социального инвестирования на российском рынке услуг медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий	254
Заключение.....	278
Библиографический список	291

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. В контексте основных аспектов классических теорий экономики, социальное инвестирование следует рассматривать как экономическую деятельность, связанную с вложением средств для решения социальных проблем значимых для потенциального инвестора как с точки зрения исключительно собственных интересов, так и в контексте поиска общественного согласия, даже с точки зрения необходимости уменьшения возможности для получения чистой прибыли ряда субъектов рыночных отношений.

Помимо общесистемных вопросов формирования системы социального проектирования определенного уровня в рамках отдельного направления или сферы, весьма перспективным, с научной точки зрения, представляется исследование взаимодействия системы социального проектирования с другими, более сложными системами. Исходя из постулатов теории системного подхода, социальное инвестирование в сфере услуг, как социально-экономическая система, находится в постоянном взаимодействии как с системами совершенно противоположного характера, так и с родственными системами.

В первом случае весьма значимыми следует признать междисциплинарные исследования, в рамках которых происходит оценка уровня корреляции развития и взаимодействия между социально-экономическими системами и техническими системами, совершенствование которых, в условиях социального инвестирования в сфере услуг происходит за счет активной инновационной трансформации вследствие увеличения применения цифровых технологий различной природы для интенсификации проектной деятельности в рамках реализации социальной политики государства или осуществления корпоративной социальной политики предпринимательских структур. Во втором случае рассматривается характеристика междисциплинарных предметных областей определения

взаимовлияния социально-экономических систем и систем биологического характера.

Учитывая все вышесказанное, весьма своевременным и актуальным следует признать развитие теории и методологии совершенствования системы социального инвестирования в сфере услуг на основе изучения этапов ее эволюции в условиях социально-экономических преобразований, определения влияния цифровизации на функционирование и развитие инвестиционного процесса социального характера в сфере услуг, поиска приоритетных направлений для межотраслевого и межрегионального взаимодействия экономических субъектов с целью решения наиболее острых социальных проблем российского общества за счет использования ресурсного потенциала сферы услуг и внедрения организационно-экономических механизмов обеспечения инновационного развития отраслей сферы услуг.

Степень разработанности научной проблемы. Теоретические основы социальной политики государства, концептуальные подходы к организации корпоративной социальной ответственности бизнеса, методологические аспекты социального инвестирования в условиях преобразований социально-экономических систем, современные тенденции и тренды социального инвестирования, в том числе в сфере услуг рассмотрены в научных трудах и исследованиях таких авторов как И. Ансофф, Г. Боуэн, Л. Бурк, Д. Вогель, Д. Грейсон, С. Делавиньи, Э. Долан, П. Друкер, С. Задек, Дж. Кейнс, А. Кэдбери, А. Кэррол, А. Лер, А. Маршалл, Ф. Найт, Д. Нортона, Дж. Остин, М. Портер, Дж. Ролз, Г. Стивенсон, Б. Хастед, П. Ульрих, И. Фриман, Х. Штейнман, Й. Шумпетер и др.

Теоретические аспекты организации и управления системой социального инвестирования в сфере услуг, практические вопросы повышения эффективности социальных инвестиций за счет использования потенциала сферы услуг отражены в работах таких отечественных исследователей, как И.Ю. Беляева, Е.А. Горбашко, Т.Е. Иванова, Л.Л. Иголина, А.Е. Карлик, Г.А. Карпова, О.Е. Колбасенко, С.Е. Литовченко, О.А.

Ломовцева, И.А. Максимцев, А.М. Малинин, С.М. Осадчая, Е.В. Песоцкая, М.И. Ример, К.А. Руденко, В.И. Сигов, М.С. Солнцева, С.А. Уваров, Д.Ю. Фраймович, В.Н. Якимец и др.

Среди отечественных ученых, исследующих теоретические аспекты социального инвестирования в сфере услуг в развитие человеческого капитала и человеческих ресурсов, а также взаимосвязи социального инвестирования в сфере услуг и процесса управления персоналом в контексте необходимости повышения эффективности использования ресурсного потенциала сервисной экономики следует выделить таких исследователей как: А.А. Азарян, Н.И. Архипова, А.В. Бабкин, Л.Ф. Бердникова, М.А. Боровская, Н.Ю. Возиянова, Б.М. Генкин, О.Б. Дигилина, Н.В. Днепровская, О.В. Евтихов, Д.А. Жданов, С.Н. Жураховский, И.В. Каблашова, Г.Б. Клейнер, И.В. Логунова, Н.Н. Лябах, Ю.А. Саликов, О.Л. Седова, В.И. Сигов, М.М. Хайкин и др.

Влияние цифровых технологий на приоритетные сегменты сервисной экономики, оценка цифровых трансформаций с точки зрения совершенствования систем социального инвестирования в сфере услуг, методики оценки эффективности и результативности функционирования системы социального инвестирования в сфере услуг представлены в трудах таких отечественных ученых как Ю.Е. Благов, И.Г. Головцова, О.В. Данилова, Ю.В. Кузнецов, Т.А. Лаврова, Ю.В. Маленков, Л.М. Никитина, А.Н. Петров, В.А. Плотников, Е.М. Рогова, Д.Г. Родионов, Е.В. Романенко, И.В. Трегуб, Г.Л. Тульчинский, Д.В. Ходос, Л. В. Хорева, Е.Е. Шарафанова и др.

Несмотря на достаточно высокий уровень изучения вопросов, связанных с теорией и практикой организации и управления социальным инвестированием в современных экономических условиях, необходимо отметить недостаток исследований в области оценки взаимосвязи и взаимовлияния сферы услуг и социального инвестирования, кооперационного взаимодействия бизнеса и государства в контексте решения проблем развития ресурсного потенциала сферы услуг, применения отдельных видов инноваций

и цифровых технологий для совершенствования системы социального инвестирования в сфере услуг.

Все вышеперечисленное свидетельствует об актуальности темы диссертационного исследования.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретических положений, методологических подходов и методических рекомендаций по совершенствованию системы социального инвестирования в сфере услуг с учетом необходимости активизации внедрения цифровых технологий, повышения эффективности управления ресурсным потенциалом национальной сферы услуг и необходимости достижения технологического суверенитета российской экономики.

Для достижения цели исследования были поставлены, и **решены следующие задачи:**

-выделить основные категории услуг с точки зрения их взаимодействия и взаимовлияния с процессом социального инвестирования и сформировать собственное определение понятия социальное инвестирование в сфере услуг,

-раскрыть возможные варианты классификации систем социального инвестирования в сфере услуг;

- разработать модели системы социального инвестирования в сфере услуг в контексте классических и современных теорий экономики сферы услуг;

-провести анализ влияния научно-технологического прогресса и эволюции технологических укладов на формирование и развитие систем социального инвестирования в сфере услуг;

-оценить влияние цифровизации на функционирование и развитие системы социального инвестирования в сфере услуг и предложить типологизацию инноваций в контексте особенностей социального инвестирования в сфере услуг;

-сформулировать методические рекомендации по использованию цифровых технологий искусственного интеллекта и нейросетей для повышения эффективности социального инвестирования в сфере услуг;

-разработать методические подходы по оценке влияния социального инвестирования в сфере услуг на формирование и развитие человеческих ресурсов, человеческого капитала, человеческого потенциала и процесса управления персоналом в современных экономических условиях;

-выявить перспективы развития кооперационного взаимодействия бизнеса и государства, направленного на повышение эффективности управления персоналом и рост человеческого капитала на основе использования инструментов социального инвестирования в сфере услуг,

-разработать и обосновать организационно-экономический механизм, регламентирующий процесс создания и внедрения аддитивных цифровых технологий в контексте развития систем социального инвестирования в сфере услуг.

Объектом исследования являются участники социально-экономических отношений, влияющие на формирование, реализацию и совершенствование системы социального инвестирования в сфере услуг.

Предметом исследования являются организационно-экономические отношения, возникающие в процессе формирования и развития системы социального инвестирования в сфере услуг в условиях цифровизации российской экономики.

Теоретической основой диссертационного исследования являются фундаментальные и прикладные теории, характеризующие совершенствование социально-экономических систем в условиях трансформаций и коренных изменений внешнего окружения, теоретические положения, подходы и методики, изложенные в основных трудах отечественных и зарубежных авторов по вопросам совершенствования управления системами социального инвестирования в сфере услуг, теории системного подхода и анализа социально-экономических процессов, теории

использования ресурсного потенциала сферы услуг, теории корпоративной социальной ответственности, теории социального государства, теории цифровой экономики, теории отраслевых рынков применительно к особенностям сферы услуг, а также положений теории менеджмента, теории управления персоналом, теории формирования и развития человеческого капитала и человеческого потенциала.

Методологическую основу исследования составили теоретические положения системного подхода и методы проведения системного анализа, процессного подхода в контексте оценки эволюции социального инвестирования в условиях различных социально-экономических преобразований, экономического анализа возможных результатов от внедрения цифровых технологий в совершенствование системы социального инвестирования в сфере услуг. В ходе подготовки диссертационной работы применялись такие методы теоретического и практического исследования как абстрактно-логический анализ, сравнительно-аналитический анализ фактических данных, обобщение, научной интерпретации, а также методики, используемые для оценки официальной статистической информации по вопросам социального инвестирования в сфере услуг.

Информационная база основана на использовании нормативно-правовых законодательных актов, государственных стандартов и документов, характеризующих стратегические направления развития российской экономики в условиях перехода к новому технологическому укладу, официальных информационно-аналитических данных российских и международных органов, формирующих статистическую отчетность в области социального инвестирования в сфере услуг, актуальных аналитических обзоров по тематике трансформации системы социального инвестирования в сфере услуг в контексте новых трендов сервисной экономики, периодической литературы по проблемам оценки развития основных областей использования цифровых технологий в системе

социального инвестирования в сфере услуг, собственных научных разработок автора по теме проведенного диссертационного исследования.

Обоснованность результатов исследования. Обоснованность результатов диссертационного исследования подтверждается изучением классических и современных научных разработок в области экономики сферы услуг, научных трудов отечественных и зарубежных авторов по вопросам оптимизации и моделирования систем социального инвестирования в сфере услуг; применением универсальных подходов к характеристике влияния цифровых технологий на процесс социального инвестирования в сфере услуг, эффективным использованием инструментов социально-экономического анализа, системного подхода и индикативного планирования развития систем социального инвестирования в сфере услуг применительно к проблемам российской экономики в условиях цифровой трансформации и роста кризисных явлений.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается использованием современной отечественной нормативно-правовой документации в области социального инвестирования и цифровизации российской экономики, в том числе сферы услуг, формирующей стратегические приоритеты трансформации российской экономической системы в условиях роста ограничений со стороны внешнего окружения, публикацией результатов исследования в ведущих научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ, апробацией основных положений и выводов диссертационного исследования в ходе выступлений на различных международных и всероссийских научно-практических конференциях.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Область и результаты исследования соответствуют Паспорту научной специальности 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономика сферы услуг), следующим его пунктам: п. 4.3. Закономерности функционирования и развития отраслей сферы услуг, п. 4.4. Ресурсный

потенциал отраслей сферы услуг и эффективность его использования, п. 4.20. Организационно-экономические механизмы обеспечения инновационного развития отраслей сферы услуг.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке теоретических положений, методологических подходов и методических рекомендаций по совершенствованию системы социального инвестирования в сфере услуг в современных социально-экономических условиях с учетом необходимости обеспечения устойчивого развития российской цифровой экономики.

Наиболее существенные результаты исследования, обладающие научной новизной и полученные лично соискателем, состоят в следующем:

1. Выявлены и унифицированы укрупненные категории услуг с точки зрения концептуальных подходов к определению взаимосвязи и взаимовлияния социального инвестирования и сферы услуг (услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста; услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью; услуги, необходимые для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации и т.д.), что позволило сформировать собственное авторское определение категории «система социального инвестирования в сфере услуг».

2. Обобщена и представлена классификация систем социального инвестирования в сфере услуг по ряду признаков (по субъекту управления, по источникам финансирования, по форме существования системы социального инвестирования в сфере услуг, по используемым методам управления процессом социального инвестирования и т.д.), что позволяет развить теорию социальных инвестиций с учетом специфики сферы услуг.

3. Выделены и обоснованы отличительные черты и области использования авторских моделей системы социального инвестирования в

сфере услуг (модель универсального характера, модель стимулирующего характера, модель поощрительного характера, модель ограничивающего характера), внедрение которых позволит повысить эффективность социального инвестирования в сфере услуг в зависимости от выбранных целевых ориентиров.

4. Определены и раскрыты этапы эволюции формирования и развития системы социального инвестирования в сфере услуг в контексте теории смены технологических укладов и определения влияния научно-технического прогресса на изменение методических подходов к управлению и регулированию системы социального инвестирования с учетом расширения ресурсного потенциала сферы услуг и его трансформации в процессе цифровизации и постепенного перехода к использованию систем управления на основе преимуществ искусственного интеллекта и нейросетей.

5. Сформирована типологизация цифровых технологий по отношению к системе социального инвестирования в сфере услуг на основании выделения ряда критериев, в том числе с точки зрения: направленности на конечный результат действия системы социального инвестирования в сфере услуг; характера воздействия на систему социального проектирования в сфере услуг; использования в различных средах системы социального проектирования в сфере услуг; стадии жизненного цикла системы социального инвестирования в сфере услуг и т.д., которая может быть использована при выборе отдельных цифровых технологий в процессе осуществления социальных инвестиций в сфере услуг.

6. Сформулированы методические рекомендации по использованию ряда цифровых технологий (технологии больших данных, аддитивные технологии, искусственный интеллект и нейросети), которые могут быть использованы, в том числе, для повышения эффективности социального инвестирования в сфере услуг в контексте развития инструментов социально-экономического прогнозирования, повышения эффективности использования

экспертного метода оценки, проведения диагностической оценки устойчивости системы социального инвестирования в сфере услуг и т.д.

7. Обоснованы методические подходы к определению влияния социального инвестирования в сфере услуг на: процесс формирования и развития личности (индивида) в социально-экономических условиях в рамках повышения качества и уровня человеческих ресурсов, роста человеческого капитала, трансформации человеческого потенциала; процесс управления персоналом в контексте создания условий для организации трудовой деятельности, реализации основных этапов управления персоналом, повышения эффективности управления персоналом.

8. Разработан алгоритм кооперационного взаимодействия государства и предпринимательского сектора на международных рынках дружественных стран, направленный на формирование человеческих ресурсов, рост уровня человеческого капитала и повышение эффективности управления персоналом на основе инструментов социального инвестирования в сфере услуг в контексте реализации стратегических приоритетов российского государства и корпоративных социальных программ отечественного бизнеса (на примере ПАО «Лукойл»).

9. Разработан и обоснован организационно-экономический механизм, регламентирующий процесс реализации программы социального инвестирования на российском рынке услуг медицинского протезирования, на основе использования цифровых аддитивных технологий в контексте создания научно-технического консорциума, направленного на решение актуальных проблем в сфере медицинских услуг (на примере Приволжского Федерального Округа).

Теоретическая значимость диссертационной работы.

Представленные в диссертации основные выводы и положения, составляющие ее научную новизну, могут быть использованы для оценки эволюции системы социального инвестирования в сфере услуг в условиях социально-экономических преобразований, определения степени влияния цифровизации

на функционирование и развитие системы социального инвестирования в сфере услуг. Ряд положений вносят существенный вклад в определение содержания и направлений совершенствования современных систем социального инвестирования в сфере услуг, а также в теорию цифровизации социальных услуг на основе кооперационного взаимодействия государства и бизнеса.

Практическая значимость диссертационной работы определяется возможностью применения предложенных методических рекомендаций в условиях обоснования и совершенствования корпоративных программ социальной ответственности российского бизнеса, в том числе в сфере услуг. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для разработки нормативно-правовой документации, регламентирующей порядок социального инвестирования в сфере услуг в контексте повышения эффективности управления персоналом сервисных организаций, при обосновании перспективных направлений кооперационного взаимодействия органов территориального управления и предпринимательских структур в целях решения актуальных социально-экономических проблем российского общества.

Апробация результатов диссертационной работы. Результаты диссертационного исследования представлялись на ряде международных, межрегиональных, региональных научных и научно-практических конференциях, научных форумах, семинарах, круглых столах, где получили одобрение научной общественности.

Материалы диссертационного исследования используются в учебном процессе по таким направлениям подготовки как «Экономика», «Менеджмент», «Сервис» и при проведении прикладных научных исследований на базе ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

Публикации результатов исследования. Основные положения и научные результаты диссертационного исследования отражены в 61 научной работе общим объемом 122,5 п.л. (из них авторских – 95,3 п.л.), в том числе, 4 монографиях, 24 статьях в научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, и 1 статье, опубликованной в рецензируемом научном журнале Scopus.

Структура и содержание диссертации определены целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка. В первой главе диссертационного исследования подробно рассмотрены теоретические аспекты социального инвестирования с точки зрения системного подхода и обоснована его взаимосвязь со сферой услуг. Вторая глава диссертационного исследования посвящена характеристике сущности системы социального инвестирования в сфере услуг, ее трансформации в условиях смены технологических укладов и изменений государственной и корпоративной политики по отношению к направлениям социального инвестирования. В третьей главе диссертационного исследования подробно проанализированы и обобщены современные практики использования отдельных цифровых технологий для повышения эффективности функционирования систем социального инвестирования в сфере услуг. Четвертая глава диссертационного исследования раскрывает возможные методические подходы к оценке влияния социального инвестирования в сфере услуг на формирование и развитие человеческого капитала и процесса управления персоналом как важных ресурсов современной сферы услуг. В пятой главе диссертационного исследования разработан и обоснован организационно-экономический механизм социального инвестирования на российском рынке медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий.

1. Теоретические аспекты социального инвестирования в современных экономических условиях

1.1 Концептуальные подходы к определению сущности и значения социального инвестирования

Необходимость обеспечения устойчивого развития современной российской экономики в условиях активного распространения цифровых технологий, ее адаптации к развивающимся кризисным явлениям и изменениям, происходящим в сфере международных, в том числе экономических, отношений, создания фундаментальной основы для инновационного развития потенциала российских регионов в целях обеспечения необходимого уровня технологического суверенитета при одновременном сохранении высокого уровня достижений и результатов в таких нематериальных сферах жизни российского общества как образование, здравоохранение, спорт, культура, наука и т.п. требуют принятия и реализации весьма значимых управленческих решений, основанных на повышении эффективности взаимодействия государства и бизнес-структур в снижении рисков роста ключевых социально-экономических проблем.

Однако, развитие любой социально-экономической системы не может быть основано исключительно на решении ключевых экономических вопросов, связанных с рациональным распределением ресурсов и удовлетворением различных групп потребителей, формирующих спрос на те экономические блага, которые наиболее востребованы в текущих экономических условиях. Не менее важным остается и социальная составляющая принятия любых экономических решений, которая предполагает решение целого спектра различного рода проблем, связанных с такими ключевыми задачами государственного устройства как обеспечение

социального равенства, снижение уровня бедности, повышение доступности различного рода услуг для всех категорий населения и т.д.

В классической научной литературе обоснование и реализация основных направлений социальной политики государства как принципиального ответа на решение насущных социальных проблем находят свое отражение в трудах таких общеизвестных ученых как Абалкин Л. [29], Азарян А.А. [43], Бьюкенен Дж. [81], Капелюшников Р. [171], Каплан Р., Нортон Д. [172], Кейнс, Дж. М. [178], Клейнер Г.Б. [179], Львов, Д.С. [210], Маркс К. [218], Маршалл А. [219], Ходжсон Дж. [331], Alchian A., Demsetz H. [369], Cheung S. [381], Grossman G.M. [396], Easterly W., Levine R. [389], Howkins J. [404], Porter M.E. [426] и т.д.

Несмотря на существование различных точек зрения не только на саму сущность социальной политики как научной категории и ее роль в обеспечении устойчивого роста любой экономической системы, но и на перспективные формы и организационно-экономические механизмы ее реализации применительно к существующему уровню накопленных социальных проблем в обществе, у большинства авторов не вызывает сомнения необходимость и целесообразность осуществления определенных как сугубо материальных, так и нематериальных вложений в развитие социальной сферы.

При этом в качестве основного предмета дискуссии, как показывают исследования уже упомянутых фундаментальных научных трудов в области социального обустройства общественных отношений в условиях рыночной экономики, следует рассматривать такие практические аспекты как субъектность подобного рода инвестирования, основные направления реализации инвестиционной деятельности и их взаимосвязь с реальной экономической ситуацией, соотношение внутренних источников финансирования в рамках государственной системы социального обеспечения и зарубежных инвестиций со стороны международных организаций и фондов и ряд других аспектов.

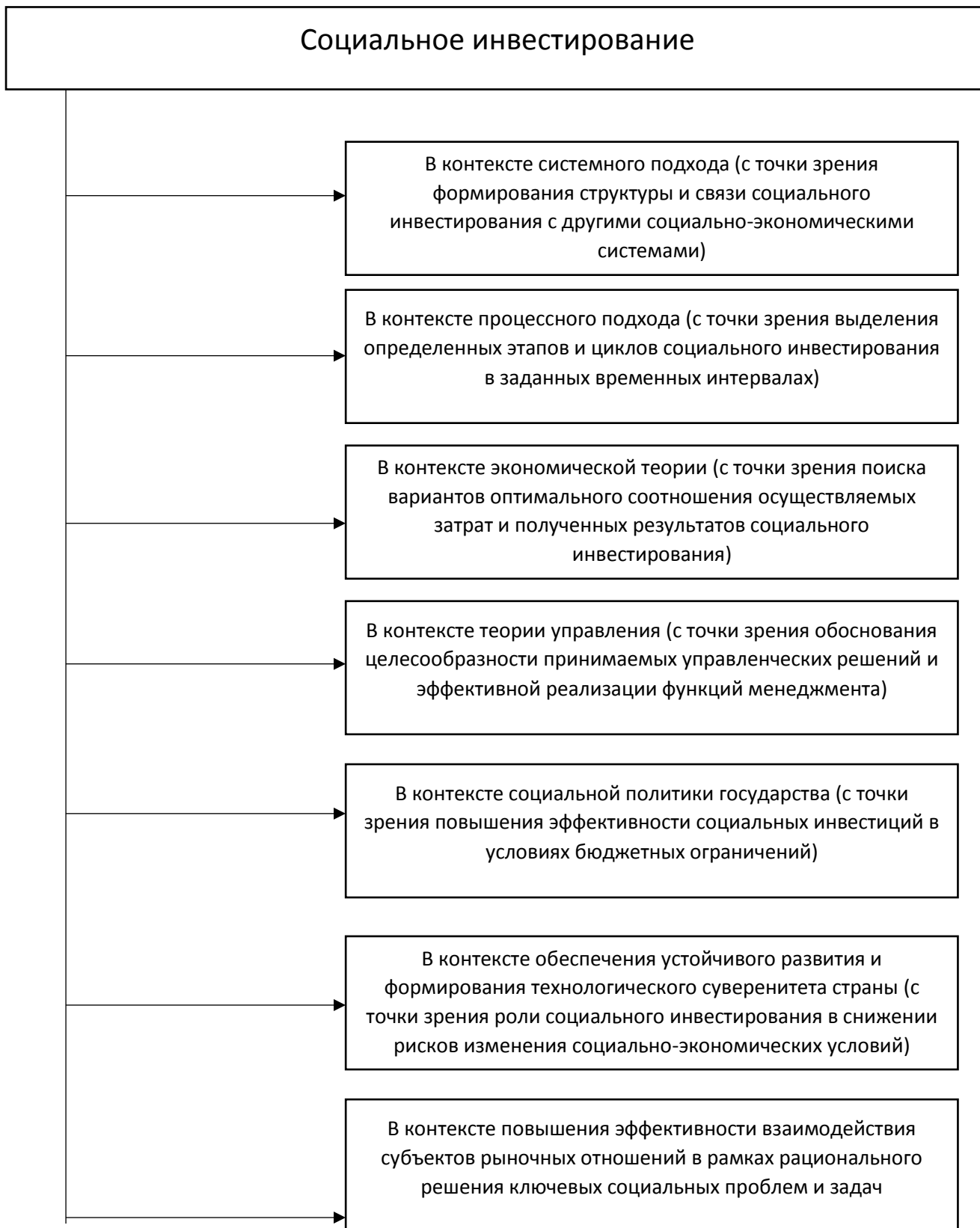

Рисунок 1.1 – Концептуальные подходы к определению сущности социального инвестирования (авторские разработки)

Однако, несмотря на существование в научной литературе различных общетеоретических и практических трактовок понятия «социальное инвестирование», автор считает возможным предложить обобщенные концептуальные подходы к определению сущности социального инвестирования в современных экономических условиях (рисунок 1.1).

Одним из классических представлений о сущности любого экономического объекта или явления является отображение его в виде комплексной и многофункциональной системы с возможностью ее последующей коррекции и изменения в зависимости от воздействия как положительных или негативных факторов внешней среды, так и того уровня взаимодействия, который достигнут между ее внутренними системными элементами и отдельными подсистемами более высокого уровня.

Таким образом, с точки зрения системного подхода, социальное инвестирование представляет собой классическую схему, предполагающую наличие трех ключевых компонент:

-наличие входа в систему. В этом блоке вопросов следует учитывать: основные возможности и ограничения для осуществления социального инвестирования исходя из определенных параметров факторов внешней среды, методические подходы к определению инвестора и потенциала для его деятельности с точки зрения самого процесса инвестирования, а также виды и формы непосредственных инвестиций, которые могут быть прямо или косвенно связаны с реализуемыми социальными проектами или программами и т.д.,

-наличие внутренней структуры системы, которая представляет собой сочетание более низких по рангу подсистем, состоящих, в свою очередь, из отдельных элементов, тесно и структурировано взаимосвязанных между собой. Внутренняя составляющая системы и ее наполнение во многом зависят от принципиальных подходов к тому, каким образом рассматривать сам процесс социального инвестирования.

Например, в основе внутреннего содержания социального инвестирования находится взаимосвязь различных управленческих функций, которые должны обеспечивать необходимый уровень взаимодействия всех участников инвестиционной деятельности в целях реализации тех целей и задач, которые поставлены инвестором\группой инвесторов в рамках определенного социального проекта.

- *наличие выхода из системы.* В качестве потенциального выхода системы можно рассматривать тот полученный результат от вложения инвестиций, который можно охарактеризовать с помощью социального эффекта как ключевого параметра для характеристики исследуемого вида инвестирования во временном и качественном измерении, определить возможные для количественной оценки экономические параметры данного результата и, в целом, рассчитать его комплексную эффективность с точки зрения не только инвестора, но и с позиций каких-либо других стейкхолдеров внешней среды, в том числе потребителей услуг.

Помимо общесистемных вопросов формирования системы социального проектирования определенного уровня в рамках отдельного направления или сферы, весьма перспективным, с научной точки зрения, представляется исследование взаимодействия системы социального проектирования с другими, более сложными системами. Исходя из постулатов теории системного подхода ([121],[224]), социальное инвестирование как социально-экономическая система находится в постоянном взаимодействии как с системами совершенно противоположного характера, так и с родственными системами.

В первом случае весьма значимыми следует признать междисциплинарные исследования ([42],[69],[71],[170],[223]), в рамках которых происходит оценка уровня корреляции развития и взаимодействия между социально-экономическими системами и техническими системами, совершенствование которых, в условиях социального инвестирования, например, происходит за счет активной инновационной трансформации

вследствие увеличения применения цифровых технологий различной природы для интенсификации проектной деятельности в рамках реализации социальной политики государства или осуществления корпоративной социальной политики предпринимательских структур различной организационно-правовой формы и масштаба бизнес-деятельности, расширения использования нейросетей в различных областях жизнедеятельности человека с целью максимизации производительности труда и ускорения возможных бизнес-процессов и улучшения системы социальной поддержки различных категорий населения в условиях формирования социального государства, применения интегративных форм искусственного интеллекта в решении значительного числа потенциальных управленческих проблем в социальной сфере и т.д.

Во втором случае, не менее популярным среди исследователей из различных научных направлений и областей знаний ([276],[298],[321],[326],[332],[431]) является характеристика междисциплинарных предметных областей определения взаимовлияния социально-экономических систем и систем биологического характера. Например, в контексте проблематики социального инвестирования можно упомянуть о профилактике общественного здоровья как совокупной категории, определяющей как медицинские аспекты жизнедеятельности индивидуума, так и исключительно социальную проблематику.

Среди такого рода комплексных проблем взаимодействия данного рода систем можно обозначить поиск новых практических подходов по борьбе с такими социально-экономическими негативными явлениями современного общества как распространение и употребление наркотических средств, рост ожирения среди различных групп населения, прежде всего среди подростков и молодежи, увеличение доли психологических расстройств несоматического характера и т.д.

Например, по результатам социологических исследований число респондентов в РФ, имеющих опыт хотя бы однократного потребления

наркотиков в течение жизни, увеличилось и оценивается в 8,2 млн человек или 5,6% в 2021 г. (при сопоставлении с 2020 г. – 7,6 млн чел. или 5,2%)] [460]. Таким образом, негативные социальные явления, часть из которых находится в рамках функционирования биологических систем, требуют активного привлечения новых схем социального инвестирования, большая часть из которых может быть связана, в том числе с использованием инновационных достижений технологических систем.

Не менее актуальным представляется оценка уровня корреляции связи системы социального инвестирования и других систем социально-экономического характера. Среди наиболее значимых систем в данном случае можно обозначить экономические системы макроуровня (мировая экономика, национальная экономика, региональная экономика, территориальная экономика и т.д.), мезоуровня (отраслевые экономические системы, подсистемы отдельных отраслевых рынков и сфер экономической деятельности), микроуровня (системы, связанные с функционированием различного уровня предприятий и организаций, тесно взаимосвязанных с решением социальных проблем как своих сотрудников и членов их семей, так и проблем региона или отрасли в рамках эффективной организации корпоративной социальной ответственности).

С другой стороны, сама характеристика социального инвестирования как сложившейся системы, может привести лишь к статическому отображению воздействия внутренних и внешних факторов в контексте получения определенных результатов в рамках социального проектирования и использования полученного результата для решения определенных проблем социального характера. Для оценки социального инвестирования, в контексте динамики происходящих изменений, не менее востребованным, по мнению автора, представляется процессный подход.

Социальное проектирование как процесс, в целом, будет соответствовать основным теориям экономического и социального развития, ориентированным на прохождение определенных стадий и этапов, на каждом

из которых будут приниматься управленческие решения, использоваться ресурсный потенциал, координироваться деятельность основных участников, занятых в реализации социальных проектов, определяться основные параметры и структура денежных потоков, в рамках которых будут происходить регламентация и появляться новые ограничения, которые могут оказать влияние на ход инвестирования. Среди наиболее значимых из данных теорий следует упомянуть:

-теория длинных волн Кондратьева (циклы Кондратьева), определяющая траектории развития современных социально-экономических систем с точки зрения временных интервалов ([100],[187],[342]),

-теорию жизненных циклов организации И. Адизеса ([36],[37]),

-теорию жизненного цикла продукта (услуги), активно используемую в маркетинговых исследованиях ([45],[103],[337]),

-жизненный цикл инновации и инновационной деятельности как отдельного организационно-управленческого процесса ([167],[198],[263],[287],[336]),

-методические подходы к организации проектной деятельности и бизнес-планирования ([109],[201],[204],[226],[236],[277],[348],[423]) и ряд других.

Несомненно, процессный подход к пониманию сущности и целевой роли социального инвестирования наиболее тесно связан с теорией жизненного цикла инвестиций, представленной в ряде научных трудов ([132],[211],[213],[264],[299],[351]), которая предполагает прохождение определенных этапов, связанных с полным циклом инвестиционной деятельности в условиях коммерчески ориентированных проектов либо тех инвестиций, которые осуществляются за счет полного или частичного использования средств государственного бюджета федерального или регионального уровня.

В данном случае классическая схема реализации инвестиционных вложений, которая предполагает выделение таких этапов как пред-

инвестиционный, эксплуатационный, оценки и контроля за эффективностью и целесообразностью вложения средств инвестора и т.д., может трансформирована исходя не только из функциональных особенностей социального инвестирования, но и с точки зрения уровня сложности взаимодействия различных инвесторов при реализации социальных проектов и программ, особенно если они предполагают использование многовариантных схем с использованием инновационных технологий или их реализация ориентирована на решение глобальных мировых или национальных проблем долгосрочного характера. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы формирования адаптивных алгоритмов осуществления инновационной деятельности для реализации комплексных социальных проектов, которые предполагали бы расширение круга социальных инвесторов и учитывали бы кумулятивный эффект от социального инвестирования.

Наряду с вышеописанными классическим подходами, социальное инвестирование несомненно является объектом исследования, прежде всего, для таких научных направлений как экономическая теория и теория менеджмента.

С точки зрения принципиальных аспектов классических теорий экономики, часть из которых, в контексте определения сущности социального инвестирования, была более подробно рассмотрена ранее в диссертационном исследовании, данный вид инвестирования следует рассматривать как экономическую деятельность, связанную с вложением средств для решения социальных проблем значимых для потенциального инвестора как с точки зрения исключительно собственных интересов, так и в контексте поиска общественного согласия, даже с точки зрения необходимости уменьшения возможности для получения чистой прибыли ряда субъектов рыночных отношений.

Например, программы корпоративной социальной ответственности могут быть рассмотрены как косвенный инструмент повышения уровня

мотивации отдельных работников предприятия и решения насущных финансово-экономических проблем, связанных с текучестью кадров, низкой заинтересованностью работников в реализации миссии предприятия и целей корпоративной культуры, отсутствием стимулов для роста производительности труда в рамках промышленного производства или сервисной экономики и т.д. Однако, социальное инвестирование не всегда гарантирует экономическую, пусть и косвенную, выгоду для инвестора в связи с самим характером данного процесса и его ориентацией на достижение именно социального эффекта.

По мнению автора, экономический эффект в данном случае следует рассматривать не в краткосрочной или среднесрочной перспективе, как это принято делать в условиях коммерческих инвестиционных программ в контексте дисконтирования денежных потоков и определения порога безубыточности в рамках выбранного горизонта инвестиционного планирования, а с точки зрения долгосрочного и более сложного, с позиции выбранных механизмов и методов экономико-математического моделирования и прогнозирования, варианта оценки будущей взаимосвязи социального и экономического эффектов.

Например, весьма сложно определить экономический эффект от реализации социальных проектов, связанных с необходимостью снижения уровня подростковой и юношеской преступности, однако, в долгосрочной перспективе, при наличии необходимых статистических и социологических исследований, можно связать данную категорию с рядом экономических показателей (уровень занятости молодежи на промышленном производстве или в сфере услуг, уровень налоговых отчислений физических лиц в рамках выбранного возрастного ценза, количество созданных и постоянно действующих организаций малого бизнеса в сфере именно молодежного предпринимательства и т.д.). Весьма важным, в проблематике определения взаимосвязи социальных и экономических эффектов социального

инвестирования, является огромный потенциал и новые возможности, которыми обладают цифровые технологии и искусственный интеллект.

С экономической точки зрения, даже несмотря на социальный характер проектирования, весьма важным будет оставаться регламентация того, каким образом:

-будет происходить движение денежных средств и нематериальных ресурсов между инвестором (группой инвесторов), командой проекта и целевой аудиторией проекта в случае вариативных схем межбюджетного финансирования с использованием не только организационно-экономических механизмов государственно-частного партнерства, но и более усложнённых вариантов в условиях кластерного взаимодействия, межрегионального проектирования и т.д.,

-как будут получаться и реально оцениваться те результаты, в том числе и финансовые, которые соответствуют не только изначальному бизнес-плану или технико-экономическому обоснованию проекта, но и конкретной текущей ситуации, в условиях которой он будет реализован,

-наконец, весьма важным, с экономической точки зрения, следует признать не только факт актуальности и целесообразности вложения социальных инвестиций в текущий момент времени, но и сохранение его социальной значимости в условиях цифровых трансформаций в долгосрочной перспективе.

Например, в качестве эффективного и многопланового примера реализации масштабного проекта федерального уровня в сфере социального проектирования в РФ следует признать создание и развитие сети МФЦ по территориальному признаку. В одном только регионе – г. Москва – в 2022 г. сотрудники МФЦ оказали более 27 млн. услуг¹, а сам спектр данных услуг составил более 280 услуг [479].

¹ Самой востребованной услугой текущего года стала государственная услуга «Предоставление информации жилищного учета» — зафиксировано более 2,1 млн обращений. Второе место делят услуги по регистрационному учету граждан РФ и по расчету (перерасчету) жилищно-коммунальных платежей — более 1,7 млн обращений за

Активное развитие данного социального проекта позволило учитывать и региональные особенности, что дало возможность в 2023 г. Министерству экономического развития сформировать и опубликовать рейтинг эффективности деятельности многофункциональных центров «Мои документы» за 2022 год² [481].

Не снижая значимости и необходимости реализации данного проекта в сфере социального инвестирования, автор считает необходимым подчеркнуть наличие весьма значимых экономических проблем, связанных с ускорением уровня цифровизации оказания государственных услуг и постепенным переходом всего технологического процесса в режим реального времени в рамках единого портала государственных услуг. В связи с этим возникают следующие актуальные вопросы:

-каким образом наиболее эффективно использовать значительную материальную инфраструктуру созданных в регионах МФЦ³, прежде всего, офисных зданий, где непосредственно оказываются услуги населению, предпринимательским структурам либо размещаются органы управления процессом оказания государственных услуг,

-отдельным вопросом, в контексте вышеупомянутой проблематики, необходимо отметить каким образом и за чей счет будет происходить

каждой из услуг, на третьем — оформление и выдача карты москвича — более 1,4 млн раз, на четвертом — кадастровый учет и (или) регистрация прав — более 1,1 млн раз и на пятом — предоставление сведений из реестра недвижимости (ЕГРН) — более 1 млн раз. [479]

² В группу МФЦ высокой эффективности вошли 35 регионов – Амурская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Курганская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Новгородская, Новосибирская, Ростовская, Рязанская, Смоленская, Томская, Тульская, Ульяновская, Ярославская области, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республики Кабардино-Балкарская, Башкортостан, Дагестан, Карелия, Коми, Мордовия и Чувашская, Камчатский, Красноярский и Пермский края, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа [481].

³ На 1 января 2018 года было создано 2777 многофункциональных центров и 10 558 небольших офисов в малонаселённых пунктах [480]. В последующем темп ввода новых МФЦ значительно сократился, в том числе по причине активной цифровизации процесса оказания государственных услуг и создания устойчивой цифровой среды на портале государственных услуг.

коммунальное и ремонтное обслуживание данных зданий в случае снижения спроса на данные услуги в существующем формате,

-не менее значимой, прежде всего с социальной точки зрения, представляется и проблема последующего трудоустройства работников МФЦ как линейных сотрудников, так и кадров управления, организация их переподготовки по смежным или новым профессиям, управление взаимодействием региональными центрами занятости и т.д.,

-каким образом будет использоваться прочая материальная инфраструктура существующих МФЦ с точки зрения интересов государства и региональных органов управления и т.д.

Представленный блок проблемных вопросов свидетельствует о том, что помимо планирования социального эффекта в рамках решения текущей ситуации и осуществления социальных проектов в рамках унифицированных стандартных подходов, необходимо, все же, использовать возможный инструментарий прогнозирования и социального моделирования на более длительный временной интервал. Так же, с учетом активизации использования цифровых технологий и необходимости повышения уровня производительности труда в сфере услуг, весьма важной составляющей становится не традиционное социально-экономическое прогнозирование, а формирование социально-технологических прогнозных оценок и их экономическим обоснованием.

Внедрение инновационных технологий должно стать тем преимущественным результатом, которое обеспечит комплексную эффективность социального инвестирования и позволит рационально использовать финансовые и прочие ресурсы социального инвестора (группы инвесторов). В связи с этим, экономическая оценка инвестиционных вложений в разработку и внедрение инновационных технологий можно признать одним из перспективных направлений всей системы социального проектирования и реализации социальных проектов и программ.

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о том, что даже при понесённых затратах социального инвестора, который изначально ориентирован на социальный эффект, а не на получение экономических результатов, должна быть проведена комплексная оценка экономической целесообразности данных вложений. Как и любая экономическая деятельность, социальное инвестирование может быть и должно быть рассмотрено с точки зрения выработки собственной индивидуальной оценочной шкалы, которая бы оценивала как эффективность и результативность от такого рода инвестирования, так и синергетические эффекты во взаимосвязи с другими экономическими объектами.

Отдельным методическим вопросом следует вынести характеристику принципиально новых практических подходов к оценке дисконтирования денежных потоков в условиях социального инвестирования, выбору горизонта инвестиционного планирования и определения оптимального срока окупаемости инвестиций не только с экономической, но и с социальной точки зрения.

Эффективность экономических вложений в рамках социального инвестирования и обеспечение устойчивого социального эффекта неразрывно взаимосвязаны с другим важным направлением современной науки – теорией и практикой менеджмента. С точки зрения методологии управления, представленной в трудах таких авторов как Ансофф, И. [54], Аронов А. М., Блехцин И.Я., Петров А. Н.[56], Дойль, П. [140], Протасова Л.Г. [260], Родионов Д.Г. [267], Фраймович Д.Ю. [327], Drucker P.F. [388], Glueck, W.F. [395]), социальное инвестирование представляет собой объект управления, посредством воздействия на который достигаются определенные цели управляющего субъекта -социального инвестора (группы инвесторов). С организационно-управленческой точки зрения, весьма важным является максимально упорядочить как внутренние взаимосвязи между основными участниками социального инвестирования, так и обеспечить непрерывность и

единство процесса управления различными этапами социальных проектов в различных социально-экономических условиях.

В связи с вышесказанным, методологически важным представляется выработка новых подходов, направленных на совершенствование ключевых функций управления в контексте реализации программ социального инвестирования, в том числе:

-планирования социального инвестирования с учетом не только потенциального варианта исключительно одного инвестора, чаще всего органа государственной власти на различных уровнях управления, а необходимости привлечения целого ряда инвесторов, относящихся к различным экономическим субъектам, в том числе в контексте реализации межрегиональных и межтерриториальных проектов социальной направленности,

-организации и координации деятельности всех участников социального инвестирования на основе не только развития меж коммуникационных связей и корпоративной организационной культуры, но и с учетом высокого потенциала использования инновационных технологий и прикладных цифровых решений,

-методик анализа и оценки социального инвестирования с точки зрения интересов различных целевых и контактных аудиторий, а не только исключительно участников проекта или распределителей финансовых ресурсов в лице государственных органов власти или корпоративных инвесторов. Отдельное внимание в данном вопросе необходимо уделить вопросам организации статистического учета в рамках сбора и обработки аналитической информации, касающейся процесса социального инвестирования, как в условиях отдельных проектов, так и с точки зрения всего комплекса социальной политики и поддержки населения,

-выработки новых подходов к организации перманентного контроля за исполнением различных стадий социального инвестирования с учетом многоступенчатой формы взаимодействия различных участников и

стейкхолдеров данного процесса, с учетом возможностей искусственного интеллекта и технологий «больших данных» и т.д.

Помимо важных функциональных областей менеджмента, связанных и включенных в систему социального инвестирования, необходима выработка принципиально новых подходов и к управлению предметными областями социального инвестирования, в том числе:

- повышение эффективности управления инфраструктурными ресурсами материального и нематериального характера, которые требуют значительных вложений в рамках реализации ряда социальных проектов, например, в сфере общественного здравоохранения, борьбы с социальным неравенством в государстве и решением экологических проблем в условиях конкретного предприятия,

- оценка перспективности новых подходов к управлению персоналом и трудовыми ресурсами, развитию человеческого капитала и таких его производных как эмоциональный капитал, интеллектуальный капитал, научно-исследовательский капитал и т.д. как важной составляющей социального инвестирования в условиях неопределенности внешней среды и снижения величины трудоспособных граждан во многих развитых странах мира,

- изменение маркетингового сопровождения социального инвестирования, повышение внимания к проблематике брендинга социального инвестирования с точки зрения потенциального расширения круга социальных инвесторов в том числе через механизмы фандрайзинга и краудсорсинга, формирования устойчивых взаимосвязей в сфере PR-деятельности, развитии новых методик цифрового маркетинга по отношению не только к отдельным перспективным НКО и АНО, но и корпоративным инвесторам, а также государственным структурам и т.д.,

- улучшение логистических операций в рамках реализации социальных проектов – от использования корпоративных складских помещений при реализации проектов государственно-частного партнёрства в рамках

строительства инфраструктурных объектов до снижения времени выбора основного поставщика в рамках изменения законодательства при организации государственных закупок в условиях межотраслевого кооперирования в рамках кластерных структур в сфере услуг или промышленных консорциумов и т.п.

Перечисленные выше наиболее значимые функциональные и предметные области управления в сфере социального инвестирования, несомненно, требуют всесторонней оценки со стороны как экспертного сообщества, так и непосредственного круга социальных инвесторов с точки зрения повышения оптимизации их внедрения в российской практике.

Помимо различных подходов к сущности социального инвестирования с точки зрения теории и практики таких наук как экономика и менеджмент, отдельно необходимо уделить внимание другим возможным вариантам трактовки научной категории «социальное инвестирование», ранее представленных на рисунке 1.1. и основанных на изучении целого ряда научных источников по исследуемой тематике ([73],[200],[241],[257],[273],[284],[315],[370]). Среди таковых можно отметить:

-социальное инвестирование как элемент социальной политики. в данном случае речь может идти как о постоянном финансировании социальной сферы из федерального или региональных бюджетов, так и о социальных проектах и программах корпоративной социальной ответственности со стороны крупного и среднего бизнеса. Данный подход к социальному инвестированию частично регулируется на основе действующей нормативно-правовой базы, однако, требует определенных изменений как с позиции усовершенствования технологий управления социальным проектированием и появлением новых форм и методов его реализации, так и в контексте возможности использования инновационных технологий и коммуникаций в цифровой среде,

-социальное инвестирование как инструмент обеспечения устойчивого развития и формирования технологического суверенитета страны. В данном

случае речь идет о роли социального инвестирования в решении ключевых социальных проблем общества (борьба с бедностью, экологические проблемы, борьба с организованной преступностью, решение проблематики демографических диспропорций и т.д.), что позволит создать дополнительные условия для роста социально-экономических показателей на региональном и муниципальном уровне и сохранения человеческого капитала в отдельно взятых странах.

Отдельное направление исследований может быть связано с акцептацией взаимосвязей социального инвестирования и обеспечения технологического суверенитета, прежде всего, в контексте развития человеческого капитала отечественных предприятий, без которого невозможно добиться значительных результатов ни на международном рынке интеллектуальной собственности, ни с точки зрения требуемых показателей импортозамещения не только в промышленном производстве, но и в сфере услуг.

-социальное инвестирование как основа для материального и нематериального стимулирования в условиях предпринимательских структур. Отдельное направление исследований в сфере социального инвестирования связано с разработкой и внедрением оптимальных программ социальной ответственности корпоративных структур в контексте управления трудовыми ресурсами на предприятии и органов государственной власти, в контексте программ мотивации кадров управления в сфере предоставления государственных услуг. На сегодня социальное инвестирование в данном контексте локализовано, по преимуществу, в условиях крупного бизнеса, включая транснациональные корпорации и международные торговые сети и ассоциации в отдельных секторах сферы услуг, и имеет достаточно опосредованное значение в условиях как малого и среднего бизнеса, так и с точки зрения развития более сложных экономических субъектов таких как кластерные структуры, свободные экономические зоны, консорциумы,

финансово-промышленные группы, агрохолдинги, торговые маркетплейсы и т.п.,

-социальное инвестирование как метод повышения эффективности взаимодействия субъектов рыночных отношений в рамках рационального решения ключевых социальных проблем и задач. Социальное инвестирование, его различные формы и механизмы могут быть задействованы с точки зрения повышения величины кумулятивного социального эффекта за счет увеличения возможной ресурсной базы и принятия скоординированных и рациональных управленческих решений относительно целей, задачи и выбранных технологий осуществления социального инвестирования в сочетании с возможностями инновационного развития и достижением определенных экономических результатов, прежде всего, за счет оптимизации распределения финансирования и увеличения уровня экономии бюджетных средств в пользу поступлений инвестиций от частных инвесторов. В данном случае весьма важным следует признать уже накопленный опыт государственно-частного партнёрства, организации кластеров в сфере промышленности и сельского хозяйства, развитии аграрного производства на основе использования опыта организации холдинговых структур, ориентированных не только на осуществление экспортно-импортных операций, но и на насыщение потребностей внутреннего рынка.,

-социальное инвестирование как инструмент «мягкой силы» в условиях повышения внешних угроз и неопределенности внешнеполитической среды многополярного мира. Наконец, не стоит недооценивать влияние социального инвестирования с точки зрения его использования как инструмента воздействия на человеческий капитал в других странах с целью не только формирования исключительно положительного образа России на международном уровне и расширения межкультурного взаимодействия в рамках реализации социальных программ по сохранению традиционных ценностей человеческого общества, но и в практической плоскости, связанной с необходимостью оптимизации существующей практики организации и

управления миграционной политикой в стране. В данном случае социальное инвестирование смогло бы стать эффективным инструментом регулирования структуры и качества миграционных потоков, что, однако, потребовало бы не только финансовых вложений, но и предполагало бы стратегический характер осуществляемых организационных изменений относительно решения проблем занятости и использования человеческого потенциала в рамках цифровой трансформации различных отраслей национальной экономики, в том числе сферы услуг. Кроме того, весьма важна роль социального инвестирования с точки зрения стратегического социально-экономического взаимодействия с соотечественниками из стран ближнего и дальнего зарубежья.

1.2. Социальное инвестирование в контексте системного подхода и взаимодействия субъектов экономических отношений

Несмотря на существование различных подходов к теории и практике социального инвестирования с точки зрения того, каковы ключевые цели, основные задачи и возможные организационно-экономические методы, и механизмы данного процесса, в современных экономических условиях необходимо принимать во внимание тот факт, что социальное инвестирование может быть рассмотрено в качестве сложной, многофункциональной системы со значительным множеством внутренних подсистем и структурных элементов, единство целеполагания которых и обеспечивает эффективность данного процесса. Кроме того, в контексте системного подхода, социальное инвестирование следует рассматривать в рамках его функционирования и развития наряду с другими экономическими системами, различного характера, масштаба и уровня управления.

В современной экономической и управленческой науке многие авторы ([40],[64],[72],[183],[247],[426]), выделяют большое количество различных социально-экономических систем, классифицируя их по целому ряду

ключевых признаков и системных особенностей. На рисунке 1.2 в схематичном виде представлено взаимодействие системы социального инвестирования и основных социально-экономических сред, результатом которого становится формирование отдельных моделей социального инвестирования. Таким образом можно отдельно отметить выделить:

1. *Систематизацию с точки зрения взаимодействия с макросредой социального инвестирования*, которая предполагает влияние социально-экономических систем на глобальном, международном, межрегиональном, национальном, региональном, локальном уровнях, что соответствует таким принципиальным научным категориям как «мировая экономика», «национальная экономика», «региональная экономика» и т.д. на системы социального инвестирования.

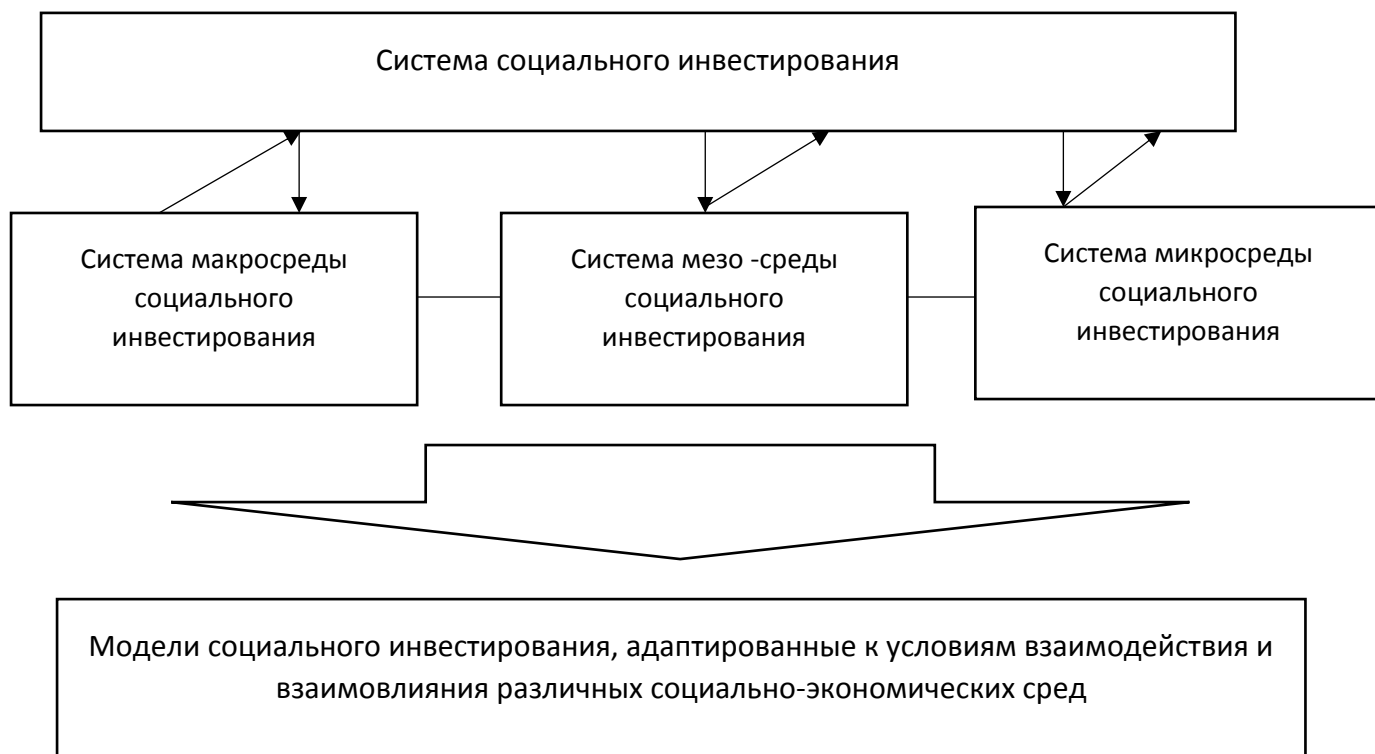

Рисунок 1.2 - Взаимодействие системы социального инвестирования и основных социально-экономических сред (авторские разработки)

Каждая из вышеперечисленных категорий формирует определенные собственные требования как к сущности и роли социального инвестирования

в системе, так и к ограничениям и механизмам социального инвестирования с точки зрения целого ряда прямых и косвенных факторов.

При этом, необходимо отметить, что в условиях цифровой трансформации и определенного, хоть и замедленного роста, глобализационных процессов в современной системе международных отношений, происходит определенная унификация методических и практических подходов к регламентации планирования и программирования социального инвестирования.

Применительно к данной классификации систем, фактически можно говорить о двух моделях реализации программ и проектов социального инвестирования:

-горизонтальная (внутренняя) модель социального инвестирования, которая предполагает построение собственной, суверенной системы социального инвестирования в рамках конкретного уровня социально-экономической системы, что в большей степени соответствует уровню национальной или региональной экономики. Например, в рамках любой национальной экономики социальное инвестирование зависит от требований и норм национального законодательства, социально-экономических возможностей и потенциала для реализации программ социальной поддержки и развития, демографической ситуации, уровня общественного согласия, наличия определенных культурных и религиозных барьеров и т.д. С другой стороны, использование данной модели предполагает наличие полной ответственности хозяйствующих субъектов внутри системы за реализацию проектов социального инвестирования. В связи с этим возникает правомерный вопрос насколько эффективна та или иная система социального инвестирования по сравнению с существующими аналогами, например, в других государствах или регионах в пределах одной страны, естественно в случае наличия определенных различий между ними.,

-вертикальная (внешняя) модель социального инвестирования, в большей степени ориентирована как на унификацию подходов, методов и

механизмов социального инвестирования и распространения определенного положительного опыта, прежде всего на уровне мировой экономики, на другие уровни социально-экономической системы, так и на определенное вмешательство стейкхолдеров внешней среды в вопросы организации и управления процессом социального инвестирования.

Таким образом, социальное инвестирование на национальном и региональном уровнях становится полностью открытой системой и предполагает реализацию социальных программ и проектов, инициированных со стороны крупных субъектов международных экономических отношений – международных организаций, транснациональных компаний, международных объединений и союзов и т.д. при одновременном сохранении влияния национальных и региональных институциональных структур, связанных с реализацией социальной политики.

В качестве ключевых предпосылок возможности имплантации второй модели можно отдельно обозначить причины перманентного характера (долгосрочный характер использования модели) и причины временного характера (краткосрочный и среднесрочный характер использования рассматриваемой модели). Среди наиболее актуальных причин, относящихся к первой категории, можно выделить:

-низкий уровень экономического развития как отдельных стран, так и ряда регионов даже в пределах одной страны, требующих привлечения финансовой помощи для реализации социальных проектов и программ социального инвестирования. При этом, по мнению автора, в качестве оценочных показателей в рамках характеристики системы социального инвестирования в данном случае, следует рассматривать не общие макроэкономические показатели (например, ВВП на душу населения, уровень инфляции, уровень безработицы и т.д.), а более сложные комплексные индикаторы и рейтинги, которые свидетельствуют об уровне влияния экономической ситуации на результаты социального инвестирования.

В качестве такого индикатора можно предложить динамику Индекса человеческого развития⁴ 2021 г. по отношению к предыдущему году, который формирует определенную картину об уровне социального инвестирования в большинстве стран мира⁵.

В таблице 1.1 представлены данные тех стран, уровень Индекса человеческого развития которых соответствует последним 20-ти позициям общемирового рейтинга.

Таблица 1.1

Динамика Индекса человеческого развития ряда стран мира, занявших последние 20 позиций в общем рейтинге за 2021 г. [462]

№ рейтинга	Страна	Величина индекса	Динамика абсолютного изменения индекса по сравнению с 2020 г.
171	Джибути	0,509	- 0,001
172	Судан	0,508	- 0,002
173.	Мадагаскар	0,501	0
174.	Гамбия	0,500	-0,001
175.	Эфиопия	0,498	0
176.	Эритрея	0,492	-0,002
177.	Гвинея-Бисау	0,483	0
178.	<i>Либерия</i>	0,481	+0,001
179.	Демократическая Республика Конго	0,479	0
180.	<i>Афганистан</i>	0,478	-0,005
181.	<i>Сьерра-Леоне</i>	0,477	+0,002
182	Гвинея	0,465	-0,001
183	Йемен	0,455	-0,005
184	Буркина-Фасо	0,449	0
185	<i>Мозамбик</i>	0,446	-0,007
186	Мали	0,428	+0,001
187	<i>Бурунди</i>	0,426	0
188	ЦАР	0,404	-0,003
189	Нигер	0,400	- 0,001

⁴ Индекс человеческого развития (ИЧР) является комплексным сравнительным показателем ожидаемой продолжительности жизни, грамотности, образования и уровня жизни для стран во всём мире.

⁵ Список включает 189 государств — членов ООН из 193, а также Гонконг (спец. адм. район КНР) и Палестину. 4 государства — члена ООН (КНДР, Монако, Науру и Сомали) не включены из-за недостатка данных.

190	Чад	0,394	- 0,003
191	Южный Судан	0,385	- 0,001

-глобальный характер социальных проблем, которые стоят перед той или иной национальной экономикой, решение которых невозможно без вмешательства со стороны внешних стейкхолдеров. Например, к числу такого рода проблем необходимо отнести борьбу с бедностью, которая приобретает особую актуальность в тех странах, где большая часть населения находится ниже официальной черты бедности⁶.

В таблице 1.2 приведена статистика 20 стран мира с наибольшей долей людей, проживающих за чертой бедности по состоянию на 2018- 2022 гг.⁷

Таблица 1.2

Страны мира с наибольшей долей людей, проживающих за чертой бедности.

[464]

№	Страна	Доля людей, проживающих за чертой бедности, %
1.	Замбия	86,0
2.	Гаити	80,0
3.	Либерия	80,0
4.	Чад	80,0
5.	Сьерра-Леоне	70,2
6.	Мозамбик	70,0
7.	Нигерия	70,0
8.	Суринам	70,0
9.	Свазиленд	69,0
10.	Бурунди	68,0
11.	Зимбабве	68,0
12.	Нигер	63,0
13.	Боливия	60,0
14.	Коморские острова	60,0

⁶ Официальная черта бедности в большинстве стран мира определяется в соответствии с рекомендациями Всемирного банка. В сентябре 2022 г. Всемирный банк обновил данный показатель и установил его на уровне 2,15 доллара США на одного человека в день, заменяя показатель крайней бедности в размере 1,90 доллара США, установленный на основе ППС, рассчитанных по данным за 2017 год. [464]

⁷ Представленные в таблице данные могут быть датированы различными временными периодами в связи с отсутствием актуальной статистической информации по последнему году выборки.

15.	Руанда	60,0
16.	Таджикистан	60,0
17.	Гватемала	56,2
18.	Сан-Томе и Принсипи	54,0
19.	Сенегал	54,0
20.	<i>Афганистан</i>	53,0

На основе представленных данных становится очевидным, что проблематика социального инвестирования посредством реализации именно вертикальной модели наиболее актуальна в странах африканского континента (13 государств из 20), а также в некоторых государствах Латинской Америки и Карибского бассейна (5 государств из 20). Отдельную позицию занимают такие страны как Таджикистан (разрешение традиционной системы социального инвестирования после распада СССР и неспособность сформировать собственные подходы к реализации эффективных социальных программ и проектов по ряду причин, в том числе в связи с резким ухудшением экономического состояния из-за низкого уровня конкурентоспособности национальной экономики на мировых рынках) и Афганистан (полное отсутствие системы социального инвестирования как результат многолетней гражданской войны и отсутствие взаимодействия между различными этническими группами).

Естественно, что в условиях высокой уровня бедности невозможно говорить о возможности или, скорее, вероятности создания собственной, суверенной системы социального инвестирования. Особенно сложной представляется ситуация в тех странах⁸, прежде всего африканских, которые одновременно попали в оба списка, соответствующие таблицам 1.1 и 1.2.

Причины временного характера, в большинстве случаев, связаны с краткосрочным влиянием кризисных явлений неэкономического характера, в том числе:

-возникновение чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера, строго локализованных в пределах отдельных территорий и

⁸ Данные страны выделены курсивом в обеих таблицах.

требующих адресной социальной поддержки пострадавшего населения. В данном случае уровень социального инвестирования с точки зрения возможности использования той или иной модели будет зависеть от уровня социально-экономического развития страны или региона, наличия тех или иных глобальных социальных проблем и т.д.,

-появление локальных и глобальных кризисов гуманитарного, неэкономического характера, ярким примером которого можно обозначить кризис коронавирусной инфекции, который весьма четко продемонстрировал уровень развития систем социального инвестирования в условиях различных социально-экономических систем,

-отдельного внимания заслуживают кризисы, связанные с ведением боевых действий различного характера на локальном уровне, в том числе в рамках проведения контртеррористических операций и борьбы с сепаратизмом. В такого рода условиях весьма высока вероятность установления внешней модели социального инвестирования, ориентированной на решение ключевых гуманитарных вопросов мирного населения в условиях продолжающегося вооруженного конфликта. В данном случае весьма актуальным представляется формирование системы социального инвестирования в условиях военной и мобилизационной экономики, в контексте соотнесения расходов и оценки вероятности положительного, прежде всего, социального эффекта от их вложений. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что военное противостояние может носить не краткосрочный характер, а растянуться во временном интервале, как например, в условиях внутреннего противостояния в таких странах как Южный Судан, Мозамбик, Сирия, Афганистан и т.д.,

-в продолжении предыдущего варианта, также, по мнению автора, отдельно необходимо обозначить проблематику социального инвестирования в поствоенное (мирное) время, так как вопросы реорганизации или создания новой системы социального инвестирования в условиях значительного ухудшения экономического положения из-за военного конфликта, в

большинстве, своим потребуют вмешательства со стороны субъектов международных отношений в лице организаций или отдельных стран (групп стран).

Отдельное внимание заслуживает и проблематика социального инвестирования в условиях образования отдельных национальных государств, прежде всего, в контексте борьбы с колониализмом и обретением суверенитета на основе народного волеизъявления. Как показывает международный опыт, новые независимые государства нуждаются во внешней помощи в рамках процесса формирования национальных систем социального инвестирования.

В качестве ключевых регуляторов данного процесса могут выступать как основные международные организации, регламентирующие и влияющие на формирование социальной политики и социального обеспечения в различных странах и регионах мира (например, Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС), Всемирная Торговая Организация (ВТО), Группа Всемирного Банка и т.д.), так и межрегиональные экономические объединения, участие в которых формируют определенные требования к странам -участницам с точки зрения планового решения ряда социальных проблем в рамках формирования единого экономического пространства или введения в оборот единого платежного средства.

Подобного рода влияние на процесс создания и развития систем социального инвестирования со стороны более масштабных участников экономического взаимодействия может носить совершенно разноплановый характер. Например, большинство зарубежных авторов ([238], [319], [355], [400], [436], [444]) подчеркивают принципиальную важность ряда международных организаций в решении ключевых глобальных проблем человечества, связанных, прежде всего, с ликвидацией бедности и социального неравенства в ряде стран мира, уровень развития которых соотносит их с категорией стран «третьего мира».

В качестве иллюстративного примера можно привести различные социально-ориентированные программы и комплексные проекты Группы Всемирного Банка в странах Африки, связанные с поддержкой определенных управленческих и экономических инициатив, направленных на развитие национальных систем социального инвестирования и формирующих определенный потенциал для обеспечения экономического роста в африканских государствах даже в условиях нестабильной экономической и политической ситуации (таблица 1.3).

Представленные программы и проекты, направленные на обеспечение социального инвестирования в странах Африки за счет средств международного сообщества, конечно же, несут определенные положительные импульсы для развития экономических и общественных отношений и могут стать основой для формирования базы устойчивого роста для ряда ключевых отраслей сельского хозяйства и добывающей промышленности данных государств. Однако, такой подход к реализации проектов социального инвестирования может нести и значительные риски, причины которых могут заключаться в следующем:

- несистемный характер реализуемых социальных проектов, который не предполагает формирование устойчивой взаимосвязи на региональном или отраслевом уровнях и приводит к снижению эффективности функционирования всей экономической системы даже в условиях постоянного и регулярного внешнего финансирования со стороны ряда международных организаций,

- необходимость продолжения реализации проектов, даже после прекращения внешнего финансирования, не всегда может быть обеспечена в полной мере в связи с нехваткой соответствующих ресурсов, что также отрицательно сказывается на полученных результатах и может косвенно свидетельствовать о неэффективности проектных решений,

- сложность для международных организаций с выбором приоритетов или направлений на национальном уровне с точки зрения реализации тех или

иных социальных проектов, отсутствие четких методик реализации данных проектов, оценки их социальной, экономической или экологической эффективности не с точки зрения международной организации, а в контексте национальных интересов конкретной страны,

-неправильно выбранный приоритет или направление социального инвестирования, в свою очередь, обуславливает низкий уровень заинтересованности в реализации социальных проектов со стороны местных контактных групп, прежде всего, представителей органов государственной власти, крупного предпринимательского сектора, отдельных социальных групп населения, в том числе даже тех, на кого рассчитаны результаты от внедрения инвестиций социального характера,

-регламентация четких сроков реализации проекта не всегда соответствует реальной социальной и экономической ситуации, так изначально не учитывает весь спектр возможных негативных факторов внешней и внутренней среды. Кроме того, нельзя исключать и потенциальную вероятность низкого уровня прогнозных оценок требуемых результатов социального инвестирования, недостаточную проработку финансовой документации, отражающей соотношение реальных, а не номинальных затрат и результатов по реализации программ социального инвестирования,

-объем выделяемых средств, в рамках программного финансирования международных организаций, зачастую, не учитывает риски резкого ухудшения экономической ситуации в связи с : развитием кризисных ситуаций, как это можно было отметить в условиях последнего мирового кризиса, обусловленного распространением коронавирусной инфекции во всех без исключения странах мира; значительного увеличения уровня инфляции, вызванного в том числе, напрямую или косвенно, действием самого проекта; ухудшением общественно-политической и военной обстановки, что особенно актуально для стран Африки.

Таблица 1.3

Систематизация социально-ориентированных программ и комплексных проектов Группы Всемирного Банка в странах Африки (составлено автором на основе [465])

№	Наименование социального проекта	Страна реализации, ответственный государственный орган	Краткое описание проекта	Планируемая сумма вложений, млн. долл.	Статус социального проекта
1	Additional Financing to the Climate-Resilient and Inclusive Livelihoods Project	Республика Конго, Министерство планирования, статистики и региональной интеграции	Проект направлен на повышение уровня продовольственной безопасности, роста интенсификации использования земельных ресурсов на основе эколого-сберегающих технологий.	50	В стадии реализации
2.	Additional Financing for Adolescent Girls Initiative for Learning and Empowerment	Нигерия, Федеральное министерство образования	Проект направлен на повышение доступа и качества обучения для девочек в средней школе в рамках отдельных регионов страны.	700	В стадии реализации
3.	Secondary Cities Urban Mobility and Development Project	Буркина-Фасо, Министерство транспорта, городского развития и безопасности дорожного движения	Проект направлен на активизацию развития городской инфраструктуры с точки зрения расширения спектра предоставляемых услуг населению, обеспечения безопасности передвижения в условиях городского пространства, повышения качества управленческой деятельности в рамках планирования развития городского хозяйства и т.д.	200	В стадии реализации, планируется к завершению к 29.09.2028

4	Second AF to The Gambia Essential Health Services Strengthening Project	Гамбия, Министерство здравоохранения	Проект направлен на повышения качества оказания медицинских услуг населению в различных регионах страны. Одной из задач проекта является поддержка приоритетных направлений совершенствования национальной системы здравоохранения	8,83	В стадии реализации
5	Sierra Leone Productive Social Safety Nets and Youth Employment Project Additional Financing	Сьерра -Леоне, Национальная комиссия по социальной деятельности (NaCSA)	Проект направлен на повышения уровня доступа к различным социальным услугам среди ключевых групп населения. В целом, проект является продолжением уже реализуемого и предполагает дополнительное финансирование, что обуславливает небольшую стоимость данного проекта по сравнению с аналогами в других африканских странах	2	В стадии реализации
6	Madagascar First Equitable and Resilient Growth Development Policy Operation	Мадагаскар, межведомственное взаимодействие	Проект направлен на улучшение инвестиционной привлекательности страны и совершенствования государственной экономической политики, в том числе с точки зрения экологической и социальной политики	100	В стадии реализации, планируется к завершению к 30.06.2024
7	Mozambique Energy for All (ProEnergia)	Мозамбик, Министерство экономики и финансов	Проект направлен на повышение доступности, в том числе для населения, услуг электроснабжения в стране	148	В стадии реализации, планируется к завершению к 31.12.2023

Отдельно хотелось бы остановить на двух наиболее критичных проблемах, которые связаны с реализацией проектов социального характера в условиях рассматриваемой вертикальной модели.

Первая из них не является исключительно барьером для рассматриваемой вертикальной модели, она также характерна и для горизонтальной модели социального инвестирования, однако есть ряд существенных отличий с точки зрения ее потенциального решения или, хотя бы, сокращения уровня влияния на процесс инвестирования средств в социальные программы и проекты. Суть данной проблемы заключается в достаточно высоком уровне коррупции в национальных и региональных экономических системах, которая значительно снижает уровень эффективности социального инвестирования. На международном уровне факт наличия коррупции, прежде всего с точки зрения злоупотреблений со стороны представителей государственного сектора, иллюстрируется на основе ежегодного Индекса восприятия коррупции, формируемый на основе опроса местного предпринимательского сектора и национальных экспертов. В таблице 1.4 представлены страны с наихудшими результатами по данным Индекса за 2018 – 2022 гг.

Таблица 1.4

20 стран с наихудшими показателями Индекса восприятия коррупции,
2018 – 2022 гг. [461]

Страна	2022 г.	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.
Сомали	12	13	12	9	10
Сирия	13	13	14	13	13
Южный Судан	13	11	12	12	13
Венесуэла	14	14	15	16	18
Йемен	16	16	15	15	14
Ливия	17	17	17	18	17
КНДР	17	16	18	17	14
Гаити	17	20	18	18	20
Экваториальная Гвинея	17	17	16	16	16
Бурунди	17	19	19	19	17
Туркменистан	19	19	19	19	20

Никарагуа	19	20	22	22	25
Коморские острова	19	20	21	25	27
Чад	19	20	21	20	19
Демократическая Республика Конго	20	19	18	18	20
Гвинея – Бисау	21	21	19	18	16
Конго	21	21	19	19	19
Судан	22	20	16	16	16
Эритрея	22	22	21	23	24
Зимбабве	23	23	24	24	22

В целом, результаты стран -аутсайдеров, прежде всего стран Экваториальной, Западной и Восточной Африки, по уровню Индекса восприятия коррупции, в большинстве своем, совпадают с такими же плохими результатами как по уровню социально-экономического обеспечения на основании данных Индекса человеческого развития (таблица 1.1), так и по количеству граждан, находящихся ниже черты бедности (таблица 1.2). Лишь небольшая часть стран, ранее не представленных в соответствующих таблицах с наихудшими показателями социально-экономического развития, находится на низком уровне рейтинга по Индексу восприятия коррупции. Среди таковых следует отдельно отметить Туркменистан, Никарагуа и Венесуэлу, система социального инвестирования в которых ориентирована на ограничение внешнего вмешательства со стороны международных организаций или транснациональных компаний и формирование горизонтальной модели, предполагающей активизацию внутренних ресурсов для осуществления социального проектирования и повышения качества жизни населения.

Таким образом, если в условиях горизонтальной модели социального инвестирования фактор коррупции может быть, в течение определенного временного интервала, значительно нивелирован за счет повышения уровня, в том числе цифрового, контроля за действием представителей органов государственного и территориального управления и местных бизнес-структур в рамках усовершенствования правового поля и ужесточения наказания за

коррупционные деяния, то в условиях вертикальной модели социального инвестирования борьба с коррупцией может быть весьма неэффективной по целому ряду причин (отсутствие непосредственного контроля со стороны внешних социальных инвесторов, отсутствие корреляции социальных проектов и программ с национальной системой антикоррупционного противодействия, наличие договорных отношений между местными бизнесом и властью с целью мошенничества по отношению к внешнему социальному инвестору и т.д.).

Вторая, еще более важная причина, состоит в угрозе национальному суверенитету со стороны глобальных участников рынка и международных организаций, которые, фактически, навязывают свое собственное видение модели развития того или иного государства, получающего помощь в рамках гуманитарного или экономического сотрудничества, в рамках реализации которой социальное инвестирование либо не предполагается, либо находится вне приоритетных позиций.

В качестве примера можно привести требования со стороны МВФ к РФ в 90-е годы. Так, условием предоставления России 11 апреля 1995 года первого стандартного полномасштабного кредита стэнд-бай в объеме квоты страны в МВФ — 4313,1 миллиона СДР (6,8 миллиарда долларов) со сроком использования в течение 12 месяцев стали следующие действия, контролируемые со стороны организации в рамках собственного ежемесячного мониторинга как : сокращение дефицита госбюджета до 6% ВВП; снижение инфляции до 1% в месяц; устранение внешнеторговых льгот, окончательная ликвидация количественных ограничений экспорта и импорта, либерализация экспорта нефти и отмена до 1 января 1996 года экспортных пошлин [459].

Большинство предлагаемых мер имели крайне отрицательные последствия не только для российской экономики, но и для всей системы социального обеспечения, снизив вероятностный потенциал финансовой поддержки со стороны государства для реализации программ социального

инвестирования в регионах страны на долгий период времени при одновременном сохранении тенденции низкого уровня мотивации российского бизнеса того исторического периода к осуществлению социальных инвестиций.

2. *Систематизацию с точки зрения взаимодействия с микросредой социального инвестирования*, которая предполагает активное влияние предпринимательских структур в процессе формирования как государственной политики социального инвестирования и ее реализации применительно к отдельным категориям населения, отраслям, регионам и т.д., так и в контексте социального проектирования в условиях самих организаций и предприятий.

В связи с этим, можно, по аналогии с предыдущей средой, выделить несколько основных моделей социального инвестирования с точки зрения микросреды:

-внутренняя модель социального инвестирования, которая ориентирована исключительно на формирование и реализацию собственной корпоративной социальной стратегии, направленной, прежде всего, на повышение качества обеспечения и уровня жизни сотрудников компании при одновременном соблюдении экономических интересов самого хозяйствующего субъекта. Кроме того, в качестве объектов получения оказываемых социальных услуг могут выступать не только непосредственно сами сотрудники, но и члены их семей и ближайшие родственники. Формирование такого рода системы корпоративной социальной поддержки в обязательном порядке учитывает требование федерального законодательства относительно социальных льгот и преференций отдельным категориям граждан.

Данная модель соответствует классическим представлениям о социальной ответственности, прежде всего крупного и транснационального, бизнеса. Однако, несмотря на значимость такого рода социальной поддержки, в ее основе – сугубо экономические интересы бизнеса и узкий прагматизм, так

как материальное стимулирование и обеспечение высоких стандартов жизни отдельных категорий сотрудников направлено на решение или частичное устранение весьма значимых проблем бизнеса:

-проблемы текучести кадров, вызванной недостаточным уровнем оплаты труда по сравнению с конкурентами или даже предприятиями других отраслей экономики,

-проблемы с нехваткой персонала по отдельным профессиям и специальностям в связи с резким сокращением численности рабочей силы, трудоспособного населения или миграционного потока в страну,

-проблемы повышения уровня лояльности персонала к основным целям и миссии предприятия или организации за счет вложения средств в развитие системы корпоративной культуры и организационного поведения и т.д.

Несмотря на потенциальную эффективность данной модели социального инвестирования для конкретной предпринимательской структуры, по мнению автора, она не соответствует не только интересам российского государства в контексте формирования общей социальной политики и снижения диспропорций между различными социальными группами, в том числе в рамках решения проблемы с бедностью и социальным неравенством, но и запросам российского общества в условиях необходимости адаптации к новым экономическим санкциям долгосрочного характера.

-внешняя модель социального инвестирования, нацеленная не только исключительно собственные социальные проекты мотивационного характера, но и на воздействие на окружающую среду с целью реализации так называемой концепции социальной ответственности бизнеса, которую следуют считать более перспективной по сравнению с предыдущим вариантом. Реализация концепции социальной ответственности бизнеса также нашла свое отражение в многочисленных научных трудах различных авторов ([35],[202],[205],[222],[233],[283],[308],[312],[313],[345] и т.д.).

Основными сферами реализации данной модели, конечно же, следует признать повышение качества жизни и условий проживания в регионе -месте локализации компании, улучшение экологической обстановки и рост экологизации экономической деятельности в соответствии с приоритетами стратегического планирования регионального развития, сохранение культурных ценностей и национальных традиций, внедрение цифровых технологий для повышения уровня доступности отдельных услуг на региональном уровне и т.д. Представленные примеры свидетельствуют о высоком уровне значимости программ корпоративной социальной ответственности не только для отдельных категорий персонала, но и для всего ближайшего макроокружения предприятия или организации. Однако, как показывает российская практика, далеко не все сегменты российского бизнеса могут позволить себе переход от внутрикорпоративной социальной политики к программам корпоративной социальной ответственности регионального характера. В большей степени это возможно в условиях добывающей и перерабатывающей промышленности, нежели чем на предприятиях сферы услуг по целому ряду причин, основная из которых – недостаток или, скорее, неэффективное распределение собственных финансовых ресурсов, которые могли быть капитализированы в данные социальные программы.

-интегрированная модель социального инвестирования, которая изначально предполагает:

-тесное взаимодействие государства, бизнеса и общественности в процессе принятия и реализации различных социальных проектов и программ,

-сочетание отдельных направлений корпоративной социальной ответственности и государственных программ по оказанию социальных услуг,

-оценку возможности внедрения цифровых технологий в процесс предоставления услуг населению и бизнесу в целях решения ключевых проблем, стоящих перед обществом на данном этапе и учитывающих, например, влияние кризисных явлений и негативного воздействия отдельных

факторов внешней среды, в том числе наличие и рост антироссийских санкций,

-использование метода сценариев для обоснования оптимальных направлений взаимодействия всех участников рыночных отношений для решения социальных проблем общества и т.д.

Активное внедрение данной модели позволит получить необходимый кумулятивный эффект от программ социального инвестирования.

3. *Систематизацию с точки зрения взаимодействия с мезо-средой социального инвестирования*, которая предполагает взаимосвязь между системой социального инвестирования и отраслевыми экономическими системами.

Принимая во внимание классический подход к разделению всей экономической системы на ключевые сектора, которые участвуют в создании ВВП, нужно говорить об определённых особенностях, связанных с социальным инвестированием в промышленности, сельском хозяйстве и сфере услуг. Каждый из перечисленных секторов национальной экономики имеет свою институциональную структуру, особенности и ключевые направления, в рамках которых осуществляется социальная инвестирование. При этом в зависимости от сектора будут меняться и методические подходы, связанные с самим социальным инвестированием как процессом вложения средств в решение ключевых социальных проблем, связанных с той или иной отраслью или сегментом экономической деятельности.

По мнению автора, организация социального инвестирования в условиях промышленности и сельского хозяйства имеет много схожих черт, что обусловлено высоким уровнем значимости программ корпоративной социальной ответственности по отношению к персоналу, членам их семей, региональной социальной инфраструктуре и т.д., что становится особенно очевидным в условиях моногородов и закрытых территориальных образований, а также необходимостью обеспечения ускоренного роста программ, связанных с экологизацией бизнеса и внедрения инновационных

технологий, которые были бы направлены на снижение уровня экологической нагрузки на окружающую среду.

Кроме того, значительные преобразования в данных секторах экономики, связанные с постепенным укрупнением бизнеса и использованием олигополистической модели формирования конкурентного рынка, можно говорить о выработке общих, для промышленности и сельского хозяйства, методических подходов к организации социального инвестирования в условиях финансово-промышленных групп, промышленных кластеров, агрохолдингов, научно-производственных консорциумов и т.д. Чем выше уровень внутриотраслевой кооперации и партнёрского взаимодействия в смежных отраслях данных секторов экономики, тем выше может быть уровень организации социального инвестирования при одновременном использовании единых универсальных схем для осуществления социального проектирования и реализации социальных программ.

Еще одним сходством между данными секторами следует признать низкий уровень социальных инвестиций со стороны государства, что обусловлено ориентацией на расширение собственных программ корпоративной социальной ответственности отечественного бизнеса. Например, в таблице 1.5 представлены данные, которые характеризуют долю социальных затрат в рамках программ корпоративного социального инвестирования крупнейших российских компаний (за 2022 г.)⁹ в различных секторах экономики.

Таблица 1.5

Доля социальных затрат крупнейших российских компаний, 2022 г. [466]

№ рейтинге	Наименование компании	Доля социальных затрат в рамках программ корпоративного социального инвестирования, %
1.	Иркутская нефтяная компания	71,8
2.	Сургутнефтегаз	69,2

⁹ В исследовании представлены крупнейшие российские холдинги, консолидированная выручка которых больше 200 млрд. руб.

3.	Газпром	59,8
4.	Татнефть	50,0
5.	Росатом	49,2
6.	Норильский никель	46,2
7.	РЖД	43,5
8.	Алроса	34,6
9.	Аэрофлот	32,9
10.	Полюс	29,4
11.	МТС	29,1
12.	Россети (ПАО "Россети")	23,8
13.	Металлоинвест	22,1
14.	Вымпелком	21,6
15.	Фосагро	20,5
16.	Северсталь	19,7
17.	Сибур	18,3
18.	Магнитогорский металлургический комбинат	17,0
19.	En+ Group	13,9
20.	Интер РАО	11,5

Представленные данные наглядно свидетельствуют о значимости корпоративных программ и проектов социального инвестирования, прежде всего, для крупнейших предприятий российской промышленности добывающего сектора, металлургии и агрохимического производства. Вместе с тем в рамках рейтинга не представлены сельскохозяйственные предприятия, однако, это связано не с отсутствием программ корпоративного социального инвестирования в данном секторе, а с изначально высокими требованиями к консолидированной выручке, требуемые размеры которой не характерны для холдинговых объединений в аграрном секторе.

С другой стороны, что весьма важно, в рейтинге представлены и многие компании еще одного ключевого сектора отечественной и мировой экономики – сферы услуг. В состав рейтинга вошли крупные предпринимательские структуры, функционирующие, прежде всего, в таких сегментах сферы услуг как транспортное обеспечение (железнодорожное и авиасообщение) и услуги средств связи, которые могут самостоятельно развивать свои собственные программы корпоративной социальной ответственности.

Однако, оценивая социальное инвестирование с точки зрения системного подхода, нельзя не упомянуть и о его особенностях в условиях дестабилизации социально-экономических отношений в связи с возникновением ряда кризисных явлений как экономического, так и неэкономического характера. Рассмотрим данное утверждение на примере влияния пандемии коронавирусной инфекции на программы корпоративной социальной ответственности российского бизнеса.

Следует отметить, что в ходе пандемического шока 2020 г. российские крупные предприятия показали большую устойчивость к возникшей ситуации, связанной с внедрением ограничительных мер для недопущения распространения коронавирусной инфекции. Значительная часть предприятий продемонстрировала социально-ориентированный вектор своей деятельности и даже сумела не снизить, а повысить объемы производства. Между тем, для ряда отраслей возникшие в этот период вызовы стали серьезным испытанием и актуализировали вопросы о перестройке работы производства и даже стали фатальными.

В большей степени пострадали предприятия сферы услуг, связанные с туризмом, питанием, обслуживанием, спортивно-оздоровительными услугами. В условиях нехватки денежных средств они не смогли показать высокий уровень корпоративной социальной ответственности, поскольку сами оказались уязвимы. Компании сферы услуг такого профиля не смогли перестроиться на полноценную деятельность в удаленном режиме, что зачастую приводило к катастрофическим для них последствиям, включая банкротства.

К.Ю. Белоусов выделяет следующие причины трансформации корпоративной социальной ответственности в период пандемии [65]:

1. Новые требования к бизнесу со стороны заинтересованных сторон в условиях кризиса национальной системы здравоохранения и коллапса в ряде отраслей реального сектора экономики;

2. Изменение трудовых отношений (перевод сотрудников в удаленный режим) и сопутствующие этому риски – фрагментация коллектива, отстраненность, низкая эффективность работы вне офиса, утрата контроля менеджментом и т.д.;

3. Ускоренные темпы цифровизации общества, возникновение спроса на цифровые продукты;

4. Расширение коммуникаций со стейкхолдерами компании (как внутренними, так и внешними) за пределы ранее сформировавшихся границ.

Пандемия коронавируса выявила три тенденции в трансформации социального инвестирования, характерные как для России, так и для других стран:

1. Предприниматели демонстрировали заботу о персонале – стремление обезопасить работников от COVID-19, поддержать их здоровье.

В совместном исследовании агентств «Young Group Special» и «Fields4E», под названием «COVID-19: трансформация корпоративной социальной ответственности во время и после пандемии» были представлены итоги, выводы и тренды, сформулированные на основе мнения представителей крупного бизнеса из разных отраслей. Так, по данным исследования, 70% респондентов из числа крупных российских компаний, усилили меры по поддержке здоровья сотрудников, 40% организовали волонтерские программы, с вовлечением сотрудников, в 22,5% случаев сотрудники компаний самостоятельно сделали пожертвования, и лишь 15% работодателей остались в стороне, не предпринимая никаких действий в области КСО [437].

Характерно, что меры по защите персонала, реализуемые компаниями, зачастую были приняты в ущерб производительности труда и эффективности производственной деятельности. Бизнес-субъекты терпели дополнительные издержки, обусловленные необходимостью организации дистанционного труда работников и других анти-эпидемиологических мер. Фактически не нашлось известных компаний, которые демонстративно отказались бы от приостановления своей деятельности в условиях пандемии коронавируса.

Большинство компаний не применяли жестких дискриминационных действий в отношении тех работников, которые в период пандемии ставили заботу о здоровье выше, чем поддержание дисциплины труда.

Поддержка работников в условиях пандемии стала базисом для поддержаний имиджа компании и стала ключевым элементом практик КСО в период пандемии коронавируса. Крупные бизнес-субъекты, имевшие проблемы с доходностью, сокращали некоторые социальные направления (например, инвестиции в спорт), однако считали необходимым поддерживать имеющийся уровень заработной платы у работников и даже, по возможности, повышать его. Забота о здоровье и благополучии персонала в условиях пандемии коронавируса была отмечена в большинстве социальных отчетов российских компаний по итогам 2020 г.

Между тем, некоторые российские предприятия малого и среднего бизнеса, отличающиеся «серой» занятостью работников, заставляли сотрудников трудиться даже в острые, пиковые периоды пандемии без мер медицинской и социальной защиты. Такие процессы были характерны, прежде всего, для низкоквалифицированных и неквалифицированных работников.

2. Повышение роли государства в деятельности бизнеса (ограничения и поддержка)

Пандемия COVID-19, а также внешнеполитические осложнения, вызывают усиление роли государства в российской экономике. Поддержание безопасности (в различных трактовках этого термина) и устойчивости функционирования компаний приобретает больший приоритет, чем свобода предпринимательской деятельности. Часть государственных мер носит запретительный характер, другая, напротив, стимулирует развитие бизнеса. С одной стороны, в период пандемии коронавируса правительства большинства стран стремятся субсидировать бизнес и создать ему другие преференции с целью сохранения занятости. С другой стороны, период «турбулентности» накладывает ограничения на бизнес, такие как соблюдение эпидемиологических ограничений. Идея невмешательства государства в

деятельность компаний уступает место достижению совместных целей, когда интересы органов государственной власти, бизнес-сообщества и общества, в целом, синхронизируются и согласовываются.

Преобразования в законодательстве Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19 можно разделить на несколько групп [361]:

1. Нормативно-правовые акты, связанные с введением ограничений, запретов и их поэтапным снятием;
2. Нормативно-правовые акты о мерах поддержки организаций и индивидуальных предпринимателей;
3. Штрафы и другие меры ответственности за несоблюдение законодательства, связанного с защитой населения;
4. Нормально-правовые акты, регулирующие исполнение обязательств и другие юридические вопросы.

В России деятельность крупного бизнеса традиционно имеет широкую связь с органами государственной власти, поэтому вынужденное согласование деятельности компаний с государственными структурами часто воспринимается как данность. Следует отметить, что в нашей стране социальное партнерство между государством, работником и работодателем зафиксировано в Трудовом Кодексе (раздел II) [2]. Глобальная нестабильность обуславливает необходимость повышенной защиты интересов как работников компаний, так и самих компаний, обеспечивающих сохранение за работниками рабочих мест, поэтому институты социального партнерства актуализируются.

Более сложная ситуация с российским малым и средним бизнесом. Он в меньшей степени связан с государством, зачастую использует непрозрачные и полуполигальные схемы как при взаимодействии с органами государственной власти, так и при трудоустройстве работников. Ситуация глобальной нестабильности более остро сказывается как на собственниках субъектов малого предпринимательства, так и их работниках, которые в меньшей степени защищены, чем сотрудники крупных предприятий.

Что касается США и стран Западной Европы, то достижение единой корпоративной и государственной политики обосновывается там более последовательным и глубоким внедрением концепций КСО и ESG, чем в России.

3. В условиях пандемии COVID-19 компании стремились оказывать безвозмездную помощь обществу в сферах своей компетенции.

По данным исследования «Edelman Trust Barometer-2020» агентства «Edelman» [390], в 2020 г. 71% респондентов из числа потребителей товаров и услуг были готовы отказаться от покупки, если бренд не является социально ответственным и основывается на принципах корпоративного эгоизма (то есть не соблюдает принципы КСО).

Можно привести множество примеров помощи государству и обществу со стороны различных компаний. Например, французская транснациональная компания LVMH, занимающаяся производством предметов роскоши под торговыми марками Christian Dior, Louis Vuitton, Givenchy и прочие в связи с дефицитом в стране дезинфицирующего гидроспиртового геля мобилизовала имеющиеся технические мощности для производства крупных объемов антисептика, которые были переданы государству. Аналогичные примеры участия крупного бизнеса в «латании дыр» в условиях пандемии можно привести и в России.

Высокую социальную ответственность в условиях пандемии COVID-19 продемонстрировала и основная часть сегментов малого предпринимательства, в том числе, в нашей стране. Как отмечает Я.А. Горнак, «в отношении российских компаний можно сделать интересное наблюдение: активное участие в программах помощи населению принял средний и малый бизнес. Например, рестораны бесплатно обеспечивали горячим питанием сотрудников больниц и стационаров, которые были вынуждены работать в интенсивном режиме, не имея возможности покинуть рабочее место для питания в кафе.» [114].

Сохранение здоровья не только сотрудников, но и, общества, в целом, была характерна для КСО-проектов российского бизнеса в 2020-2021 гг. Между тем, в России были заметны группы предпринимателей, смыкающиеся с «ковид-диссидентами» – они не просто отказывались от поддержки здоровья и благосостояния людей в период пандемии, но, напротив, демонстративно отказывались от выполнения эпидемиологических ограничений, даже попадая под административное преследование со стороны органов правопорядка. Еще одна группа предпринимателей – те, кто стремились имитировать соблюдение ограничений, вызванных коронавирусом, однако фактически саботировали их, стремясь сохранить свою деятельность в том виде, в каком она осуществлялась до 2020 г.

В целом, глобальная нестабильность в России повышает степень вовлеченности деловых кругов в решение социально значимых задач, а также степень влияния государства на корпоративную политику. Пандемия COVID-19, также санкционное противостояние 2022 г., связанное с проведением военной операции на Украине, создают ситуацию, когда руководство компаний должно в гораздо большей степени учитывать социально-политические факторы. По сути, бизнес оказывается в ситуации, когда не может быть «вне государства». Соответственно, корпоративная социальная ответственность российских компаний выстраивается на основе этих фундаментальных изменений.

Деятельность российских компаний в сфере КСО в 2022 г. становится в большей степени не способом привлечения иностранных инвесторов или одной из составляющих для выхода на международные рынки, как это было в предыдущие годы, а мероприятиями, нацеленными на внутрироссийские заинтересованные стороны. В этих условиях видится вероятным частичный отказ от международной стандартизации в сфере социальной отчетности (таких стандартов как ISO 26000) в пользу выработки внутрироссийских стандартов, которые будут существовать параллельно общемировым.

Вместе с тем, сфера услуг, во всем ее многообразии которое необходимо учитывать при формировании и реализации социальных проектов и программ, требует значительного социального инвестирования не только частного бизнеса, занятого на рынке услуг, но и государства, а также целого ряда корпоративных структур, осуществляющих предпринимательскую деятельность в других секторах российской экономики.

1.3. Концептуальные подходы к взаимосвязи и взаимовлиянию социального инвестирования и сферы услуг

Учитывая отечественный ([265], [288], [324], [330], [360]) и зарубежный ([374], [375], [397], [414]) успешный опыт оценки социального инвестирования во взаимосвязи и взаимовлиянии с отраслевыми системами, можно говорить о существовании значительных теоретических и практических разработок в области организации социального инвестирования в условиях традиционных секторов экономики. Вместе с тем, с ростом значимости сферы услуг и ее постепенным преобразованием в сервисную экономику, всё большую актуальность приобретают вопросы, связанные с формированием и развитием устойчивой системы социального инвестирования, ориентированного именно на различные сегменты услуг. При этом, в отличие от других секторов экономики, сфера услуг в контексте социального инвестирования может рассматриваться с совершенно противоположных точек зрения:

-услуги как основная сфера приложения социального инвестирования, что соответствует общим тенденциям в сфере промышленного производства и аграрного сектора и предполагает как инвестиции со стороны государства, так и активное формирование программ корпоративной социальной ответственности применительно к условиям конкретного сегмента или рынка услуг,

-услуги как инструмент осуществления социального инвестирования, неотъемлемая часть организационно-экономических механизмов,

направленных на повышение эффективности и достижение социального эффекта от реализации социальных программ и проектов.

В связи с этим, необходимо более пристально рассмотреть возможные концептуальные подходы к тому, каким образом осуществляется взаимодействие социального инвестирования как экономической категории и сферы услуг как важного сегмента национальной экономики, который способствует решению многих социально-экономических проблем, лежащих в основе необходимости социального инвестирования для устойчивого роста и развития любой экономической системы и российского общества, в целом.

На рисунке 1.3 автором представлены возможные концептуальный подход к характеристике взаимосвязи и взаимовлияния социального инвестирования и сферы услуг.

Представленные категории услуг размещены в порядке значимости усилий и поддержки государства в вопросах обеспечения социального инвестирования. Наиболее значимыми с точки зрения государства являются две категории: услуги, которые представляет собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью и услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста.

С другой стороны, две следующие категории (услуги, необходимые для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации и услуги, на рынке которых возможно формирование устойчивых корпоративных программ социальной ответственности бизнеса), в большей степени, ориентированы на поддержку со стороны бизнес-структур как в связи с их востребованностью на рынке, так и с точки зрения потенциального роста капитализации данных секторов сферы услуг.

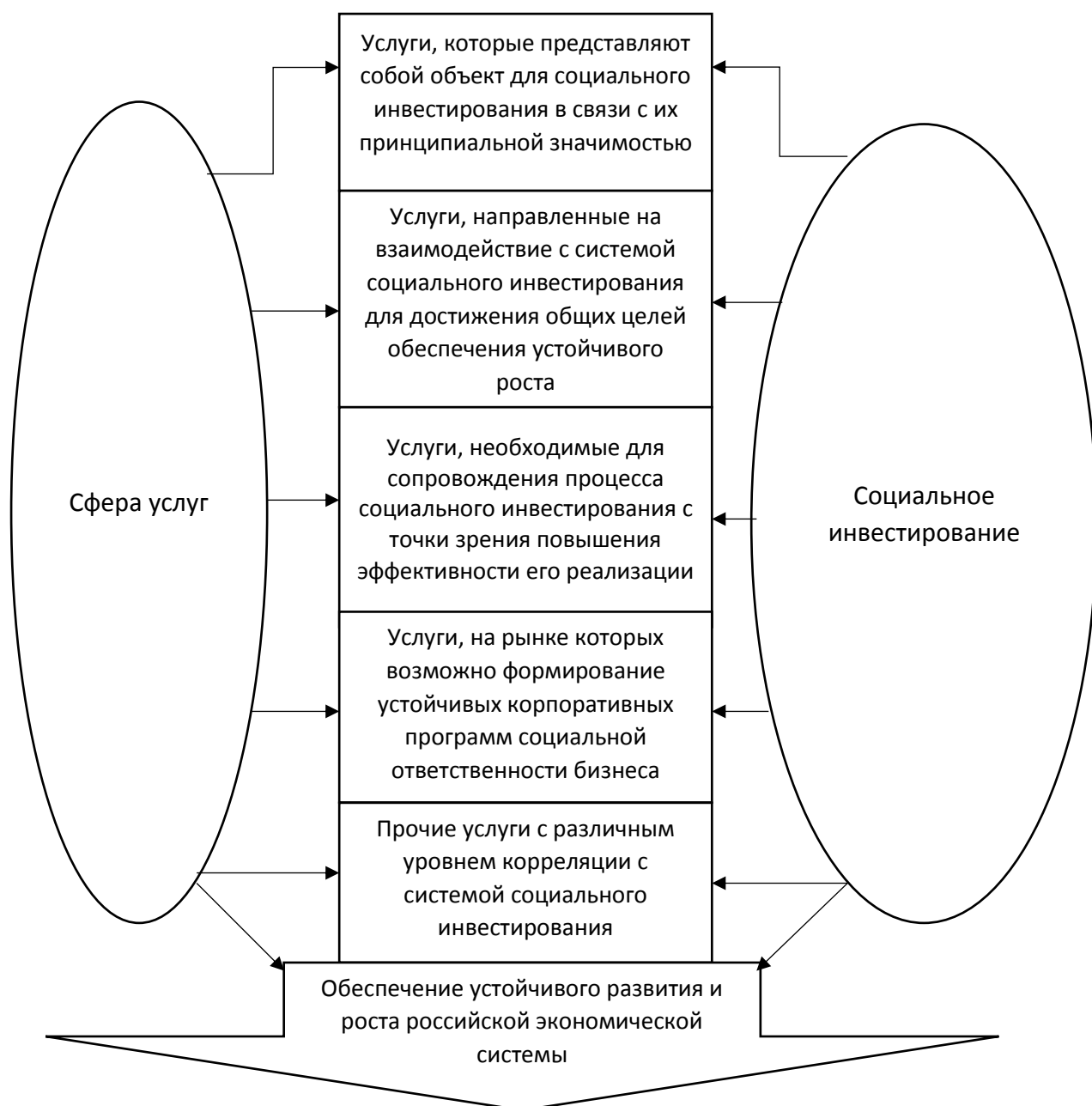

Рисунок 1.3 - Концептуальный подход к взаимосвязи и взаимовлияния социального инвестирования и сферы услуг (авторские разработки)

Последний вариант предполагает более активное влияния потребителя на отдельные аспекты социального инвестирования, так как данные услуги, напрямую, зависят от величины потребительского спроса и в меньшей степени коррелируют со сферой услуг.

Рассмотрим данные варианты более подробно, используя в качестве примеров актуальную проблематику сферы услуг в российской экономике.

1. Услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью для развития национальной экономики и общества

Первый из представленных подходов заключается в том, что услуги рассматриваются как некая ключевая детерминанта, которая является объектом для социального инвестирования, то есть инвестиционные вложения осуществляются в рамках определенных секторов сферы услуг для решения ключевых проблем социально-экономического и общественного характера, решение которых позволит добиться, в том числе, необходимых экономических результатов, запланированных в рамках различных стратегий развития государства или территории (региональных, отраслевых, научно-технологических и т.д.).

Естественно, в связи с особой значимостью данных услуг, большая часть расходов по социальному инвестированию сконцентрирована в рамках прямого финансирования, субсидирования или выделения дотаций из бюджетов различного уровня. При этом финансирование может быть направлено как на поддержание текущей инфраструктуры или сохранения персонала для предоставления подобного рода услуг в рамках государственных казенных или муниципальных учреждений, так и на осуществление конкретных проектов, связанных с развитием выбранного сектора услуг. Во втором случае весьма большая вероятность привлечения средств со стороны частного бизнеса в контексте популярных схем, не только за рубежом, но и в российской практике, государственно-частного партнёрства.

Однако, помимо весьма высокого риска возникновения возможных коррупционных злоупотреблений и мошенничества при использовании подобного рода схем, в большинстве своем они направлены на создание принципиально новой и модернизацию уже существующей материальной инфраструктуры и далеко не всегда учитывают не только чисто экономические показатели, например уровень спроса на услуги или объем

примерного потока потребителей исходя из влияния фактора сезонности во многих сегментах сервисной экономики.

Среди подобного рода услуг, социальное инвестирование в развитие которых не может быть осуществлено без значительных вложений из государственного бюджета, несомненно, следует выделять широкий спектр медицинских услуг различным категориям населения. Именно высокий уровень развития медицины и национального здравоохранения может способствовать социально-экономическому росту и сохранению самой государственности в условиях изменяющейся внешней среды. Огромное значение, с точки зрения ключевых направлений социального инвестирования, имеют прямые вложения в инфраструктуру и подготовку кадров для сферы медицинских услуг. Однако, в условиях формирования социального государства весьма важным остается проблематика обеспечения равного доступа к качественным услугам системы здравоохранения вне зависимости от величины располагаемого дохода, что требует значительного перераспределения ресурсов для поддержки отдельных категорий граждан.

Также значительное влияние на развитие системы социального инвестирования на данном рынке услуг имеет обеспечение тесной взаимосвязи между бизнесом и государством с целью оптимизации расходов на оказание медицинской помощи и непосредственное лечение пациентов. Кроме того, в условиях активного роста сервисной экономики медицинские услуги находятся в тесном взаимодействии с другими секторами сферы услуг, что позволяет усилить возможности по совершенствованию системы социального инвестирования за счет расширения ресурсного потенциала рынка медицинских услуг. В качестве примера можно привести медицинский туризм, который позволил повысить эффективность оказания и охвата качественными медицинскими услугами различных категорий населения, в том числе за счет мер социальной поддержки со стороны государства.

2. Услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого

роста, развития и трансформации в контексте инновационных преобразований и влияния разнонаправленных факторов внешней среды.

В данном случае социальное инвестирование выступает в качестве возможного инструмента для обеспечения роста основных показателей социально-экономической деятельности, способствует повышению уровня инновационной активности тех или иных экономических субъектов, обеспечивает возможность для максимально эффективной трансформации, прежде всего цифрового характера, в условиях ограниченности ресурсной базы и снижение возможных временных интервалов в целях сохранения необходимого уровня конкурентоспособности отдельных секторов сферы услуг, охарактеризованных в первом варианте и т.д.

В качестве практического примера данного утверждения можно отметить необходимость социального инвестирования в реформирование системы образовательных услуг в контексте не только создания дополнительных возможностей для получения и расширения профессиональных компетенций для различных категорий населения, но и с точки зрения модернизации и обновления содержания образовательных программ, в рамках которых происходит подготовка по тем или иным профессиям, в том числе связанных с инновационной экономикой и цифровой трансформацией.

Комплексное социальное инвестирование в систему образовательных услуг одновременно решает многочисленные проблемы, которые остро стоят перед любой национальной экономикой – от проблемы нехватки квалифицированных кадров для выполнения ряда трудовых функций, большая часть из которых не может быть трансформирована в рамках автоматизации производственных процессов до снижения зависимости от импортных технологий и иностранных научных разработок, превалирование которых на отечественном рынке снижает уровень технологического суверенитета и создает предпосылки для роста зависимости национальной экономической

системы от ситуации на мировых рынках и поведения стран-возможных ценовых лидеров в той или иной сфере экономической деятельности.

В современных российских условиях образовательные услуги и их финансирование, как, впрочем, и сфера научных исследований, в большинстве своем сконцентрировано в зоне ответственности государства на том или ином уровне управления. В целом, структура расходов на систему национального образования и образовательные услуги по состоянию на 2022 г. представлена в таблице 1.6.

Таблица 1.6

Расходы федерального бюджета на систему образования и образовательные услуги в РФ, 2022 г. [478]

№	Наименование раздела бюджетных расходов	Плановая величина расходов, р.
1	Дошкольное образование	16 284 423 800,00
2	Общее образование	340 192 948 100,00
3	Дополнительное образование детей	24 821 452 600,00
4	Среднее профессиональное образование	61 090 981 800,00
5	Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации	22 803 765 300,00
6	Высшее образование	655 925 436 600,00
7	Молодежная политика	42 595 554 500,00
8	Прикладные научные исследования в области образования	36 228 834 400,00
9	Другие вопросы в области образования	41 364 156 700,00

Как видно из представленных данных, большая часть расходов приходится на такие сферы образования как общее образование (исходя из необходимости обеспечения равного доступа всех граждан страны к получению базового среднего образования) и высшее образование (в связи с необходимостью обеспечения квалифицированными кадрами предприятий российской экономики). Однако, на этом фоне, весьма незначительными представляются расходы, в несколько раз меньшие, на систему среднего профессионального образования, которая является неотъемлемой частью подготовки рабочего персонала на рынке труда. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности такого распределение затрат в контексте

необходимости ускорения срока и качества подготовки специалистов среднего звена, которые могли бы составить достойную конкуренцию персоналу с высшим образованием по целому ряду профессий и направлений деятельности. В связи с вышесказанным, представляется весьма актуальным обсуждение возможности реализации практико-ориентированных программ основного образования¹⁰, что соответствует существующим понятиям бакалавриата и специалитета, на базе учреждений СПО, которые в достаточной мере соответствуют всем необходимым требованиям федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, прежде всего, в части материального и кадрового обеспечения, а также уровня взаимосвязи с потенциальными работодателями.

В качестве примера такого рода учреждений можно привести Пермский техникум профессиональных технологий и дизайна, который прошёл длительный путь через различные уровни образования от училища – с 1968 года до техникума – с 2003 года [476]. В настоящее время данное заведение реализует 13 специальностей среднего профессионального образования и 2 специальности по рабочим профессии, что в совокупности составляет 28 образовательных программ на базе 9 и 11 классов. Отличительной особенностью Пермского техникума профессиональных технологий и дизайна является его ориентированность на подготовку специализированных кадров для сервисной экономики, в том числе специалистов в области сервиса, гостиничного дела, туризма, парикмахерского искусства и т.д., что особенно важно в контексте развития данного сектора региональной экономики в условиях Пермского края.

¹⁰ Согласно Указу Президента РФ от 12 мая 2023 г. N 343 в 2023/24 - 2025/26 учебных годах в шести российских вузах пройдет пилотный проект по изменению уровней профессионального образования, который предусматривает два уровня высшего образования - базовое и специализированное (магистратура, ординатура и ассистентура-стажировка), а также один уровень профессионального образования – аспирантура [4]

С другой стороны, вызывает определенные вопросы и уровень затрат на прикладные научные исследования в области образования, результаты которых далеко не всегда находят практическое применение в российской региональной практике. Кроме того, можно говорить о низком уровне согласованности различных субъектов, которые функционируют на рынке образовательных услуг в контексте проведения внутренних научных исследований, весьма часто к выполнению государственного задания допускаются организации, не обладающие практическим опытом проведения исследований в области образования, что ведет к значительному снижению качества получаемых результатов.

Данный раздел расходной части бюджета значительно выше такой востребованной категории на рынке услуг как «Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации». В условиях продолжающейся цифровой трансформации возникает актуальная потребность в усилении данного направления не только с точки зрения увеличения бюджетных расходов, а, в большей степени, в разработке и реализации программ переобучения, формируемых и реализуемых предпринимательским сектором при одновременном контроле со стороны органов государственной власти.

Отсутствие четкого национального программирования и планирования процесса социального инвестирования, предполагающего расширение круга потенциальных инвесторов и расширение уровня ответственности каждого из них за полученный финальный результат, в систему образовательных услуг приводит к снижению уровня ее конкурентоспособности, сокращает интегрированный потенциал для роста различных секторов национальной экономики в стратегической перспективе, что уменьшает возможности для развития всего государства и общества в условиях цифровой экономики.

Таким образом, обеспечение взаимосвязи повышения эффективности социального инвестирования и устойчивого роста социально-экономических систем, должно рассматриваться в качестве единого комплексного

организационно-экономического механизма, действие которого должно обеспечить синергетический эффект от его практической реализации. При этом необходимо отметить, что каждый из участников взаимодействия несет общую ответственность за полученные результаты.

3. Услуги, необходимые для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации и достижения необходимых целевых показателей.

Данные виды услуг, несмотря на отсутствие конкретной специфики социальной направленности по сравнению с первым вариантом и ориентацией на частный бизнес в отличие от второго варианта, где весьма значительна роль государственного регулирования, стимулирования и поддержки предпринимательских инициатив, весьма значимы для процесса социального инвестирования, так как их основная задача – обеспечить (способствовать обеспечению) рационального и эффективного распределения ресурсов и средств в процессе прохождения определенных стадий, связанных с инвестированием средств на социальные проекты и программы.

Особую актуальность данные услуги приобретают в условиях пред-инвестиционной стадии, когда необходимо четко определить не только генеральную цель и задачи конкретного социального проекта, инициированного государством, или внутренней подпрограммы в рамках корпоративного социального ответа, но и обосновать социально-экономическое и технологическое сопровождение данных решений с учетом необходимости ориентации не только на традиционные подходы и варианты, как например в случае строительства типовых школ или поликлинических учреждений, но и на потенциальные широкие возможности проектирования с учетом внедрения различных продуктовых, технологических и управленческих инноваций в зависимости от специфики конкретного решения и области социального инвестирования.

Среди наиболее востребованных услуг такого рода могут стать консалтинговые услуги, роль которых весьма значима с точки зрения

оптимизации управленческих процессов и социально-экономического обеспечения социального инвестирования. Среди наиболее востребованных аспектов взаимодействия системы социального инвестирования и рынка консалтинговых услуг можно отдельно обозначить:

-формирование технико-экономического обоснования конкретного социального проекта или программы в контексте оценки его перспективности в долгосрочном временном интервале, актуальности и востребованности в настоящее время и т.д.,

-оценку возможных инновационных решений в условиях социального инвестирования, в том числе обоснование конкретных технологических или продуктовых инноваций в рамках оказания социальной помощи и поддержки отдельным категориям граждан; выбора оптимального медицинского оборудования, прежде всего, отечественного производства, при строительстве или модернизации поликонических комплексов и ФАПов;- выбора того или иного информационного решения в контексте использования технологии блокчейн для оценки генеральной или репрезентативной выборки получателей определенных социальных услуг и т.д.,

-последующее методическое и организационное сопровождение в условиях функционирования и развития конкретного инфраструктурного объекта, связанного с социальным инвестированием, в том числе проведение независимого внешнего аудита с точки зрения оценки не только достигнутого социального эффекта, но и в контексте оптимизации расходов на содержание и эксплуатацию данного объекта, поиск альтернативных вариантов его возможного потенциального использования для выхода на частичное или полное самофинансирование,

-разработку адаптивных стратегий развития в условиях социального проектирования. В данном случае речь идет, прежде всего, о стратегиях корпоративного социального проектирования и социальной ответственности в условиях предпринимательских структур. Однако, по мнению автора, независимые консалтинговая оценка, исследования и аудит могли быть

полезны и при стратегическом планировании социального инвестирования и, в целом, социальной политики, на уровне государства или отдельных субъектов РФ. В целом, привлечение консалтинговых организаций могло бы способствовать не только достижению экономии в распределении государственного финансирования за счет выбора наиболее значимых и целевых проектов или программ, связанных с повышением социального обеспечения отдельных категорий граждан и т.д.

При этом необходимо учитывать тот факт, что консалтинговые и другие услуги, выделяемой автором, третьей категории, ориентированы на получение коммерческой прибыли для функционирования на рынке, что требует отдельного внимания при разработке и внедрении организационно-экономических механизмов социального инвестирования в рамках решения конкретных социально-экономических проблем, которые, по сути, и являются направлениями социального инвестирования.

Отдельным вопросом, в случае третьей категории услуг, возникает проблематика соответствия качества предоставляемых услуг подобного рода сервисных организаций с точки зрения целеполагания и организации процесса управления социальным инвестированием. В целом, например, весьма проблематично оценить качество консалтингового сопровождения не сколько с позиции работы обслуживающего персонала (консультантов, аналитиков и т.д.), а сколько с точки зрения корреляции практически полученных результатов от инвестирования в социальные проекты с предварительными вариантами планирования или нормативной регламентации отдельных подпроцессов в рамках процедур.

4. Услуги, на рынке которых возможно формирование устойчивых корпоративных программ социальной ответственности бизнеса.

Несмотря на то, что большинство сегментов современного рынка услуг не обладают значительным уровнем капитализации по сравнению с промышленным производством и аграрным сектором, однако, существуют ряд секторов сферы услуг, которые, благодаря высокой прибавочной

стоимости и востребованности среди различных групп потребителей, могут обеспечить создание и реализацию собственных программ корпоративной социальной ответственности не только в рамках внутренней, но и внешней модели социального инвестирования.

Среди такого рода услуг необходимо упомянуть, прежде всего, услуги в сфере телекоммуникаций и связи, рынок которых значительно вырос за счет устойчивого спроса как корпоративных, так индивидуальных клиентов. В связи с этим, в данном сегменте услуг возможна разработка отдельных социальных программ по поддержке собственного персонала и их окружения, а также реализация проектов по социальному инвестированию в рамках развития собственной социальной экосистемы. Задача государства, в данном случае, сформировать необходимую нормативную базу и инструментарий, с помощью которого можно было бы не только регламентировать данные направления деятельности, но и оказать поддержку такого рода инициативам частного предпринимательства.

Однако, как и в случае с товарным производством в промышленности, падение спроса на услуги обуславливает возникновение потенциального риска прекращения программ социального инвестирования, что также необходимо принимать во внимание при формировании долгосрочной государственной политики в данной сфере.

В связи с этим весьма важным остается мониторинг текущей деловой активности на данных сегментах сферы услуг и разработка среднесрочных прогнозов развития в условиях внедрения цифровых технологий, которые могут как способствовать росту потенциала для осуществления социального инвестирования в случае их успешной адаптации применительно к сущности оказываемых услуг, так и вести к значительному ухудшению социальной обстановки в связи с негативными изменениями для бизнеса.

5. Прочие услуги с различным уровнем корреляции с системой социального инвестирования.

Как уже было сказано ранее, существует ряд сегментов сферы услуг, в условиях которых социальное инвестирование не имеет четкой взаимосвязи с предоставляемыми услугами по целому ряду причин, большая часть из которых обусловлена самой природой подобного рода услуг. К числу такого рода услуг необходимо отнести бытовые услуги населению.

С одной стороны, значимость данных услуг для государства является, скорее, вторичной по сравнению с целым рядом других, более востребованных услуг, как например уже упомянутые ранее медицинские и образовательные услуги, что приводит к снижению или даже отсутствию устойчивого финансирования развития данного сегмента сферы услуг. С другой стороны, предоставление бытовых услуг населению сосредоточено, в основном, в сфере малого и среднего бизнеса, что накладывает определенные самоограничения на разработку и реализацию социальных программ, инициированных самим бизнесом. В связи с этим, весьма актуальным следует считать оценку возможности социального инвестирования на тех сегментах сферы услуг, где ни бизнес, ни государство не в состоянии сформировать концептуальные подходы к осуществлению данного процесса.

Резюмируя вышесказанное, можно говорить о том, что сфера услуг тесно взаимосвязана с социальным инвестированием во всем многообразии его форм и методов реализации в конкретных социально-экономических условиях. Однако, каждый сегмент сферы требует формирования отдельных, специфических моделей и организационно-экономических механизмов, посредством использования которых возможно достижение не только социального, но и экономического эффекта от их внедрения.

Автор считает необходимым предложить собственное определение научной категории «социальное инвестирование в сфере услуг», учитывая современные экономические реалии, формирование инновационной экономики, основанной на принятии цифровых управленческих решений и

необходимость сохранения традиционного российского общества в условиях негативного влияния факторов внешней среды.

Учитывая данные условия и ограничения, под *системой социального инвестирования в сфере услуг* в современных российских социально-экономических условиях следует понимать *многоуровневую систему взаимодействия и взаимовлияния различных экономических субъектов с точки зрения организационно-экономического обеспечения управления их непосредственным участием в решении насущных социально-экономических проблем различного уровня и природы происхождения как в условиях стабильных экономических условий, так и в ситуации негативного воздействия ряда дестабилизирующих факторов внутренней и внешней среды за счет повышения социально-экономической эффективности проектирования и реализации широкого спектра услуг, которое может оказать положительное воздействие на развитие не только сервисной экономики и ее внутренней структуры, но и способствовать реализации государственной социальной политики в РФ, осуществлению социального проектирования в рамках программ корпоративной социальной ответственности российского бизнеса, росту гражданских инициатив, в том числе направленных на сохранение традиционного российского общества, улучшение демографической ситуации и обеспечение неразрывной связи между поколениями на основе общей национальной идентичности и необходимости защиты национальных интересов в условиях многополярного мира.*

В связи с вышесказанным, представляется актуальным исследование взаимосвязи и взаимодействия основных направлений социального инвестирования и отдельных сегментов сферы услуг в РФ с целью разработки оптимальной государственной и корпоративной политики в области социального проектирования, результаты которого способствовали бы устойчивому росту российской экономики.

2. Эволюция системы социального инвестирования в сфере услуг в условиях социально-экономических преобразований

2.1 Классификация систем и разработка моделей социального инвестирования в сфере услуг

Несмотря на различные методологические подходы к определению сущности системы социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения ее позиционирования относительно других социально-экономических систем, можно говорить о том, что, как и любая система она будет в обязательном порядке охватывать следующие важные категории:

-объекты социального инвестирования в сфере услуг – ключевые ресурсы сферы услуг, инвестирование средств в которые способствует реализации социальных проектов и программ и направлено на решение основных социально-экономических проблем общества,

-субъекты социального инвестирования в сфере услуг – государство, предпринимательские структуры, некоммерческие организации, общественные объединения, международные организации и ассоциации и другие возможные субъекты социально-экономических отношений, осуществляющие инвестирование в отдельные виды услуг, связанные с процессом социального инвестирования в рамках собственного целеполагания и с учетом имеющейся ресурсной базы,

-процесс управления системой социального инвестирования в сфере услуг – прямое или опосредованное воздействие на инвестиционный процесс, связанный с осуществлением социальных вложений на рынке услуг, обеспечивающее достижение необходимых эффектов, прежде всего, социального характера при сохранении необходимого уровня соотношения затрат и полученного результата.

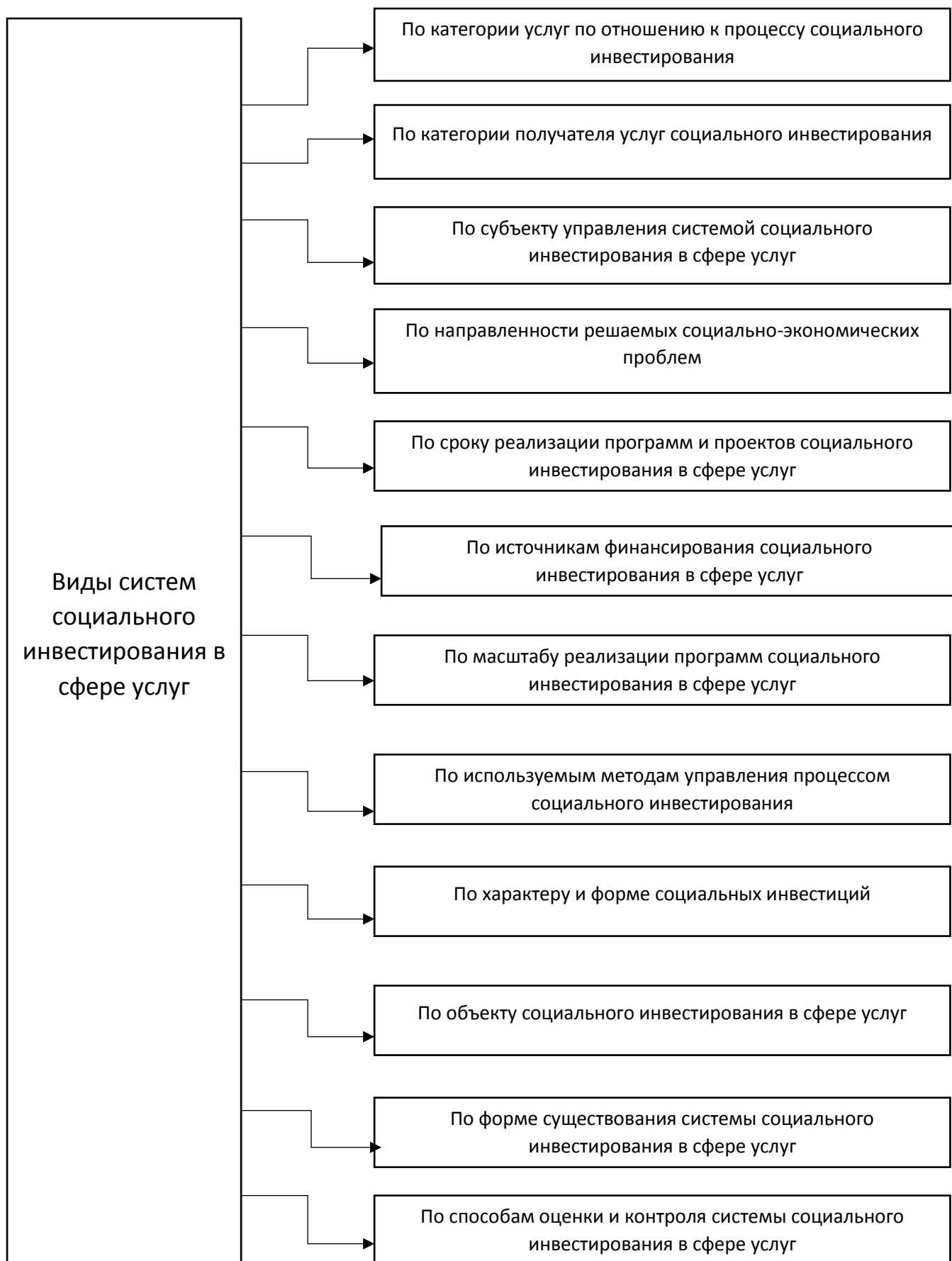

Рисунок 2.1 – Классификация систем социального инвестирования в сфере услуг (авторские разработки)

Вместе с тем, система социального инвестирования неоднородна и может быть классифицирована по ряду признаков (рисунок 2.1).

Перечисленные на рисунке 2.1 критерии классификации систем социального инвестирования в сфере услуг отражают как общие подходы к классификации экономических и управленческих категорий (например, деление систем с точки зрения субъекта и объекта управления, временная периодизация действия системы и ряд других), так и специфические, присущие именно социальному инвестированию или сфере услуг (прежде всего, классификация с точки зрения категории услуг по отношению к процессу социального инвестирования, по характеру и форме социальных инвестиций и т.д.). Рассмотрим предложенные автором виды систем социального инвестирования в сфере услуг более детально.

Первый вид классификации анализируемых систем связан с выделением категорий услуг с точки зрения их роли и участия в процессе социального инвестирования. Более подробно данные категории услуг были рассмотрены в первой главе диссертационного исследования. По мнению автора, именно первые две категории услуг (услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью и услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста) могут служить фундаментом самой системы социального инвестирования, когда как другие три категории ориентированы на ее поддержку и развитие за счет принципиальных качеств услуг (услуги, необходимые для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации), возможности коммерциализации и достижения окупаемости (услуги, на рынке которых возможно формирование устойчивых корпоративных программ социальной ответственности бизнеса), а также сервисного сопровождения (прочие услуги с различным уровнем корреляции с системой социального инвестирования). В любом случае именно выделение данных видов систем социального

инвестирования может носить принципиальный характер в условиях сервисной экономики.

Следующей важной классификацией систем социального инвестирования следует признать их разграничение по категории получателя услуг. С одной стороны, можно говорить об универсальных (общих) системах социального инвестирования, действие которых ориентировано на любого получателя услуг из числа, например, жителей страны, региона; сотрудников компании; учащихся на определенной образовательной программе и т.д. В качестве примера можно привести гарантированную часть пенсионного обеспечения жителей нашей страны или одинаковый размер премирования в рамках отдельной корпоративной структуры. В противовес общим системам социального инвестирования следует выделять специализированные (индивидуальные) программы социального инвестирования, получателем которых выступают отдельные группы или категории граждан. В данном случае разделение может проходить как в рамках процесса предоставления определенной услуги, так и с точки зрения самой категории граждан, нуждающихся в социальном инвестировании.

В первом случае можно упомянуть медицинские услуги и разницу в уровне их финансирования как с точки зрения принципов государственной социальной политики (например, дополнительная медицинская поддержка лиц с ОВЗ, сложными и редкими генетическими заболеваниями и т.д.), так и в контексте корпоративных социальных программ (например, чем выше статус и значимость работника в организации тем выше уровень финансирования в пакете ДМС). Во втором случае речь идет о целых категориях граждан, которые могут получать целый комплекс различного рода услуг на полностью или частично безвозмездной основе за счет средств государства или частного социального инвестора. В качестве наглядного примера можно привести описание основных социальных гарантий со стороны государства весьма значимой в настоящее время социальной категории как семьи с детьми участников СВО как на федеральном, так и региональном уровне.

В качестве примера можно привести сбалансированный комплекс социального инвестирования в сфере услуг, закрепленный Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 10.10.2022 № 928 [15]. Данный нормативно-правовой акт регламентирует оказание дополнительных мер социальной поддержки семьям участников специальной военной операции. Более подробно данные меры, в увязке с различными категориями услуг с точки зрения социального инвестирования, представлены и проанализированы в таблице 2.1.

Однако, необходимо подчеркнуть, что данный комплекс мер социального инвестирования может значительно сильно варьироваться в зависимости от конкретного субъекта РФ, что создает определенные сложности в случае изменения места жительства или рода профессиональной деятельности членов семей участников СВО. В связи с этим представляется целесообразным разработка общедофедерального стандарта системы социального инвестирования в сфере услуг, ориентированной исключительно на удовлетворение потребностей данной социальной категории граждан в долгосрочной перспективе.

Отдельное внимание, в рамках представленной классификации систем социального инвестирования в сфере услуг, заслуживают сами социальные инвестиции. Социальные инвестиции – это развитие общества, в них могут входить как корпоративная благотворительность (филантропия), так и поддержка образования, науки. Более того, социальные инвестиции – это и поддержание добросовестных деловых практик, основанных на соблюдении норм этики при взаимодействии с контрагентами. Компания, занимаясь социальной деятельностью, по-прежнему стремится к максимизации прибыли, однако эта цель уже не является единственной – наряду с экономической эффективностью (для бизнес-субъекта) оценивается также и социальная эффективность (для общества).

Таблица 2.1

Оценка комплекса социального инвестирования в сфере услуг в рамках региональной поддержки семьям участников
СВО (авторские разработки на основе [15])

Наименование меры поддержки	Категория услуг в контексте социального инвестирования	Наименование услуг	Направление влияния на решение социально-экономических проблем
обеспечение бесплатным горячим питанием детей, обучающихся в государственных образовательных организациях, подведомственных городу и реализующих программы начального, основного и среднего общего образования, в т.ч. для детей с ограниченными возможностями здоровья, а также среднего профессионального образования	Услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста	-социальные услуги -услуги общественного питания	Поддержка семей с детьми, повышение уровня социального обеспечения населения
компенсация 100% стоимости питания в государственных образовательных учреждениях города, включающее завтрак и обед для учащихся 1-4 классов, завтрак, обед или комплексный обед для остальных обучающихся	Услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста	-социальные услуги -услуги общественного питания	Поддержка семей с детьми, повышение уровня социального обеспечения населения
бесплатный проезд на социальных маршрутах наземного пассажирского маршрутного транспорта, в метро СПб, в поездах пригородного сообщения для детей старше 7 лет, лицам старше 18 лет, обучающихся по очной форме обучения по образовательным программам начального, основного, среднего общего образования, среднего профессионального образования в образовательных организациях на территории города, лицам старше 18 лет, обучающихся по программам бакалавриата,	Услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста	-социальные услуги -транспортные услуги -косвенная взаимосвязь с образовательными услугами	Предоставление социальных гарантий молодежи, развитие молодежной политики, повышение доступности образовательных услуг (косвенный эффект)

специалитета, ассистентуры-стажировки в ВУЗах города, или по программам магистратуры, ординатуры, подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) или научных организациях города в учебном году.			
освобождение от родительской платы за посещение детского сада, находящегося в ведении города,	Услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью	- социальные услуги -образовательные услуги -услуги сферы культуры -услуги, связанные с организацией досуговой деятельности	Решение демографических проблем российского общества
право на прием во внеочередном порядке детей, а также совершеннолетних детей в возрасте до 23 лет в государственные образовательные учреждения Санкт-Петербурга.	Услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью	-социальные услуги -образовательные услуги	Поддержка семей с детьми, развитие молодежной политики
оплата стоимости путевок в организациях отдыха детей и молодежи.	Услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью	-санаторно-курортные услуги -лечебно-оздоровительные услуги -спортивно-оздоровительные услуги -медицинские услуги	обеспечение повышения уровня общественного здоровья детей и молодежи

В таблице 2.2 приведена классификация корпоративных социальных инвестиций, выполненная автором.

Таблица 2.2

Классификация корпоративных социальных инвестиций (составлено автором на основе [78], [80], [137], [157], [186], [244], [261], [325], [347], [366])

№	Классификационный признак	Виды инвестиций
1.	Субъект инвестирования	корпоративные
		частные
		фондовые
2.	Направление инвестирования	образование
		здравоохранение
		безопасные условия труда,
		добросовестная деловая практика
		инвестиции в местное сообщество
3.	Условия возникновения инвестиций	экологические инвестиции
		вынужденные
4.	Предмет инвестирования	добровольные
		финансовые
		экспертные
		инвестиции производимого блага
5.	Периодичность инвестирования	товарные (закупка необходимых товаров у прочих поставщиков)
		разовые
		программные
		системные

Весьма сложным является процесс оценки экономической и социальной эффективности социальных инвестиций: в отличие от традиционных финансовых инвестиций имеется сложность в расчете пользы для социума. Не меньше проблем вызывает и оценка пользы для компании, поскольку прямая финансовая отдача для бизнеса отсутствует. Возникает широкий простор для ошибок или умышленных искажений, которые должны корректироваться путем привлечения экспертов высокой квалификации.

Не менее важным следует признать и классификацию систем социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения направленности решаемых социально-экономических проблем. Ориентируясь на ряд научных источников ([34], [52], [53], [93],[372],[383],[407]), в которых рассматриваются ключевые проблемы современного российского и зарубежного общества, автор считает объединить данные направления в несколько укрупненных групп (рисунок 2.2).

Как видно из рисунка представленного ранее, многие из направлений социального инвестирования связаны с решением глобальных проблем человечества, которые однозначно требуют, как наличия кооперационного взаимодействия между отдельными странами и регионами, так и необходимости комплексного подхода, который предполагает использовать преимущества от внедрения цифровых технологий, с помощью которых можно найти новые варианты решения уже давно существующих социальных проблем, как например, борьба с социальным неравенством или сохранение стабильной эпидемиологической обстановки, в том числе предотвращение появления новых видов заболеваний. Однако, современная практика констатирует недостаточный уровень эффективности в решении подобного рода проблем, в том числе по причине нежелания учитывать интересы других участников общественных отношений.

Также отдельно на рисунке 2.2 можно отметить направления социального инвестирования в сфере услуг, в большей степени характерные для РФ в настоящий момент времени - комплексное решение ключевых демографических проблем, сохранение традиционных ценностей, присущих российскому обществу, защита российского общества от угроз внешнего воздействия социального характера и ряд других. Каждое из представленных выше направлений, несмотря на их социальный характер, требует целевого финансирования в рамках различных схем осуществления социального инвестирования в сфере услуг.

Рисунок 2.2 – Классификация систем социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения направленности решаемых социально-экономических проблем (авторские разработки)

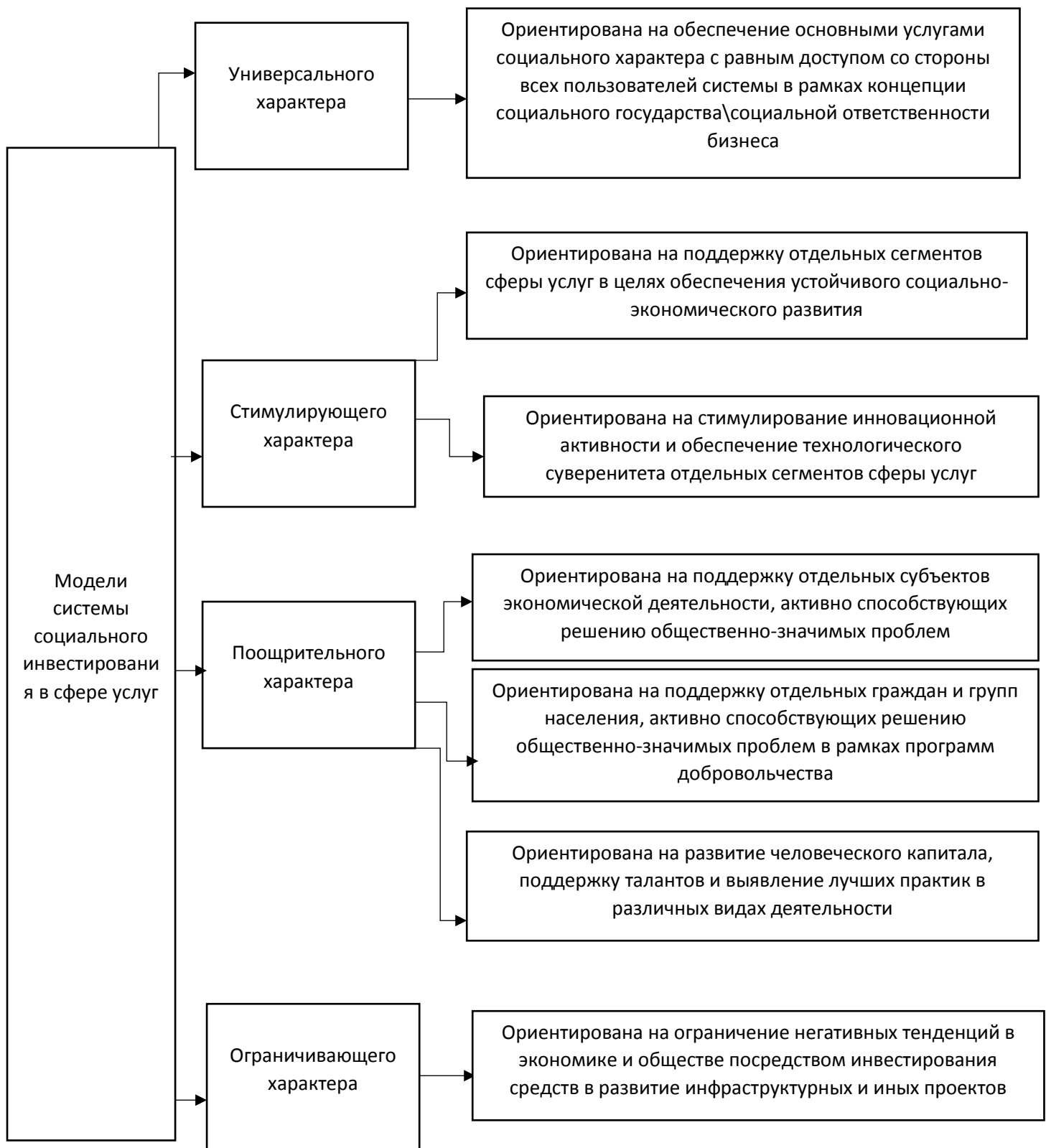

Рисунок 2.3- Модели системы социального инвестирования в сфере услуг (авторские разработки)

По мнению автора, несмотря на различные научные взгляды на процесс формирования и развития систем социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения потенциальных подходов к их классификации, можно говорить о выделении нескольких ключевых типов моделей социального инвестирования (рисунок 2.3). Рассмотрим их более подробно.

Первую из представленных вариантов можно обозначить как универсальную модель, которая соответствует периоду становления социального инвестирования как отдельной научной категории в рамках формирования капиталистического общества современного типа. Данная модель встроена в теорию социального государства, которая в дальнейшем нашла своё претворение как в рамках социальной политики государства, так и с точки зрения реализации концепции социальной ответственности бизнеса. Ключевая идея данной модели заключается в том, что социальное инвестирование направлено, прежде всего, на гарантию предоставления определённого рода услуг максимальному большому количеству пользователей системы. В качестве иллюстративного примера можно привести социальную политику любого современного государства, ориентированного на рыночную экономику, которая подразумевает инвестирование средств в медицинские, образовательные услуги, социальное обеспечение и обслуживание, формирование пенсионных и социальных фондов и т.д. с целью их бесплатного предоставления населению. По аналогии можно рассмотреть и социальные программы на уровне корпоративного сектора, которые также распространяются на всех сотрудников. Вместе с тем, в данном случае, социальные обязательства предпринимательского сектора могут быть инициированы как со стороны государства, так и связаны с позицией топ - менеджмента компании. Представленная модель, особенно на стадии своего становления, безусловно имела неоспоримые преимущества, так как охватывала максимальное число потенциальных получателей услуг. Однако, очевидные преимущества модели могут рассматриваться и с отрицательной точки зрения в контексте отсутствия адресного и индивидуального подхода к

получателю услуг, а также отсутствия его персональной ответственности за использование предоставленных средств. В целом, одним из сложных аспектов использования данной модели следует признать отсутствие единых подходов к оценке ее эффективности и результативности для всей национальной экономики.

В связи с этим второй тип модели социального инвестирования направлен на исправление недостатков предыдущей и ориентирован на стимулирование определенного вида социально-экономической активности. В данном случае осуществление социального инвестирования направлено на стимулирование либо отдельных видов и рынков услуг с целью повышения уровня их значимости в текущих социально-экономических процессах (первый вариант модели), либо на стимулирование инновационной активности в сфере услуг (второй вариант модели), так как именно инновации и технологические нововведения могут обеспечить не только устойчивость системы социального инвестирования, но и всей национальной экономики. Таким образом, социальное инвестирование ограничено с точки зрения категорий получателей средств и предполагает более адресный характер вложения инвестиций, что, в любом случае, положительно сказывается на оценке результативности деятельности самой системы. С другой стороны, в условиях использования данной модели более остро встает вопрос о выработке критериев и показателей оценки потенциальных получателей социальных инвестиций, их способность к достижению необходимых эффектов от вложений средств и т.д. Кроме того не теряет вопрос и коммерциализации осуществляемых социальных инвестиций, который, в целом, не является актуальным для первой модели универсального характера. В связи с вышесказанным, в качестве главного недостатка данной модели можно назвать отсутствие гарантии достижения необходимого результата даже в условиях высокого уровня финансирования социальных проектов и программ по целому ряду причин. По мнению автора, чаще всего, в основе неэффективности подобного рода моделей отсутствие системного подхода к

решению проблем социально-экономического характера наряду с некомпетентностью отдельных кадров управления.

В качестве альтернативы второй модели социального инвестирования весьма активно используется ресурсное и технологическое обеспечение третьего типа моделирования, который предполагает осуществление социальных инвестиций не с точки зрения стимулирования потенциальных действий или активности получателей социальных инвестиций, а поощрение уже достигнутых результатов, которые могут быть документально подтверждены и количественно измерены, что весьма важно в контексте достижения экономичности процесса социального инвестирования в сфере услуг. На рисунке 2.3 представлено несколько вариантов подобного рода моделирования в зависимости от категории получателя услуг и их взаимосвязи с решением ключевых задач общественного развития и социально-экономических проблем общества. В качестве получателей социальных инвестиций могут рассматриваться как экономические субъекты, которые достигли значимых результатов в рамках реализуемых программ и проектов корпоративной социальной ответственности бизнеса, ориентированных, прежде всего, не на внутреннюю среду, а на взаимодействие с внешней средой, так и отдельные физические лица, активно участвующие в социально-значимых проектах посредством благотворительной или волонтерской деятельности.

Отдельного внимания заслуживает третий вариант данной модели, который предполагает инвестирование средств в развитие человеческого капитала, поддержку талантов и выявление лучших практик в различных видах деятельности, что соответствует основным тенденциям формирования постиндустриального общества. В качестве примера подобного рода модели социального инвестирования можно привести опыт создания и развития первой в России федеральной территории «Сириус», которая возникла на базе олимпийской инфраструктуры как общероссийский центр по отбору и углубленной подготовке талантливых детей в области естественных наук,

искусства и спорта [6]. В таблице 2.3 представлено количество обучающихся из субъектов Приволжского федерального округа в образовательном кластере федеральной территории «Сириус» по основным направлениям подготовки.

Таблица 2.3

Общее количество обучающихся из субъектов ПФО в образовательном кластере федеральной территории «Сириус» в период с июня 2015 года по декабрь 2022 года [452]

Наименование субъекта ПФО	Направления подготовки			Итого
	Искусство	Наука	Спорт	
Республика Башкортостан	362	532	420	1314
Кировская область	221	408	43	672
Республика Марий Эл	52	82	78	212
Республика Мордовия	88	577	115	780
Нижегородская область	308	476	341	1125
Оренбургская область	74	130	50	254
Пензенская область	99	293	93	485
Пермский край	344	256	163	763
Самарская область	423	365	434	1222
Саратовская область	197	185	69	451
Республика Татарстан (Татарстан)	509	1282	1273	3064
Удмуртская республика	228	655	48	931
Ульяновская область	109	397	7	513
Чувашская Республика - Чувашия	54	259	-	313

Как видно из представленной таблицы, доступ к ресурсам федеральной территории имеют учащиеся из совершенно различных, с точки зрения социально-экономических возможностей, регионов ПФО. В основе отбора для обучения лежит именно принцип поощрения талантов среди обучающихся по соответствующему профилю подготовки. Таким образом, социальное инвестирование ориентировано на поддержку и выявление талантов, создание комфортных условий для их дальнейшего развития, а также последующее использование их потенциала для нужд общества и государства.

Вместе с тем даже при условии весьма ощутимых преимуществ данного типа третьей модели можно обозначить ряд проблем и актуальных вопросов для обсуждения стратегии развития и трансформации федеральной территории «Сириус», в контексте современных тенденций социального инвестирования в сфере услуг, к числу которых следует причислить:

- отсутствие последовательно выстроенного индивидуального трека развития для обучающегося после окончания образовательной программы на федеральной территории «Сириус», что косвенно снижает эффективность осуществляемых социальных инвестиций,

- ограниченный характер данного типа модели социального инвестирования как с точки зрения получателей услуг, так и с точки зрения направленности на отдельные услуги, прежде всего, образовательные,

- целесообразность последующего тиражирования и масштабирования успешной практики федеральной территории «Сириус» в условиях других регионов РФ, с учетом их возможностей и ресурсного потенциала для развития одаренных детей и молодежи,

- необходимость разработки комплексной системы оценки эффективности функционирования федеральной территории «Сириус» с точки зрения достижения определенных эффектов, в том числе социального характера,

- обеспечение прозрачности процедур отбора на образовательные программы федеральной территории «Сириус» с привлечением независимых экспертов и представителей общественности,

- учет практического опыта добровольчества как самого кандидата, так и его близких родственников в качестве обязательного условия при зачислении на образовательные программы федеральной территории «Сириус»,

- повышение уровня ответственности самих обучающихся перед государством и обществом с точки зрения последующего использования полученных навыков и компетенций. Обозначенная проблема должна рассматриваться в контексте существующей тенденции «утечки мозгов»,

которая требует принятия жестких управленческих решений со стороны государства.

Вместе с тем, несмотря на ряд недостатков и «проблемных мест», третья модель социального инвестирования в сфере услуг представляется наиболее предпочтительной с точки зрения как национальной экономики, так и интересов самого инвестора.

Наконец, четвертый вариант моделей социального инвестирования связан с выделением средств на расширение ограничительной практики, которая необходима для решения многих острых социальных проблем российского общества. В данном случае инвестирование направлено на борьбу с негативными социальными явлениями различного характера и природы происхождения – начиная от борьбы с дискриминацией при отборе кандидатов в корпоративный и государственный сектор и заканчивая борьбой с таким социальным злом как алкоголизм, наркомания и распространение наркотических средств и т.д.

Кроме того, именно данная модель социального инвестирования может быть использована и в борьбе с теневым бизнесом в сфере услуг, должна способствовать легализации бизнес-процессов сервисных предприятий. В современных условиях, социальное инвестирование должно быть комплексно направлено и на предотвращение ухудшения здоровья граждан, прежде всего детей и молодежи, которое обусловлено асоциальным и девиантным поведением самих же граждан, отсутствием рационального подхода к обеспечению необходимого уровня здоровья в связи с наличием целого ряда пагубных привычек. Таким образом, можно отметить не только стимулирующий характер социальных инвестиций, но и их ограничительный аспект, касающийся, в том числе, и политики самоограничения.

С учетом проведенного анализа моделей социального инвестирования, автор структурирует основные цели формирования и развития систем социального инвестирования в сфере услуг (рисунок 2.4).

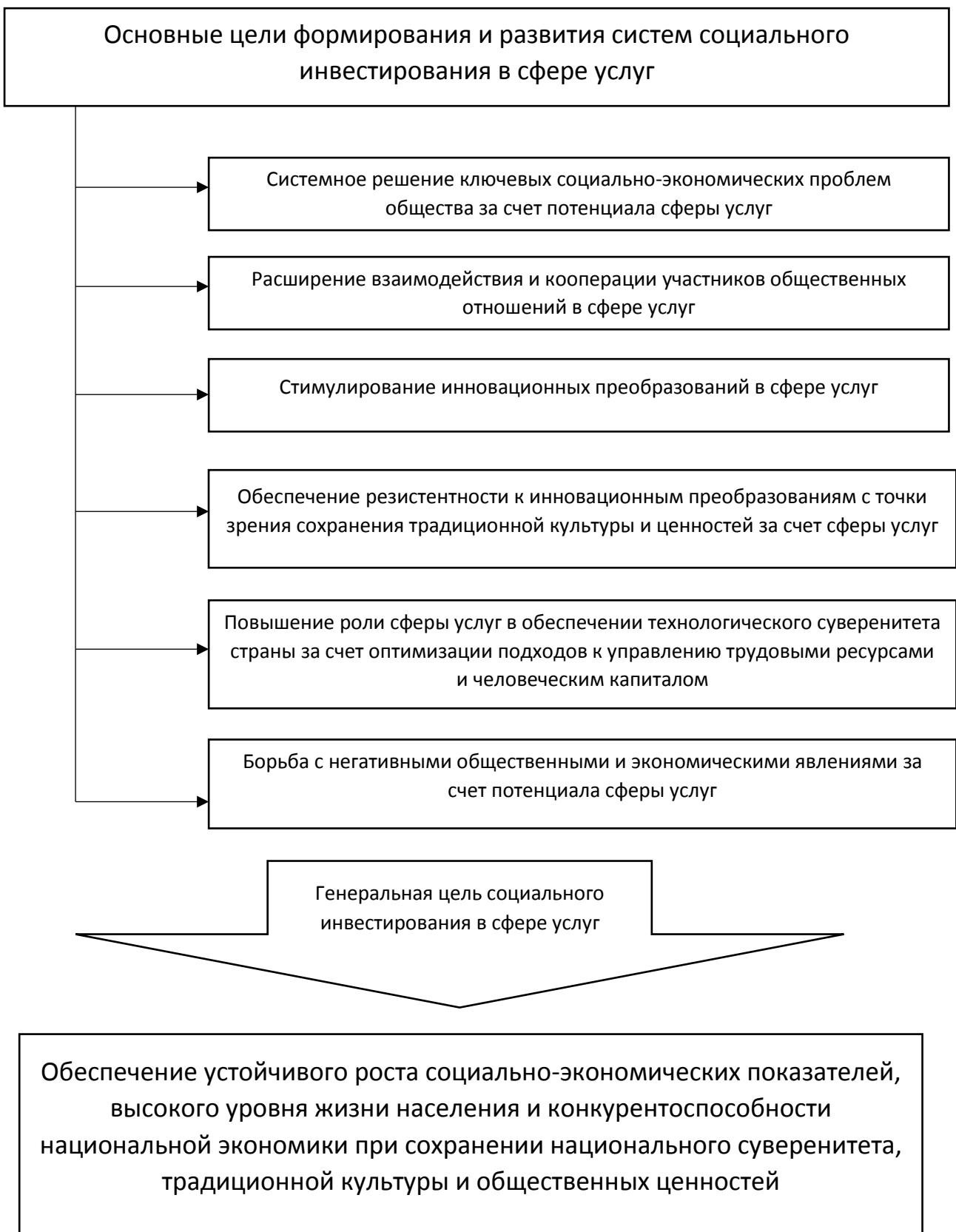

Рисунок 2.4 – Основные цели формирования и развития систем социального инвестирования в сфере услуг (авторские разработки)

Некоторые из представленных выше целей социального инвестирования имеют тесную корреляцию с определенной моделью, часть из них имеет универсальный характер. В качестве наиболее яркого примера в первом случае можно привести борьбу с негативными общественными и экономическими явлениями, во втором случае - расширение взаимодействия и кооперации участников общественных отношений в сфере услуг. Именно данная цель, по своей сущности, отражает современные тенденции развития систем социального инвестирования – переход от неиндивидуализированной поддержки отдельных категорий граждан страны в контексте попытки решения их социальных проблем или ряда предприятий, объединенных по одному признаку, в контексте создания для них благоприятных условий хозяйствования к разработке более индивидуальных траекторий для всех участников общественных отношений, реализация которых была бы взаимосвязана с поведением самого получателя тех или иных социальных услуг. В итоге, в качестве генеральной цели функционирования современной системы социального инвестирования в сфере услуг следует рассматривать обеспечение устойчивого роста социально-экономических показателей, высокого уровня жизни населения и конкурентоспособности национальной экономики при сохранении национального суверенитета, традиционной культуры и общественных ценностей, что требует достижения определенного баланса интересов между государством, корпоративным сектором и домашними хозяйствами.

Вместе с тем, выделяя отдельные модели и набор целей социального инвестирования в сфере услуг, необходимо принимать во внимание их продолжающуюся трансформацию в условиях воздействия НТП, учитывать их эволюционное изменение и использовать данные знания в процессе проектирования и стратегического развития современных систем социального проектирования в сфере услуг в условиях цифровых преобразований социально-экономических систем и процессов.

2.2 Трансформация системы социального инвестирования в сфере услуг в условиях смены технологических укладов

Современную систему социального инвестирования и процесс её управления на тактическом и стратегическом уровне невозможно представить без использования различных инновационных технологий технологического продуктового, управленческого и маркетингового характера, каждая из которых будет ориентирована на основную цель социального инвестирования – решение ключевых социальных проблем общества на основе рационального и справедливого распределения имеющихся ограниченных ресурсов и с учетом сложившихся условий внешней среды, которые будут оказывать влияние на процесс формирования направлений, уровней и содержательных форм процесса осуществления услуг, связанных с социальными инвестициями.

Однако, по мнению автора и учитывая позицию ряда научных источников, характеризующих взаимосвязь и влияние научно-технического прогресса на развитие социальной сферы и общественного устройства ([195],[209],[214],[335],[363],[432]), данный процесс характерен не только для современного состояния экономической системы, он наблюдается в разных формах и методах реализации фактически с самого начала Первой промышленной революции, которая считается отправной точки в контексте теории смены технологических укладов, методические и практические аспекты которой рассмотрены в трудах таких классических и современных научных исследователей как [85],[126],[135],[353],[358] и ряд других.

Несмотря на определенную разницу подходов различных перечисленных выше авторов, с точки зрения определения периодизации отдельных этапов научно-технического прогресса и принципиальных областей взаимодействия промышленного производства и других секторов национальной экономики, в том числе сферы услуг, каждый из них подчеркивал значимость научно-технического развития и внедрения

инноваций, соответствующих описываемому временному периоду, для социально-экономического развития любой экономической системы.

Однако, чаще всего процесс смены технологических укладов рассматривается исключительно с технической или экономической стороны и в меньшей степени с точки зрения социальных аспектов, хотя, анализируя происходившие изменения в контексте истории экономических систем, можно говорить и о существенной трансформации социальных отношений, которые способствовали процессу постепенного возникновения и роста систем социального инвестирования.

Фактически можно говорить о том, что технологические и сопутствующие им глобальные экономические изменения трансформировали и систему социального инвестирования, преобразования в которой достигались на основе одновременного роста количества доступных ресурсов, которые появлялись за счет активного внедрения и масштабирования новых технологических и продуктовых инноваций при одновременном увеличении спроса на данные ресурсы в рамках уже существующих базовых потребностей общества или в процессе формирования новых запросов, обусловленных дополнительными возможностями технологического роста. Таким образом, активное промышленное производство, которое соответствует первым этапам смены технологических укладов, и рост сервисной экономики, который особенно заметен в рамках последних технологических укладов, привели к формированию и развитию различных, с точки зрения направлений и уровней управления, систем социального инвестирования.

В таблице 2.4 автором охарактеризована и раскрыта относительная корреляционная связь между сменой технологических укладов в соответствии с теорией длинных волн Н. Кондратьева, представленной и проанализированной в ряде отечественных научных источниках ([100],[129],[187],[196],[297],[342]) и процессом формирования и развития систем социального инвестирования в сфере услуг в рамках активного роста научно-технического прогресса.

Корреляционная связь между сменой технологических укладов и процессом формирования и развития систем социального инвестирования в сфере услуг (авторские разработки)

Наименование этапа технологического уклада и его связь с процессом формирования и развития системы социального инвестирования	Краткая характеристика и направленность этапа технологического уклада	Уровень состояния и особенности системы социального инвестирования	Главенствующий субъект управления в системе социального инвестирования	Основные группы услуг, характеризующие уровень развития системы социального инвестирования ¹¹
Первый технологический уклад (примерно 1772-1825 гг.) <i>Период, предшествующий началу формирования системы социального инвестирования</i>	Обусловлен началом промышленной революции, появлением механизированного производства в ряде отраслей перерабатывающей промышленности, прежде всего легкой промышленности в таких странах как Великобритания и Франция. Активное использование ресурсного потенциала колониальных заморских территорий	Отсутствие системы социального инвестирования, решение отдельных социальных проблем населения зависит от конкретного собственника промышленного производства, задача которого обеспечить минимальные бытовые потребности работающего класса в целях сохранения показателей выпуска продукции.	Фактически, в связи с отсутствием самой системы социального инвестирования, конкретный собственник производства, готовый осуществлять минимальный объем вложения средств исключительно в виду их экономической необходимости и целесообразности	Услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью (частично, в зависимости от конкретного экономического субъекта)
Второй технологический уклад (примерно 1825-1875 гг.)	Связан с активной механизацией промышленного	Начало формирования системы социального инвестирования связано с	Выработка общих подходов со стороны предпринимательского	Услуги, которые представляют собой объект для социального

¹¹ Для характеристики системы социального инвестирования на каждом этапе используются концептуальные подходы к взаимосвязи и взаимовлияния социального инвестирования и сферы услуг, представленные на рисунке 1.3 диссертационного исследования

<p><i>Период, начала формирования системы социального инвестирования, ориентированный на корпоративный сектор</i></p>	<p>производства на основе использования паровых машин и двигателей при одновременном увеличении потенциала транспортных услуг и появлением новых видов транспорта. Активизация процессов миграции рабочей силы внутри стран.</p>	<p>расширением позиций рабочего класса как важного элемента общественных отношений индустриального общества и повышением требований со стороны данного сегмента к решению их насущных социально-экономических проблем</p>	<p>сектора к решению социальных проблем рабочего класса в соотношении с осуществляемыми затратами, тиражирование успешных практик осуществления отдельных социальных инвестиций. При этом сохранение тенденций предыдущего этапа (отсутствие социальной справедливости, использование труда малолетних, беременных женщин, отсутствие экологических норм и т.п.)</p>	<p>инвестирования в связи с их принципиальной значимостью (выработка общих универсальных подходов, например, к организации медицинской помощи работникам промышленных предприятий с минимумом затрат со стороны работодателя)</p>
<p>Третий технологический уклад (примерно 1875 – 1908 гг.)</p> <p><i>Формирование успешных практик корпоративных систем социального инвестирования в условиях крупных промышленных производств</i></p>	<p>Активное развитие механизированного промышленного производство в условиях роста значимости металлообработки, сталелитейного производства и т.д.</p>	<p>Аналогично предыдущему этапу с расширением направлений и объема социального инвестирования. Начало развития взаимодействия между корпоративными структурами и государством по вопросам социального инвестирования</p>	<p>Также как на предыдущем этапе – корпоративный сектор с учетом увеличения масштабов инвестирования и увеличения количества получателей социальных инвестиций</p>	<p>-Услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью</p> <p>-Услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста</p>

<p>Четвёртый технологический уклад (примерно 1908 – начало 1970-х гг.)</p> <p><i>Формирование традиционных национальных систем социального инвестирования</i></p>	<p>Многообразие развития промышленного производства, период активной индустриализации не только развитых, но и развивающихся стран в условиях борьбы за национальный суверенитет и процессов деколонизации. При этом развивается как добывающий сектор, прежде всего, все что связано с добычей и переработкой минерального сырья и полезных ископаемых (нефть, газ, драгоценные металлы и т.д.), так и перерабатывающая промышленность, прежде всего химическая и автомобилестроение</p>	<p>Массовая индустриализация и рост урбанизации в крупных мегаполисах потребовал усиления позиций государства в контексте реализации социальных обязательств перед населением. Кроме того, на изменение подходов к социальному инвестированию повлияли Первая и Вторая мировые войны, по результатам которых потребовались значительные вложения в социальную сферу и решение социально-экономических проблем по всему миру.</p>	<p>Инициатором формирования традиционных национальных систем социального инвестирования выступает государство в зависимости от существующей социально-экономической системы и возможностей для решения социально-экономических проблем. Услуги, в рамках реализуемых подходов, носят сопутствующий характер и не являются первоосновой для осуществления социальных инвестиций</p>	<p>-Услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью</p> <p>-Услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста</p>
<p>Пятый технологический уклад (середина 1970-х гг. – начало 2000-х гг.)</p> <p><i>Развитие национальных и формирование региональных систем</i></p>	<p>Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) способствует повышению эффективности управления процессом социального инвестирования в сфере услуг. Создание первых</p>	<p>Влияние глобализации на процесс унификации систем социального инвестирования вне зависимости от страны, региона, территории, в том числе за счет использования возможностей ИКТ и активного роста числа</p>	<p>Повышение роли услуг в рамках процесса социального проектирования и социального инвестирования за счет развитие ИКТ и изменения потребительского поведения в пользу роста</p>	<p>-Услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью</p> <p>-Услуги, направленные на взаимодействие с системой социального</p>

<p><i>социального инвестирования в сфере услуг</i></p>	<p>информационных баз и регистров, связанных с функционированием систем социального инвестирования, прежде всего, на уровне государства.</p>	<p>пользователей сети Интернет. Повышение значимости учета социально-экономической эффективности системы социального инвестирования в сфере услуг</p>	<p>потребления услуг как на уровне домашних хозяйств, так и на уровне других рыночных субъектов. Активный рост потребления услуг, необходимых для сопровождения процесса социального инвестирования.</p>	<p>инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста</p> <p>-Услуги, необходимые для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации</p>
<p>Шестой технологический уклад</p> <p>(середина 2000-х гг.- настоящее время)</p> <p><i>Формирование международных, совершенствование и развитие региональных и национальных систем инвестирования в сфере услуг</i></p>	<p>Управление системой социального инвестирования распределена в зависимости от уровня субъекта управления (проведение государственной социальной политики, осуществление корпоративной социальной политики, реализация социальных проектов на основе использования механизмов ГЧП, отдельные проекты, предполагающие общественное участие) и предполагает активное внедрение цифровых технологий</p>	<p>Уровень развития возможностей социального инвестирования в сфере услуг определяется в зависимости от ресурсного обеспечения конкретного субъекта инвестирования, направленностью социальных инвестиций и их взаимосвязи с объектами инвестирования, уровнем использования цифровых технологий, количеством получателей социальных услуг и тесно связан с влиянием кризисных явлений не только исключительно</p>	<p>В зависимости от конкретной системы социального инвестирования в сфере услуг с учетом необходимости выполнения требований как государственной социальной политики, национального проектирования и т.д., так и принятых международных нормативно-правовых актов</p>	<p>-Услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью</p> <p>-Услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста</p> <p>-Услуги, необходимые для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации</p>

		экономического характера		- Услуги, на рынке которых возможно формирование устойчивых корпоративных программ социальной ответственности бизнеса
<p>Седьмой ¹²технологический уклад (вторая половина XXI века)</p> <p><i>Совершенствование и развитие международных, региональных и национальных систем социального инвестирования в сфере услуг в контексте постиндустриального общества</i></p>	<p>Управление системой осуществляется на основе возможностей искусственного интеллекта и нейросетей с учетом возможности корректировки на основе принятия коллегиальных управленческих решений</p>	<p>Система социального инвестирования максимально индивидуализирована и направлена на решение социально-экономических проблем конкретного участника общественных отношений при одновременном повышении его роли в принятии коллективных решений</p>	<p>Полномочия и права в рамках системы распределены между государством, частным бизнесом и общественными организациями, включая возможность определенного влияния и обратной связи с получателем услуг системы социального инвестирования</p>	<p>Весь спектр услуг в прямой взаимосвязи с системой социального инвестирования в зависимости от их значимости в конкретных экономических условиях</p>

¹² Наступление данного технологического уклада прогнозируется исходя из текущего уровня развития современных цифровых технологий и общих тенденций постиндустриального общества.

Выбор именно теории длинных волн Н. Кондратьева как одного из направлений оценки общемирового процесса смены технологических укладов обусловлен наличием четкой взаимосвязи между рассматриваемыми инновациями, социально-экономическими преобразованиями в обществе и количественной характеристикой данных изменений, так как именно Н. Кондратьев одним из первых ученых-экономистов пытается охарактеризовать научно-технический прогресс с точки зрения количественной системы оценки происходящих изменений, большое внимание уделяет вопросам эффективности и целесообразности новых технологических решений применительно к условиям тех или иных экономических систем.

Важно отметить, что эволюционное развитие систем социального инвестирования в сфере услуг происходило по следующим ключевым направлениям:

-уровню взаимодействия услуг и процесса социального инвестирования.

В данном случае прослеживается эволюция от минимального объема необходимых услуг для существования отдельных граждан -работников промышленных предприятий и непосредственных членов их семей до услуг, которые призваны повышать качество жизни за счет роста эмоционального и интеллектуального капитала и его адаптации к технологическим преобразованиям и, соответственно, изменениям рынка труда. По мнению автора, полноценное взаимодействие всех без исключения секторов сферы услуг и систем социального инвестирования в сфере услуг может быть достигнуто только на следующем этапе НТП, главенствующая роль в котором принадлежит искусственному интеллекту.

-изменению роли и статуса главенствующего субъект управления в системе социального инвестирования в процессе эволюционного развития.

На рисунке 2.5 представлены общие тенденции развития данного направления трансформации, отдельно выделяются и знаковые переходы в реализации систем социального инвестирования. Так, наибольшие изменения социальное инвестирование претерпевало в случае значительных скачков

НТП – перехода от третьего к четвертому технологическому укладу (массовая индустриализация в течении первой половины прошлого века) и перехода от пятого к шестому технологическому укладу (постепенная замена ИКТ на цифровые технологии). Именно в эти периоды наблюдается коренной слом традиционных, на то время, подходов к формированию и развитию систем социального инвестирования, прежде всего, за счет роста потенциала изменений на основе инноваций более сложного и утилитарного характера. Рассмотрим более подробно данные этапы.

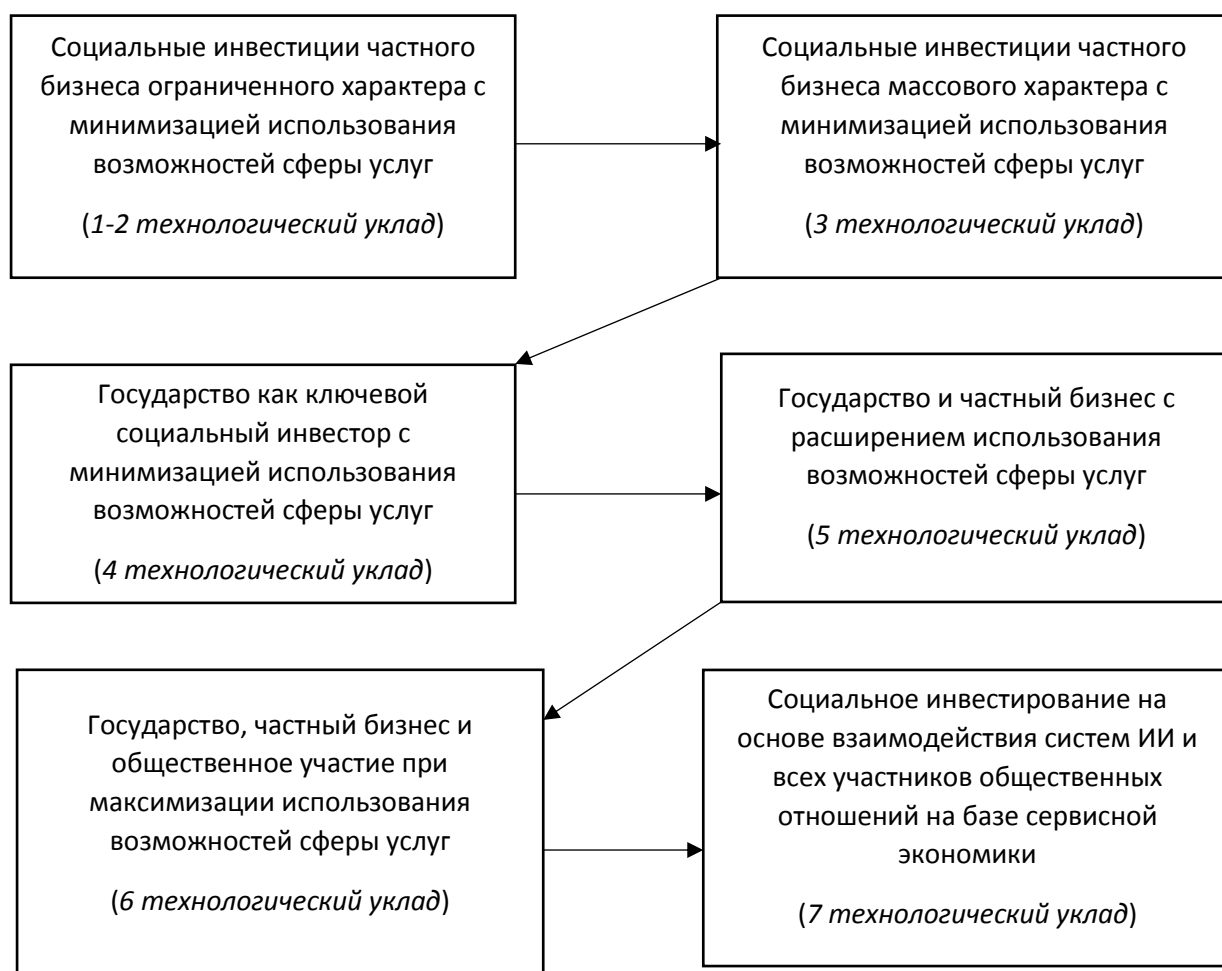

Рисунок 2.5 – Эволюция роли и статуса субъекта управления в системе социального инвестирования в сфере услуг (авторские разработки)

Как видно из представленного рисунка, первоначально социальные инвестиции, в большей степени, были ориентированы на финансовые источники самого бизнес, который был вынужден улучшать условия и

безопасность труда на промышленных предприятия. В дальнейшем, в послевоенное время, все чаще роль главного субъекта управления концентрируется в руках государства, которое на основании выбранных принципов и направлений социальной политики, осуществляет инвестиции социального характера. Постепенно, с ростом уровня интернационализации и транснационализации ресурсного обеспечения, прежде всего финансового капитала, ответственность за социальное инвестирование начинает распределяться между государством и частным бизнесом, чему также способствовал рост информатизации и появление глобальной сети интернет.

В условиях цифровизации стали появляться более гибкие схемы организации социального инвестирования, которые предполагали расширение практики государственно-частного партнерства, прежде всего, создания или модернизации объектов социальной инфраструктуры, проведения научных исследований и разработки цифровых инноваций, которые могли быть полезны для решения многих социально-экономических проблем общества. Кроме того, повышается роль общественного участия, в том числе с точки зрения использования новых инструментов софинансирования социально значимых проектов, в решении все тех же социальных проблем.

Именно повышение роли общественного участия станет новым триггером социального инвестирования в условиях нового технологического уклада, который связан с использованием искусственного интеллекта и нейросетей.

-изменению объекта, форм и механизма социального инвестирования в контексте происходящих технологических изменений.

Наряду с тем, как менялся сам субъект управления социальным инвестированием, происходили существенные изменения и в самом процессе осуществления инвестиций социального характера. Особенно заметны данные изменения в контексте того, кто или что становилось объектом вложений. На начальных этапах технологического развития в качестве основных получателей социальных инвестиций выступали непосредственно работники

крупных промышленных предприятий и члены их семей, в последующем в качестве объектов социального инвестирования стали рассматриваться отдельные социальные группы, наиболее уязвимые с точки зрения масштабных социально-экономических проблем, чему, в определенной степени, способствовали как кризисные экономические явления середины 30-х гг., так и необходимость восстановления разрушенных социально-экономических систем многих стран мира по итогам окончания Второй мировой войны.

Уже в рамках четвертого технологического уклада можно наблюдать создание и развитие традиционной системы социального инвестирования, которая предполагала активную социальную политику со стороны государства, направленную на поддержку различных групп населения. Именно в данное время формируется подход к бесплатному предоставлению социально значимых услуг, таких как образовательные услуги, услуги по сохранению общественного здоровья, услуги реабилитации и социальной помощи. Значительный объем социального инвестирования направляется на инфраструктурное обеспечение оказания подобного рода услуг, так как наличие эффективной инфраструктуры становится залогом успешности оказания услуг.

Пятый технологический уклад постепенно меняет вектор приложения социальных инвестиций – в качестве объекта инвестирования постепенно начинают рассматриваться не конкретные категории граждан как составная часть трудового капитала, с различным уровнем трудоспособности, или объекты инфраструктуры, которые служат для предоставления социально значимых услуг, а человеческий капитал, повышение уровня которого может способствовать снижению остроты и значимости целого ряда социально-экономических проблем. Чем выше уровень информатизации, который связан с развитием ИКТ и повышением уровня доступности для различных слоев населения, тем более эффективным может быть социальное инвестирование в сфере услуг. Именно рост числа персональных компьютеров и повышение

уровня доступа физических и юридических лиц к сети Интернет стало отправной точкой для изменения объекта социального инвестирования в сфере услуг.

В условиях шестого технологического уклада в качестве объекта инвестирования все больше рассматривается не только и не столько человеческий капитал, а его более сложные структурные производные – эмоциональный капитал, интеллектуальный капитал, научный потенциал, креативный потенциал и т.д., теоретические и практические аспекты развития которых подробно рассмотрены в научных работах ([32], [33], [88], [117], [127], [150], [151], [159], [164], [197], [303], [316], [329]).

По мнению автора, новый технологический уклад будет способствовать смещению вектора социального инвестирования в пользу стимулирования и поощрения социальной ответственности всех субъектов общественных отношений, роста соответствия морально-этического уровня представителей государства, частного бизнеса и домашних хозяйств принятым в обществе традиционным ценностям, поиску решений глобальных проблем человечества на основе эффективного и рационального использования систем искусственного интеллекта и нейросетей.

Кроме того, в качестве приоритетных направлений социального инвестирования в условиях роста цифровизации следует рассматривать те сектора сферы услуг, которые способствуют росту уровня интеллектуального и креативного капитала и включают в себя консалтинговые, инжиниринговые, информационно-аналитические, рекламные и другие виды услуг. Именно развитие услуг, необходимых для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации будет способствовать выработке более рациональных и обоснованных подходов к выбору объекта социального инвестирования, наиболее предпочтительных форм социальных инвестиций, а также определять необходимый организационно-экономический механизм социального инвестирования, соответствующий жизненному циклу выбранных услуг.

- совершенствованию моделей социального инвестирования в сфере услуг.

В диссертационном исследовании уже рассматривались возможные существующие модели социального инвестирования, в том числе упоминалось об универсальной модели как традиционной для многих социально-экономических систем, ориентированных на рыночные отношения как основу для моделирования экономической политики государства, частного бизнеса и домашних хозяйств. Однако, можно говорить и о других моделях, которые либо предшествовали, либо в определенной степени расходились с принципами современного социального проектирования, ориентированного на рост значимости сферы услуг для решения социально-экономических проблем, в том числе на мировом уровне.

Среди такого рода исторических моделей можно упомянуть те модели, которые получили распространение на первых этапах технологического развития (модель частичной поддержки собственных взрослых работников промышленных предприятий в XIX веке для обеспечения бесперебойного промышленного производства, адаптация детского труда в условиях развития легкой промышленности, социальное инвестирование в развитие начального инженерного образования для обслуживания железнодорожного сообщения и ремонта подвижного состава и ряд других). Данные модели имели крайне ограниченный характер и требовали изменений как в контексте развития научно-технического прогресса, так и с точки зрения социальных преобразований, которые произошли в XX веке.

Еще одной моделью, отличающейся от рыночных аналогов, следует признать опыт СССР в конструировании процесса осуществления социальных инвестиций. В противовес капиталистической системе социального инвестирования, в СССР была создана собственная система, которая предполагала максимально универсальный и масштабный характер инвестиционных вложений в социально-значимые услуги, развитие которых должно было способствовать не только исключительно социально-

экономическому росту СССР как государства и повышения благополучия его граждан, но и доказывать преимущества выбранной идеологической модели и социалистического типа хозяйствования.

Естественно, что в течении всего существования СССР как отдельного государства, система социального инвестирования претерпевала серьезные изменения в связи с воздействием целого ряда факторов, прежде всего общественно-политического и военного характера, что отразилось на эволюции подходов к приоритетности тех или иных услуг. Если в начале формирования СССР значительное внимание уделялось развитию национальной системы образования и борьбе с безграмотностью, а также равноправию мужского и женского населения страны в целях обеспечения необходимого уровня индустриализации как фактора, способствующего росту экономического потенциала страны в первой половине прошлого века, то в послевоенное время особую значимость приобретают такие сектора сферы услуг как медицинские услуги и услуги социального обеспечения, действие которых было направлено на нормализацию стандартов жизни и рост демографических показателей. В последующем особое значение приобретают услуги жилищного строительства, как в связи с устойчивым ростом населения страны, так и в контексте роста материального уровня отдельных категорий граждан, а также инвестирование средств в сектор культуры и организации массового досуга, что соответствовало представлениям о необходимости духовного развития граждан СССР и сохранения существующей идеологии.

В условиях советской модели социального инвестирования ставились еще более амбициозные задачи по сравнению с капиталистической моделью, в том числе необходимость обеспечения равномерного распределения социальных инвестиций не только с точки зрения отдельных категорий граждан при одновременном равенстве их перед социалистической системой, но и с точки зрения пространственно-территориального развития. Государственные инвестиции активно вкладывались в развитие инфраструктурного обеспечения и социально-значимые услуги во всех

республиках бывшего СССР, что приносило значительные успехи с точки зрения целей выбранной модели социального инвестирования и способствовали устранению социально-экономических различий между ними. В качестве примера можно привести динамику роста уровня образования населения по республикам СССР (таблица 2.5).

Таблица 2.5

Динамика уровня образования населения по республикам СССР [475]

Наименование республики	На 1000 человек населения в возрасте 15 лет и старше приходится лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием			На 1000 человек, занятых в народном хозяйстве, имеют высшее и среднее (полное и неполное) образование		
	1970	1979	1989	1970	1979	1989
РСФСР	555	697	806	656	803	915
Украинская ССР	552	681	794	668	813	928
Белорусская ССР	505	652	770	594	763	899
Узбекская ССР	564	765	867	663	848	948
Казахская ССР	559	722	838	654	807	926
Грузинская ССР	632	774	877	711	856	942
Азербайджанская ССР	584	770	878	674	832	943
Литовская ССР	427	609	753	496	711	879
Молдавская ССР	463	634	755	508	725	884
Латвийская ССР	564	695	838	661	795	925
Киргизская ССР	550	717	842	643	804	930
Таджикская ССР	519	707	837	602	770	916
Армянская ССР	626	814	901	697	868	953
Туркменская ССР	583	748	864	682	823	935
Эстонская ССР	554	679	801	660	786	892
СССР, всего	552	699	812	653	805	921

Как видно из представленных данных, во всех без исключения республиках бывшего СССР наблюдается очевидный рост уровня образования у местного населения, что фактически свидетельствует об определенных социальных эффектах от инвестирования со стороны государства.

Не стоит забывать и о внешних социальных инвестициях, которые осуществляло советское руководство, исходя из необходимости

распространения коммунистической идеологии по всему миру. В качестве примеров внешнего социального инвестирования можно отнести:

-строительство, сервисное сопровождение, помощь в наладке и эксплуатации объектов социальной и инженерной инфраструктуры, прежде всего для оказания медицинских услуг и услуг социального обеспечения, в целом ряде развивающихся стран,

-организация командировок высококвалифицированных специалистов для решения актуальных проблем социально-экономического развития целого ряда стран Африки и Латинской Америки, в том числе для передачи опыта местным специалистам, развития института наставничества и т.п.,

-выделение бюджетных мест в ведущих советских ВУЗах, в том числе республиканских, для представителей из числа наиболее бедных стран мира, нуждающихся в повышении кадрового и трудового потенциала за счет помощи СССР,

-организация и проведение крупных культурных мероприятий, направленных на расширение представлений об истории и традициях народов СССР и народов из стран социалистического лагеря, в том числе из Восточной Европы,

-предоставление кредитных средств, в том числе на безвозмездной основе и нецелевого характера, которые могли быть направлены на решение актуальных социально-экономических проблем большинства развивающихся стран,

-последующее списание упомянутых выше кредитных средств в одностороннем порядке с целью снижения долговой нагрузки развивающихся стран в мировой экономике и т.д.

Кроме активного использования ресурсов государственного бюджета в целях социального инвестирования, в рассматриваемой модели социального инвестирования значительное место отводилось и роли отечественных советских предприятий, которые участвовали в развитии социальной инфраструктуры, приумножении человеческого капитала, вносили посильный

вклад в решение демографических проблем, способствовали сохранению трудовых династий в рабочем коллективе, а также оказывали влияние на позицию молодежи относительно продолжения их трудовой деятельности в регионе, в котором они родились.

Однако, несмотря на очевидные преимущества данной модели социального инвестирования, она не предусматривала активного вовлечения различных секторов сферы услуг в процесс аккумуляции и распределения социальных инвестиций, что снижало внимание государства к развитию всего сектора услуг в СССР. В свою очередь целый ряд негативных факторов деструктивного характера, в том числе искусственно смоделированных со стороны стран Запада, не признававших лидерство СССР и рассматривавших его как опасного конкурента с экономической и политической точки зрения, фактически разрушили созданную систему социального инвестирования, в том числе в сфере услуг. При этом скорость разрушения самого фундамента системы социального инвестирования зависела от многих факторов, не только исключительно от объемов и структуры выделения финансовых ресурсов, в том числе и уровня развития человеческого капитала. Недаром такие сектора сферы услуг как образование, наука и медицина продолжили свое существование уже в эпоху суверенной России, во многом, используя накопленный, прежде всего кадровый, потенциал советского прошлого при неуклонном снижении эффективности материально-технического обеспечения данных секторов.

Вместе с тем как капиталистическая, так и подвергшаяся постепенному разрушению социалистическая модель социального инвестирования в сфере услуг подверглись значительным трансформациям уже начиная с пятого технологического уклада, результатом действия которых стало многообразие и многовариативность самих моделей, форм и организационно-экономических механизмов осуществления социальных инвестиций.

В современной России процесс социального инвестирования в сфере услуг имеет сравнительно небольшую историю – после становления рыночной

экономики в 1991 г. российскому предпринимательскому сообществу пришлось проходить этапы развитие, которые на Западе преодолевались в течении десятилетий и даже столетий. Период «первоначального накопления капитала» в 90-е годы характеризовался отсутствием социальной направленности бизнеса как целостной научной концепции и широко распространенной деловой практики.

Как отмечает Г.У. Тульчинский, «в постперестроечной России сложилась трагикомичная ситуаций в связи с тем, что все советские хозяйствующие субъекты были «супер социально -ориентированными». Они отвечали за ЖКХ и больницы, за школы и тепло- энергоснабжение, за культуру и художественную самодеятельность, за детские сады и футбольные команды, шефствовали над армией и селом... Существовали систему показателей социально-экономического развития коллективов, методики их расчета и оценки, которые не были известны за рубежом... Наш бизнес всеми правдами и неправдами старался избавиться от социальных обязательств, и «социалку» сплывили нищим местным властям».[318]

В ходе рыночных преобразований предполагалось, что сам переход от командно-административной к рыночной экономике будет способствовать общественному благу. Предполагалось, что обеспечение свободы предпринимательства автоматически приведет к росту благосостояния граждан и уровня их социальной защищенности.

В этот период в США и Западной Европе идеи социально-ориентированного предпринимательства набирали популярность, а социальная отчетность становилась необходимым атрибутом ведения бизнеса, при этом среди российских компаний, напротив, доминировали представления 70-х годов, происходило запаздывание на несколько десятилетий. Получалась ситуация, когда западные экономисты изучали советский опыт осуществления предприятиями социальной деятельности, а в России, наоборот, происходил отказ от нее со стороны бизнеса в ряде отраслей.

В России деятельность в сфере КСО и соответствующая деятельность в сфере социального инвестирования начала появляться лишь в «нулевые» годы. В 2004-2008 гг. произошел резкий рост интереса к социальной деятельности бизнеса – период стабильности способствовал тому, что российские компании начали интенсивно заниматься благотворительностью, вкладываться в развитие местного сообщества в регионе пребывания, поддерживать культуру и образование. Следует отметить, что в 2004 году в России развернулась широкая дискуссия о значении корпоративной социальной ответственности в развитии бизнеса. Впервые были организованы несколько заметных конференций на эту тему с привлечением к дискуссии предпринимательского сообщества, представителей исполнительной и законодательной власти, некоммерческих организаций.

Важным фактором, способствующим развитию социального инвестирования в сфере услуг, стало развитие в России социального партнерства. В социальном партнерстве, регламентируемом соответствующими нормативно-правовыми актами органы государственной власти, компании и работники (или их представители) стремятся направить усилия по достижению совместного результата. Крупные российские компании в этот период начали активно внедрять коллективные договоры, обеспечивать «белую» занятость работников, соблюдение трудового законодательства.

Мировой экономический кризис 2008-2010 гг. отрицательно сказался на развитии социального инвестирования в сфере услуг в России. Бизнес-субъекты, испытывая финансовые трудности, были вынуждены сворачивать общественно-значимые проекты, концентрируясь на поддержании стабильности функционирования. Дальнейшие проблемы в российской экономике также не способствовали роста интереса к социальному инвестированию со стороны бизнеса. Между тем, в России сформировался устойчивый круг крупнейших лидирующих компаний, которые прочно заняли свои рыночные ниши. В этом сегменте компаний-лидеров, сумевших добиться

долгосрочной положительной динамики развития, наблюдается высокий интерес к социальной деятельности, которая рассматривается в связи со стратегией развития данных компаний.

Крупнейшие российские компании готовы тратить все больше средств на обучение персонала, рассматривая человеческий капитал как ключевой фактор развития их бизнеса, поэтому возрастает роль социального инвестирования в ракурсе развития человеческих ресурсов за счет использования потенциала сферы услуг.

Еще одним процессом, обуславливающим развитие социального инвестирования в России, стал возрастающий интерес к экологической проблематике. В обществе начал формироваться устойчивый запрос на защиту окружающей среды, с которым компаниям приходится считаться. В Российской Федерации 2017 г. был объявлен годом экологии, в рамках которого были реализованы важные проекты – меры по защите экосистемы озера Байкал, значительные мероприятия по сохранению редких видов животных на Дальнем Востоке, ликвидация накопленного ущерба в Арктике.

С учетом представленных фактов, можно выделить следующие особенности российской практики корпоративного социального инвестирования:

1. В российской деловой практике наблюдается слабое влияние институтов гражданского общества на бизнес. Если в США и странах Западной Европы существуют влиятельные некоммерческие организации, способные оказывать существенное воздействие на компании, даже диктовать им определенные условия (например, в сфере «зеленой экономики»), то в России такие НКО отсутствуют. В результате этого взаимодействие компаний с некоммерческими организациями в России часто имитационный характер, когда бизнес создает видимость, что ведет равноправный диалог с гражданским обществом, хотя зачастую самостоятельно выбирает направления социальных инвестиций без полноценного согласования с некоммерческими организациями;

2. В нашей стране не сформировался запрос со стороны населения на освещение в СМИ социальных инициатив компаний, а также отсутствуют соответствующие медиа-ресурсы, имеющие широкую аудиторию. Возникает ситуация, когда потребители не проявляют интереса к социальным проектам компаний, а реализуемые ими корпоративные социальные инвестиции не приводят к росту узнаваемости и репутации компании. Российский массовый потребитель, в отличие от западного, при выборе того или иного товара в большинстве случаев не обращает внимание на общественные инициативы компаний. Многие социологические исследования показывают рост интереса населения к общественно-значимым проектам бизнеса, однако в большинстве случаев этот интерес не отражается на конкретных потребительских предпочтениях;

3. В России сложилась ситуация, когда наиболее влиятельным стейкхолдером (заинтересованной стороной) выступает государство, поэтому в процессе выявления ключевых направлений социального инвестирования для компании является приоритетным установление партнерских отношений с органами государственной власти (федерального и регионального уровня). Исходя из этого, в качестве объектов социального инвестирования (элементов социальной среды) выбираются те структуры, которые связаны с государством или поддержка которых одобряется исполнительной властью, в том числе заложенные в программах регионального развития;

4. В ситуации, когда общество часто демонстрирует низкий интерес к корпоративным социальным инвестициям, многие компании рассматривают в качестве основного направления вложения ресурсов в общество – инвестиции в собственный персонал, поскольку развитие персонала видится реальным результатом. Такая корпоративная политика характерна для предприятий, слабо вовлеченных в конкурентную борьбу за массовый рынок – например, для бизнес-субъектов, реализующих госзаказ или работающих на основе принципов B2B («бизнес для бизнеса»);

5. Реализациям концепций КСО и ESG, напрямую связанная с корпоративным социальным инвестированием, тесно связаны с американской и европейской деловой практикой, в которой следование международным стандартом в сфере экологии, социальное деятельности и корпоративного управление является необходимой составляющей для ведения бизнеса. Социальное инвестирование в США и странах Западной Европы регламентируется данными стандартами. Российские компании, следуя принципам КСО и ESG, часто нацелены на работу на данных рынках.

Одно из основных отличий ESG от КСО заключается в том, что ESG в большей степени нацелена на инвестиционную деятельность компании. В глобальной экономике постепенно складывается ситуация, когда инвестиционный процесс должен быть сопряжен с выполнением социальных обязательств. Все более возрастает актуальность *социальных инвестиций* – вложения средств не просто с целью получения прибыли, но и для решения общественных и экологических проблем. Складывается ситуация, когда бизнес-субъекты, занимающиеся традиционным, а не социальным инвестированием проигрывают тем компаниям, которые строят свою инвестиционную деятельность на социальном фундаменте.

Однако, введение санкций после февраля 2022 г. затрудняет деятельность российского бизнеса в данных регионах. Соответственно, в этих условиях происходит снижение интереса предпринимателей в Российской Федерации к внедрению международных стандартов. Корпоративное социальное инвестирование в России в значительной степени становится не одной из составляющих успешного развития отечественной компании на Западе, а деятельность, ориентированной на интересантов внутри страны – на российское общество.

Следуя логике смены технологических укладов как двигателя социально-экономических преобразований, можно говорить и о комплексном изменении подходов к формированию систем социального инвестирования. Оценивая общую характеристику эволюции социального инвестирования как

составляющей социально-экономического благополучия общества в условиях смены технологических укладов, можно отметить следующие изменения в подходах к формированию и развитию данных систем в сфере услуг:

-система социального инвестирования в сфере услуг должна максимально быстро адаптироваться к новым условиям функционирования и воздействия внешней среды, в связи с этим можно говорить о необходимости сокращения горизонта планирования инвестиционных вложений с долгосрочного характера к среднесрочному временному интервалу,

-при проектировании системы социального инвестирования в сфере услуг необходимо учитывать как многовариативность существующих инноваций, прежде всего цифрового характера, так и необходимость обеспечения их комплементарности при синхронном использовании для решения глобальных социально-экономических проблем,

-современная система социального инвестирования должна быть основана на принципах кооперационного взаимодействия не только между государством и частным бизнесом в рамках проектов государственно-частного партнерства в различных секторах сферы услуг, но и предполагать повышение роли и значимости домашних хозяйств не только как исключительно получателей услуг-пользователей системы, но и как полноправных социальных инвесторов,

-при формировании любой модели или вида системы социального инвестирования в сфере услуг на ее предпроектной стадии следует разрабатывать четкую систему целевых показателей и критерии оценки, которые отражали бы не абсолютные значения достигнутых результатов, а их относительный характер с точки зрения достижения необходимых эффектов.

2.3 Влияние цифровизации на функционирование и развитие системы социального инвестирования в сфере услуг

Несмотря на весьма серьезные изменения используемых вариантов, которые отражали научные и общественные взгляды на проектирование и развитие систем социального инвестирования в сфере услуг и соответствовали тому или иному технологическому укладу, только с началом цифровизации стало возможным говорить о принципиальных отличиях в социальном проектировании и постепенном переходе от универсальных принципов и методов управления социальным инвестированием на основе ряда базисных моделей, рассмотренных более подробно в предыдущем параграфе, к более адаптивным и гибким вариантам их разработки исходя из запросов как субъекта управления системой, прежде всего государства и корпоративного сектора, так и с точки зрения самого пользователя – получателя социальных услуг.

Данная возможность сформировалась, прежде всего, с точки зрения новых качеств и свойств, которые привнесли цифровые технологии в существующие социально-экономические процессы развивающейся сервисной экономики (значительное сокращение времени оказания большинства услуг за счет повышения технологического уровня обеспечения сервисных процессов, высокий потенциал использования дистанционных технологий, виртуализация сервисных организаций и развитие цифровой коммуникационной среды как серьезной альтернативы традиционному процессу предоставления услуг и т.д.).

С другой стороны, как и на предшествующем этапе информатизации, в современном технологическом укладе наблюдается и расширяется тенденция к многовариативности появляющихся инноваций. Современные цифровые технологии весьма разнообразны как с точки зрения их применения и направленности, так и в контексте их технологических особенностей. В

качестве примера можно привести статистику использования различных цифровых технологий в российских организациях (таблица 2.5).

Таблица 2.5

Использование различных цифровых технологий в российских организациях, % от общего числа организаций [474]

Наименование цифровой технологии	2021	2022
Технологии сбора, обработки и анализа больших данных	25,8	30,4
Облачные сервисы	27,1	28,9
Центры обработки данных	14,0	16,5
Цифровые платформы	14,7	14,9
Геоинформационные системы	12,6	13,0
Интернет-вещей	13,7	10,0
RFID-технологии	11,8	9,6
Технологии искусственного интеллекта	5,7	6,6
Промышленные роботы\автоматизированные цифровые линии	4,4	2,6
Аддитивные технологии	1,4	1,3
«Цифровой двойник»	1,4	1,3

Как видно из представленных данных, наибольшую популярность среди всего спектра цифровых инноваций занимают технологии сбора, обработки и анализа больших данных, которые носят универсальный характер, могут быть адаптированы применительно как к условиям определенного отраслевого сегмента, так и субъекта управления. Кроме того, в контексте особенностей сервисной экономики, использование данного вида технологий позволяет обеспечивать значительный уровень конкурентоспособности оказываемых услуг при относительно небольших затратах. Вместе с тем, ряд цифровых технологий, в связи с отсутствием отечественных разработок и высокой стоимостью приобретения в условиях даже существования системы параллельного импорта, пока не находят спроса со стороны российских компаний (например, промышленные роботы\автоматизированные цифровые линии, аддитивные технологии, «цифровой двойник» и ряд других). Естественно, общий уровень использования цифровых технологий оказывает

влияние и на их применение для развития систем социального инвестирования.

При этом необходимо подчеркнуть, что использование различных технологий цифровой природы весьма сильно отличается и с точки зрения применения в конкретных отраслевых сегментах, что также приводит к определенным диспропорциям как функционирования самих систем социального инвестирования в сфере услуг, так и к позиции отдельных услуг, реализуемых в рамках социального проектирования. В таблице 2.6 представлен обзор использования цифровых технологий в различных сегментах сферы услуг в РФ по состоянию на 2022 г. На основании представленных данных становится очевидным разрыв в использовании как целого ряда цифровых технологий (например, распространенность технологий сбора, обработки и анализа больших данных в 23, 4 раза превышает масштаб внедрения таких инноваций как аддитивные технологии и «цифровой двойник» [474]), так и в их отраслевом распределении внутри национальной экономики.

Среди лидеров технологического развития можно отдельно отметить такие отрасли как сектор информатизации и связи, финансовый сектор, прежде всего в контексте инновационного развития банковской деятельности, а также оптовую и розничную торговлю. Относительно низкая степень распространения инноваций наблюдается в таких секторах сферы услуг как строительные услуги, транспортировка и хранение, культура и спорт, а также государственное управление, социальное обеспечение. В связи с этим актуальной задачей инновационного развития системы социального инвестирования следует признать стремление к устранению диспропорций между отдельными секторами сферы услуги и распространением различных цифровых инноваций.

Таблица 2.6

Использование цифровых технологий в различных сегментах сферы услуг в РФ, % от общего числа организаций, 2022

г. [474]

Наименование сегмента сферы услуг	Наименование цифровой технологии										
	Технологии и сбора, обработки и анализа больших данных	Облачные сервисы	Центры обработки и данных	Цифровые платформы	ГИС	Интернет-вещей	RFID-технологии	Технологии искусственного интеллекта	Промышленные роботы	Аддитивные технологии	«Цифровой двойник»
<i>Сфера услуг</i>											
Водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов	26,1	27,0	14,2	9,3	14,3	12,9	8,7	5,6	2,4	0,8	1,3
Строительные услуги	20,2	20,5	10,9	8,8	8,8	9,2	8,4	3,4	1,7	0,7	1,8
Транспортировка и хранение	28,9	23,1	15,7	14,1	15,8	11,2	14,7	5,1	1,7	1,1	1,2
Гостиницы и общественное питание	31,9	29,9	17,4	12,3	6,9	12,7	11,3	3,9	4,2	0,7	0,8
Информация и связь	41,3	34,5	22,4	21,3	13,5	13,0	14,1	10,1	1,6	1,4	1,7
Финансовый сектор	47,7	33,8	25,9	26,9	20,4	8,8	12,2	7,7	0,6	0,5	0,6
Операции с недвижимым имуществом	18,1	19,6	9,8	7,2	6,5	7,0	6,7	3,8	0,9	-	-13

¹³ Данные по данному сектору сферы услуг отсутствуют

Профессиональная, научная и техническая деятельность	20,6	23,6	11,2	9,4	8,1	6,7	6,4	3,9	1,1	1,9	1,7
Высшее образование	33,7	46,7	18,3	32,3	19,0	16,2	30,0	10,2	4,8	19,3	6,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	30,6	36,3	16,6	16,1	13,0	11,4	8,3	5,5	1,2	0,8	0,9
Культура и спорт	16,7	25,1	9,1	7,4	5,9	7,0	5,6	4,1	0,6	0,9	0,8
Государственное управление, социальное обеспечение	17,1	23,6	9,3	8,9	10,0	5,4	4,6	3,6	0,6	0,6	0,8
<i>Другие отрасли национальной экономики</i>											
Сельское хозяйство	23,7	25,5	12,8	9,1	15,6	11,9	9,4	4,7	4,8	0,8	1,0
Добыча полезных ископаемых	25,6	20,0	13,9	10,6	16,9	13,9	16,0	3,4	3,6	1,0	2,1
Обрабатывающая промышленность	32,9	30,7	17,9	14,3	11,5	15,6	19,1	5,5	19,0	5,6	3,5
Обеспечение энергией	25,2	23,5	13,7	13,4	17,6	16,5	14,1	4,8	1,6	0,7	2,1
Оптовая и розничная торговля	57,1	40,7	31,0	28,2	22,4	13,8	12,2	15,4	2,8	1,1	1,1
<i>Всего</i>	30,4	28,9	16,5	14,9	13,0	10,0	9,6	6,6	2,6	1,3	1,3

Не менее значимым, с методической точки зрения, остается вопрос о необходимости типологизации цифровых технологий с точки зрения их роли и степени участия в процессе проектирования, функционирования и развития системы социального инвестирования в сфере услуг с учетом как многообразия самих цифровых решений, так и особенностей адаптации к конкретному отраслевому сегменту. В связи с этим автор считает необходимым провести собственную типологизацию цифровых технологий по отношению к системе социального инвестирования в сфере услуг, результаты которой представлены в таблице 2.7.

Таблица 2.7

Типологизация цифровых технологий по отношению к системе социального инвестирования в сфере услуг (авторские разработки)

№	Наименование категории типологизации	Виды цифровых технологий по отношению к системе социального инвестирования в сфере услуг	Краткая характеристика выбранного типа
1	С точки зрения направленности на конечный результат действия системы социального инвестирования в сфере услуг	-экстенсивного характера (ориентация на количественные показатели социального инвестирования) -интенсивного характера (ориентация на качество социального инвестирования)	Отражают влияние цифровых технологий на направленность системы социального инвестирования и определяет параметры ее эффективности по отношению как к субъекту управления, так и получателю услуг
2	С точки зрения характера воздействия на систему социального проектирования в сфере услуг	-оптимизирующего воздействия - обеспечивающего/дополняющего воздействия -управляющего воздействия	Данная типологизация ориентирована на уровень участия цифровых технологий в процессе создания и функционирования систем социального проектирования
3	С точки зрения возможности использования в зависимости от вида оказываемых услуг	-специализированные -универсальные	Отражают возможность и масштаб использования цифровых технологий

4	С точки зрения использования в различных средах системы социального проектирования в сфере услуг	-ориентированные на внутреннюю среду системы	Отражают специфику использования цифровых технологий в зависимости от выбранной среды системы
		-ориентированные на внешнюю среду системы	
		-многофункционально характера	
5	С точки зрения эффектов от системы социального инвестирования в сфере услуг	- обеспечивающие достижение социальных эффектов	Данный критерий отражает вид получаемого эффекта от внедрения цифровых технологий в систему социального инвестирования в сфере услуг
		-обеспечивающие достижение экономических эффектов	
		- обеспечивающие достижение эффектов в сфере экологизации	
		-обеспечивающие достижение эффектов роста имиджа и репутации	
		-обеспечивающие достижение кумулятивного (совокупного) эффекта	
6	С точки зрения стадии жизненного цикла системы социального инвестирования в сфере услуг	-на стадии проектирования системы социального инвестирования в сфере услуг	Отражают специфику использования цифровых технологий в зависимости от жизненного цикла самой системы социального проектирования в сфере услуг
		-на стадии формирования системы социального инвестирования в сфере услуг	
		-на стадии функционирования системы социального инвестирования в сфере услуг	
		-на стадии модернизации\трансформации системы социального инвестирования в сфере услуг	
7	С точки зрения возможности коммерциализации используемых цифровых технологий	-способствующие коммерциализации оказываемых услуг	Связаны с оценкой потенциала коммерциализации используемых цифровых технологий при одновременном выполнении основных социальных функций системы инвестирования
		-неориентированные на коммерциализацию оказываемых услуг	
8	С точки зрения периода, на который ориентирован процесс	-стратегические	Отражает временной аспект использования цифровых технологий
		-операционные	
		-тактические	

	использования цифровых технологий		при социальном инвестировании
9	С точки зрения возможности регуляторного воздействия на процесс применения цифровых технологий	-регулируемые (полностью)	Отражает возможность регулирования использования цифровых технологий в различных контекстах (правовом, технологическом, экономическом и т.д.)
		-регулируемые (частично)	
		-нерегулируемые	
10	С точки зрения возможности влияния на функционирования цифровых технологий и изменений конечных результатов от их воздействия на систему социального инвестирования в сфере услуг	-обратимые	Отражает возможность внесения корректировок и изменений в процессе функционирования цифровых технологий, прежде всего с технологической точки зрения
		-необратимые	

Рассмотрим некоторые из представленных критериев типологизации более подробно.

Одним из принципиальных критериев типологизации систем социального инвестирования в сфере услуг, по мнению автора, следует признать направленность на конечный результат существования самой системы социального инвестирования. В данном случае предлагается выделять:

-использование цифровых технологий в целях экстенсивного развития систем социального инвестирования в сфере услуг. Под экстенсивным развитием систем социального инвестирования в сфере услуг следует понимать увеличение количественных значений основных параметров, с помощью которых можно охарактеризовать систему. Среди такого рода показателей можно отметить – рост числа пользователей – получателей услуг системы, увеличение объёмов финансирования, направляемых на функционирование системы, количество участников системы социального инвестирования, рост числа занятых, участвующих в процессе управления и

обслуживания систем социального инвестирования и т.д. Таким образом, использование цифровых технологий направлено на рост масштаба систем социального инвестирования в сфере услуг, который далеко не всегда автоматически приводит к росту качества предоставляемых услуг, а также их своевременности и актуальности для отдельных категорий получателей.

-другой альтернативный вариант - интенсификация развития систем социального инвестирования за счет повышения качества их функционирования, адаптации к определенному набору условий в зависимости от целеполагания субъекта управления системой социального инвестирования, адресного характера предоставления услуг. В описываемом варианте большое значение придётся мотивации получателей услуг системы социального инвестирования и их готовности к участию в решении собственных проблем не только за счет внешней помощи и социальной поддержки, но и за счет собственных усилий и желания к изменениям на основе возможности получения новых компетенций (образовательные и консультационные услуги), улучшения психо-физического состояния (медицинские услуги) и т.п.

По мнению автора, именно интенсивный путь использования цифровых технологий должен обеспечить комплексную эффективность системы социального инвестирования в сфере услуг. В связи с этим при внедрении цифровых технологий в данной сфере необходимо соизмерять уровень затрат на их использование и последующее обслуживание с теми, прежде всего, социальными эффектами, которые достигаются за счет повышения уровня и качества самой системы социального инвестирования. В любом случае социальные инвестиции и их цифровой сопровождение должно учитывать не только текущую проблематику и необходимость расширения масштабов предоставления социальных услуг, но и возможные изменения как чисто экономического, так и возможно другого характера в стратегической перспективе.

Вторым по значимости критерием типологизации выступает принципиальное разделение цифровых технологий по характеру воздействия на систему социального инвестирования в сфере услуг и той функциональной роли, которую они осуществляют в процессе взаимодействия с системой. На рисунке 3.1 представлена краткая характеристика данного критерия типологизации. Можно говорить о том, что первые две возможные группы цифровых технологий, в большей степени, характеризуют современный технологический уклад, а третья группа ориентирована на возможности уже следующего этапа развития НТП.

В настоящее время, по мнению автора, наибольшее значение для развития систем социального инвестирования в сфере услуг имеет первая группа цифровых инноваций, которые могут быть использованы для оптимизации процесса социального инвестирования за счет новых технологических возможностей. В качестве эффекта здесь следует рассматривать, прежде всего, экономию финансовых средств со стороны социального инвестора, что, в свою очередь, позволит перераспределить денежные потоки в пользу не только повышения качества оказываемых услуг, но и с точки зрения обеспечения финансовых стимулов для роста инновационной активности субъекта социального инвестирования. Таким образом, правильное и рациональное использование целого ряда инноваций (технологии блокчейн, больших данных, цифровые платформы и т.д.), характеризующих шестой технологический уклад, позволит обеспечить фундамент для развития и внедрения инноваций в процесс социального проектирования уже нового уровня, который характеризуется возможностями управления с применением искусственного интеллекта и нейросетей.

Однако, необходимо учитывать целый ряд комплексных проблем внедрения цифровых инноваций в сфере услуг, которые замедляют процесс внедрения даже уже существующих на рынке технологических решений и не позволяют обеспечить рост инновационной активности сервисных организаций.

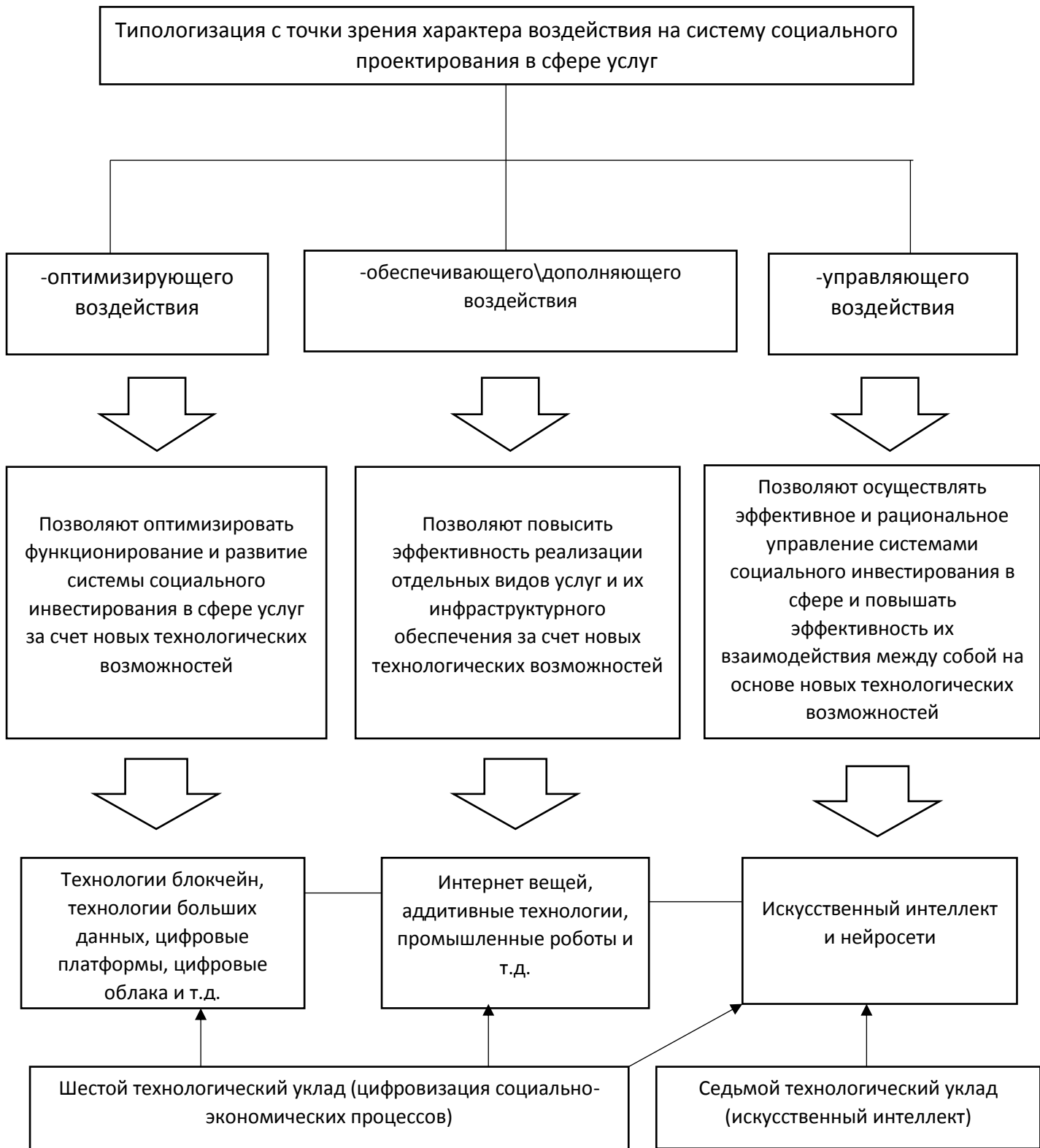

Рисунок 2.6 – Типологизация цифровых технологий с точки зрения характера воздействия на систему социального проектирования в сфере услуг (авторские разработки)

В представленном ранее рисунке 2.6, приведены и другие возможные подходы и критерии типологизации цифровых технологий по отношению к системе социального инвестирования в сфере услуг, часть из которых отражает социально-экономические аспекты социального инвестирования (например, типологизация, которая отражает уровень участия тех или иных цифровых инноваций в получении определенных эффектов от функционирования системы, типологизация, связанная с возможностью коммерциализации использования цифровых технологий и т.д.), другие критерии характеризуют нормативные и технологические аспекты цифровизации социального инвестирования.

В качестве примера можно привести типологизацию, отражающую уровень регулируемости использования цифровых технологий в системе социального проектирования. Регулируемость, в данном случае, отражает способность к регламентации действия цифровых технологий в процессе их использования в рамках жизненного цикла системы социального инвестирования со стороны субъекта управления системой или самого социального инвестора. При этом регулируемость можно рассматривать как с точки зрения наличия соответствующих государственных и локальных нормативно-правовых актов и технических регламентов, так и с точки зрения эффективности практики их применения в условиях конкретной системы социального инвестирования.

Аналогичным образом можно рассматривать и критерий обратимости использования инноваций в контексте их возможного деструктивного влияния на саму систему социального проектирования в сфере услуг. В данном случае речь идет, в большей степени, не о цифровых инновациях шестого технологического уклада, а об искусственном интеллекте, который может представлять определенную опасность с точки зрения его некорректного или неправильного использования. Также весьма важным представляется учет взаимосвязи процессов обратимости с понятием этики использования искусственного интеллекта в условиях социального проектирования.

Еще одним немаловажным аспектом оценки влияния цифровизации на функционирование и развитие системы социального инвестирования в сфере услуг следует признать его стимулирующий или дестабилизирующий характер воздействия в зависимости от целого ряда факторов, состав которых может претерпевать значительные изменения в зависимости от текущего состояния социально-экономических процессов. В научной литературе ([31], [49], [82], [105], [138], [185], [232], [259], [270], [272], [285], [305], [386], [394]) достаточно много внимания посвящено теоретическим аспектам, связанным с характеристикой, описанием преимуществ и недостатков использования цифровых технологий в условиях социального инвестирования, прежде всего на корпоративном уровне. Ориентируясь на данные научные источники, можно говорить о том, что среди ключевых преимуществ использования цифровых технологий в социальном инвестировании следует обозначить:

1. Снижение уровня затрат транзакционного и обслуживающего характера, связанных с реализацией социального инвестирования за счёт оптимизации, прежде всего, использования ресурсов и сокращения затрат на управление процессом предоставления соответствующих услуг за счет оптимизации организационной структуры.

В качестве примера можно привести создание с 1 января 2023 года единого Фонда пенсионного и социального страхования РФ (или сокращенное название - Социальный фонд России) на основе объединения ресурсов и функций Пенсионного фонда и Фонда социального страхования. В данном случае кумулятивный эффект от создания объединенной структуры заключается в возможности сокращения расходов и сроков, связанных с обменом информацией и частичным дублированием оказываемых услуг между существовавшими отдельными фондами. Использование цифровых технологий позволило обеспечить доступ к услугам не только через личное посещение отделений Фонда или МФЦ, но и проводить онлайн-операции посредством возможностей личного кабинета пользователя на портале государственных услуг.

Кроме того, объединение структур было ориентировано на потенциальный рост социальных расходов, обусловленных как ростом инфляции и повышением уровня МРОТ, так и неуклонным ростом числа лиц пенсионного возраста, который, несмотря на постепенное повышение пенсионного возраста в стране, связан с увеличением продолжительности жизни населения во многих российских регионах, а также сложившейся половозрастной структурой российского общества.

Например, Социальный фонд России с января по сентябрь 2023 года израсходовал 9,7 трлн. рублей, это на 11,7% больше, чем в аналогичном периоде прошлого года. Отмечается, что на 5,5% увеличились расходы на выплату страховых пенсий - до 6,4 трлн. рублей. Число получателей страховых пенсий на 1 октября 2023 года составило 37,2 млн. человек, из них 7 млн. - работающих пенсионеров. Таким образом, активное внедрение цифровых технологий стало драйвером процесса объединения двух родственных структур, принимающих активное участие в функционировании системы социального инвестирования в нашей стране [471].

2. Использование цифровых технологий позволяет повысить эффективность реализации социального инвестирования с точки зрения адресной поддержки конкретному получателю социальных услуг. Именно индивидуализированный характер социального инвестирования возможен исключительно в условиях использования различного рода цифровых технологий.

Адресность поддержки конкретного получателя, а также технические характеристики данного процесса (уровень и сложность доступа к услуге, возможность совершения многократного запроса на услуги, скорость обработки запроса на услуги, наличие цифровой среды, которая бы систематизировала запросы и обращения со стороны получателей услуг и т.п.) обеспечивают достижение необходимого эффекта от вложения средств в систему социального инвестирования, как минимум, в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

В качестве сверхуспешного примера использования данного преимущества в российских условиях можно привести функционирование портала «Государственные услуги», где уже, по состоянию на 2023 г., 103 млн. россиян (почти 70% от населения) имеют подтвержденную учетную запись. Кроме того, с января по июль 2023 года граждане подали через сервис 336 млн. заявлений, что на 32% больше аналогичного периода прошлого года [470]. Именно адресный характер данного портала, как успешного примера современного социального инвестирования в сфере услуг, и его относительная простота и доступность обеспечивают эффективность вложения подобного рода социальных инвестиций.

Не менее важным представляется и факт перманентности социальных инвестиций, их долгосрочный характер и учет выявленных негативных сторон работы портала, в том числе в контексте учета обратной связи с получателями услуг. Например, в таблице 2.8 представлена статистика за январь 2024 г., отражающая соотношение числа поданных и рассмотренных жалоб к российским ведомствам и министерствам при использовании портала государственных услуг.

Таблица 2.8

Соотношение числа поданных и рассмотренных жалоб к российским ведомствам и министерствам при использовании портала государственных услуг, январь 2024 г. [468].

Наименование органа государственной власти, ответственного за предоставление услуг	Количество поданных жалоб, ед.	Количество рассмотренных жалоб, ед.	Соотношение количества рассмотренных жалоб к количеству поданных жалоб, %
Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации	4002	3381	84,5
Главное управление по вопросам миграции МВД России	2621	2340	89,3
Федеральная служба судебных приставов	550	321	58,4

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии	257	230	89,5
Главное управление обеспечения безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации	135	134	99,3
Федеральное казенное учреждение "ГИАЦ МВД России"	61	51	83,6
Федеральная служба по труду и занятости	16	15	93,8
Федеральная антимонопольная служба	7	6	85,7

3. Цифровизация способствует многовариативности социального инвестирования, проведению более тщательной оценки различных альтернативных вариантов, что также приводит к повышению интереса к социальному инвестированию не только со стороны органов государственной власти, но и корпоративного сектора в контексте более эффективного распределения ресурсов на нужды социальных проектов. Необходимо отметить значительный вклад цифровых технологий в вопросе оптимизации расходования средств в условиях реализации программ корпоративной социальной ответственности в условиях не только крупного, но и, прежде всего, малого и среднего бизнеса. Именно малый и средний бизнес с помощью цифровых технологий может позволить себе реализацию программ социальной поддержки не только конкретных работников с точки зрения мотивационных программ и повышения уровня лояльности к управляющему или собственнику компании, но и, в условиях кооперационного взаимодействия с другими участниками рынка, способствовать реализации проектов по решению существующих социально-экономических проблем на уровне муниципалитета или региона.

4. Обеспечение стабильности баланса роста спроса и предложения в сфере социальных услуг за счет использования цифровых технологий. Еще

одним преимуществом использования цифровых технологий является возможность удовлетворить растущий спрос на услуги, в том числе исключительно социального характера, за счет роста уровня предложения на основе расширения как материально-технического обеспечения процесса предоставления услуг, так и повышение уровня человеческого капитала, необходимого для проектирования и реализации услуг.

Однако наряду с преимуществами использования цифровых технологий, необходимо отметить и ряд отрицательных моментов, которые имеют важное значение при выборе той или иной цифровой инновации. К числу таковых можно отнести:

1. Увеличение доли расходов, связанных с процессом цифровизации оказания услуг и осуществлением социального инвестирования.

Внедрение цифровых технологий, даже при условии осуществления социально-ориентированных проектов на основе использования режима преференций и экономических льгот при ведении экономической деятельности и упрощении процедур контроля и требований к ним со стороны надзорных органов, всегда связана с ростом не только первичных инвестиционных вложений, но и последующим обслуживанием цифровых систем и платформ.

Развитие процессов цифровизации в сфере услуг подробно рассмотрено в научных трудах таких ученых как Головцова И.Г. [110], Горбашко Е.А. [113], Карпова Г.А., Кострюкова О.Н., Хорева Л.В., Максимовская О.А., Шарафанова Е.Е. [176], Карпова Г.А., Хорева Л.В., Шраер А.В. [177], Морозов М.А., Морозова Н.С. [225], Овсянникова Т.А. [243], Раджабов К.Р., Раджабова З. Дж. [262], Шарафанова Е.Е., Карпова Г.А., Кострюкова О.Н., Хорева Л.В., Максимовская О.А. [349], Шлафман А.И. [357], Яшин С.Н. [367], Feng С. [391] и другие.

В таблице 2.9 представлена динамика затрат на внедрение ряда цифровых технологий на российских предприятиях, большая часть из которых прямо или

косвенно связана с системой социального инвестирования на уровне предприятия.

Таблица 2.9

Динамика затрат российских предприятий на внедрение цифровых технологий, млн. руб. [467]

Наименование статьи затрат	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Внутренние затраты на внедрение и использование цифровых технологий, в том числе:	4194,3	5294,1	7374,1
приобретение машин и оборудования, связанных с цифровыми технологиями, а также на их техническое обслуживание, модернизацию, текущий и капитальный ремонт, выполненные собственными силами	2284,3	2054,7	2133,8
на приобретение программного обеспечения, адаптацию и доработку программного обеспечения, выполненные собственными силами	687,0	578,9	936,6
на обучение сотрудников, связанное с внедрением и использованием цифровых технологий	5,1	6,8	8,2
на оплату услуг электросвязи	764,6	753,4	898,9
на приобретение цифрового контента	6,3	12,6	14,9
прочие внутренние затраты на внедрение и использование цифровых технологий	447,0	1887,7	3381,7
внешние затраты на внедрение и использование цифровых технологий, в том числе на:	1137,6	1085,4	1294,1
на аренду, техническое обслуживание, модернизацию, текущий и капитальный ремонт машин и оборудования, связанных с цифровыми технологиями	284,1	202,7	328,4
на разработку, аренду, адаптацию, доработку, техническую поддержку и обновление программного обеспечения	758,6	763,0	853,8
на доступ к данным / базам данных	45,0	67,0	65,7
прочие внешние затраты на внедрение и использование цифровых технологий	49,9	52,7	46,2
<i>Общая величина затрат на внедрение и использование цифровых технологий</i>	<i>5331,9</i>	<i>6379,5</i>	<i>8668,2</i>

На основании представленных данных, очевидно, что, в большинстве своем российские организации ориентированы на приобретение и последующее использование цифровых технологий в качестве собственного

объекта нематериальных активов нежели чем на использование возможностей коллективного доступа посредством приобретения временного доступа к информационным системам, аренды, лизинга и т.д. При этом главной статьёй расходов выступает непосредственно приобретение машин и оборудования, связанных с цифровыми технологиями и затраты на сопутствующие услуги и работы, выполненные собственными силами нежели чем подготовка персонала или повышение уровня человеческого капитала организаций, что, в определенной степени, тормозит развитие цифровых технологий и повышение их роли в социальном инвестировании.

Отдельное внимание заслуживают и актуальные вопросы первоначальных вложений в цифровые технологии – оценка риска для социального инвестора, возможность использования льготных заемных средств или государственного софинансирования, рациональный выбор поставщиков цифровых технологий и т.д.

2. Дисбаланс в уровне инновационной активности российского бизнеса, в том числе неравномерный уровень внедрения инноваций в различных секторах сферы услуг.

По данным представленной ранее таблицы 2.9 наблюдается устойчивый рост общей величины затрат на процесс осуществления цифровизации. С другой стороны, его темпы значительно превышают уровень инфляционных процессов, что может свидетельствовать о повышении значимости цифровых технологий для ведения бизнеса и, собственно, роста инновационной активности российских предпринимательских структур, которая косвенно отражается и на системе социального инвестирования на микроэкономическом уровне в сфере услуг, что отражено в ряде научных источников ([115], [120], [122], [125], [231], [246], [294], [339], [341], [350], [393], [411], [437]).

В таблице 2.10 показаны данные об уровне инновационной активности субъектов предпринимательской деятельности в сфере услуг в РФ.

Таблица 2.10

Уровень инновационной активности организаций в сфере услуг, млн.
руб. [469]

Наименование статьи затрат	2020 г.	2021 г.	2022 г.
транспортировка и хранение	4,0	3,9	3,7
деятельность издательская	3,8	5,1	4,7
деятельность в сфере телекоммуникаций	13,1	12,7	13,4
разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги	13,2	15,1	14,1
деятельность в области информационных технологий	10,2	8,0	6,8
деятельность в области права и бухгалтерского учета	4,2	3,7	4,0
деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления	5,2	4,4	3,7
деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа	10,7	10,9	9,3
научные исследования и разработки	51,1	47,5	43,6
деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка	2,6	3,3	2,3
деятельность профессиональная научная и техническая прочая	8,8	9,3	7,3
деятельность в области здравоохранения	11,7	11,0	10,9

Как видно из представленных данных, значительное различие в уровне инновационной активности также отрицательно сказывается на возможностях системы социального инвестирования. Например, низкий уровень внедрения инноваций в сфере консалтинга и инжиниринга приводит к снижению эффективности как потенциального формирования систем социального инвестирования на основе использования механизма консалтинга, так и их технической реализации с точки зрения управления процессами хранения и обработки больших данных, формирования аналитических отчетов и т.д. Соответственно дисбаланс в степени инновационной активности в различных сегментах сферы является одним из значимых барьеров для обеспечения эффективности и устойчивости систем социального проектирования. Решение

данного вопроса, по мнению автора, как раз и связана с необходимостью пересмотра подходов к регулированию инновационной активности со стороны государства, в том числе обеспечение более тесной взаимосвязи государственной политики в области предпринимательской деятельности, социального инвестирования и обеспечения технологического суверенитета на основе развития и поддержки отечественного производителя, ориентированного как на создание и разработку инноваций, так и на их внедрение в производство промышленных и потребительских товаров, в процесс оказания услуг, в том числе социального характера.

3. Снижение уровня доступа к международному рынку научно-технологических разработок при одновременном повышении стоимости отечественных разработок в связи с продолжающимся санкционным давлением со стороны недружественных стран.

Необходимо заметить, что проанализированная динамика затрат указывает на удорожание доступа к цифровым технологиям в связи с продолжающейся антироссийской санкционной политикой со стороны недружественных стран. Последнее особенно заметно на динамике многих статей затрат на цифровизацию, приходящихся на 2020 и 2022 гг. соответственно (таблица 2.9). Например, приобретение программного обеспечения, необходимого, в том числе, для функционирования системы социального инвестирования уровне предприятия, требует либо использование разработок иностранных производителей, что не всегда возможно как по техническим, так и по внешнеполитическим причинам, либо закупку у отечественного производителя. В последнем случае также могут возникнуть определенные проблемы с точки зрения соотношения «цена-качество», также недостатком в данном случае можно признать отсутствие значительной конкуренции на российском рынке отдельных цифровых технологий, что отрицательно сказывается на возможности внедрения российских научных разработок. Помимо высокой стоимости приобретения цифровых технологий, весьма затратным является и процесс их адаптации и

доработки в условиях конкретной системы социального инвестирования. В данном случае вопрос сервисного обслуживания инновационного оборудования является не менее актуальным нежели чем его первичная закупка.

Если с рядом инноваций, в процессе их эксплуатации, можно организовать бесперебойное обслуживание за счет собственных сил или кооперационного взаимодействия участников системы социального инвестирования в сфере услуг (например, облачные технологии или технологии блокчейна) с вовлечением отечественных разработчиков, то в случае некоторых цифровых технологий требуется обязательное привлечение специализированных организаций-разработчиков, которые были бы способны как адаптировать, так и усовершенствовать данные цифровые технологии. во втором случае речь идет, прежде всего, об искусственном интеллекте и аддитивных технологиях, применение которые требует постоянного взаимодействия и контроля со стороны фирмы -разработчика.

4. Увеличение рисков, связанных с отсутствием достаточного уровня контроля, в том числе технологического, за сохранностью данных, которые отображаются в цифровой среде системы социального инвестирования в сфере услуг.

Активная трансформация процесса предоставления социальных и иных услуг, связанных с социальным инвестированием, в цифровую среду, которая, с одной стороны, упрощает сам процесс осуществления социального инвестирования (например, управление различными социальными проектами на уровне государства или предприятия, обеспечение адресности социальных услуг, повышение значимости обратной связи и т.д.), с другой - создает новые риски и угрозы, к числу которых можно отнести и весьма насущную проблему сохранности персональных данных и обеспечения необходимого уровня их защиты от внешних кибератак. При этом уровень защиты в рамках государственных систем социального инвестирования может быть даже ниже корпоративного, в связи с большим объемом информации и более высоким

потенциалом для утечки данных, в том числе из-за большего числа пользователей. В связи с этим представляется необходимым, особенно на стадии проектирования системы социального инвестирования, проработка архитектуры информационной безопасности, которая позволит защитить данные о пользователях системы, осуществляемых транзакциях и т.д.

Повышение требований к уровню информационной безопасности, несомненно, приведет к дополнительным затратам, связанным с социальным инвестированием, в связи с этим представляется целесообразным унификация подобного рода услуг и частичное субсидирование данной статьи расходов со стороны государства при условии достижения определенного рода эффектов от действия системы социального инвестирования в сфере услуг. Кроме того, возможно создание общедоверительного реестра тех организаций, которые способны оказывать подобного рода услуги на высоком и качественном уровне с целью минимизации рисков утечки данных из цифровой среды системы.

5. Высокий уровень риска дестабилизации системы социального инвестирования в сфере услуг в условиях возникновения и роста кризисных ситуаций.

Развитие кризисных явлений и их влияние на цифровую трансформацию социально-экономических систем подробно рассмотрено в ряде научных источников ([50], [95], [123], [158], [212], [256], [268], [278], [291], [340], [392]).

Кризисные явления, как это упоминалось ранее в предыдущем параграфе диссертационного исследования, практически всегда способствовали изменениям существующих систем социального инвестирования. Однако, современные кризисные явления, по примеру кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией, весьма отрицательно влияют на устойчивость самой системы социального инвестирования, снижают возможные эффекты от ее функционирования и т.п. С другой стороны, каждый новый кризис приводит к определенной модернизации не только технического обеспечения социального инвестирования или стадий

реализации социальных услуг, но и самих целей и задач социального инвестирования как процесса.

Несмотря на перечисленные выше барьеры, связанные с цифровизацией систем социального инвестирования в сфере услуг, внедрение и распространение цифровых технологий для решения актуальных социально-экономических задач и проблем общества является необратимым процессом, который, в свою очередь, требует адаптации к условиям конкретной инновации в сфере услуг как на уровне субъекта управления социальным инвестированием, так и на уровне получателя социальных услуг.

3. Методические рекомендации по применению цифровых технологий в системе социального инвестирования в сфере услуг

3.1 Оценка развития и характеристика основных областей использования технологий больших данных в системе социального инвестирования в сфере услуг

Трансформация системы социального инвестирования в сфере услуг, во многом, стала возможна благодаря применению целой группы цифровых технологий, которые позволили значительным образом расширить масштаб осуществления социальных инвестиций за счет ускорения сбора, обработки и учета информации, которая необходима для оказания тех или иных социальных услуг выбранным категориям населения, в случае государственной социальной политики, или отдельным работникам организации или членам их семей, в случае реализации корпоративных социальных программ.

Первоначально к такого рода цифровым технологиям относили блокчейн – технологии, которые предполагает выстраивание определенных блоков информации или данных в заданной последовательности с целью решения определенных задач, в том числе связанных с организационно-управленческой деятельностью. С течением времени блокчейн- технологии стали уступать место более эффективным, с точки зрения обработки массивов структурированной и неструктурированной информации в заданных параметрах, технологиям «больших данных», развитие которых стало возможным в условиях роста серверного обеспечения, появления достаточного количества «суперкомпьютеров» в различных странах мира, а также готовности инвестирования в информационные потоки с целью решения коммерческих вопросов или социальных проблем.

На рисунке 3.1. автором представлена диаграмма, характеризующая динамику роста использования технологий больших данных в мире.

Рисунок 3.1 – Динамика роста мирового рынка больших данных, млрд руб.

[448]

Представленные данные свидетельствуют об опережающих темпах инвестирования средств в разработку и внедрение современных систем больших данных, что связано с высокой эффективностью их использования как с точки зрения соблюдения коммерческих интересов (расширение емкости рынка, возможность формирования индивидуализированных программ лояльности не только в рамках отдельных сегментов потребителей, но и с точки зрения построения прямых коммуникаций с отдельным клиентом, что особенно важно с точки зрения реализации товаров повседневного спроса и продукции массового потребления, оптимизация расходов внутри транснациональных корпораций за счет более детальной оценки деятельности отдельных филиалов или дочерних компаний и т.п.), но и в контексте новых возможностей для социального инвестирования в сфере услуг.

К числу преимуществ использования технологий больших данных в рамках социального инвестирования в сфере услуг можно отнести:

-возможность сбора, обработки и хранения значительных массивов данных, связанных с реализацией социальных проектов вне зависимости от условий отдельного региона или категории получателя услуг, что позволит

повысить универсальность действия процесса социального инвестирования. Например, увеличение срока хранения актуальных данных по получателям социальных услуг может способствовать эффективному распределению внебюджетных социальных фондов в долгосрочной перспективе,

-высокий потенциал для объединения различного рода услуг в целях реализации программ социального инвестирования в рамках единой базы данных, которая позволяет выстроить определенное взаимодействие с точки зрения решения сложных социальных проблем. Например, комплексное решение проблемы детской преступности напрямую может быть связана с целым комплексом различного рода услуг (социальных, медицинских, лечебно-оздоровительных, социальной рекламы, образовательных и т.д.), взаимосвязь между которыми может быть обеспечена за счет использования технологий больших данных,

-возможность обеспечения индивидуализированного подхода к каждому конкретному получателю той или иной услуги в рамках социального проектирования, что способствует обеспечению общей эффективности социального инвестирования, прежде всего в контексте наличия государственного участия,

-возможность формирования дополнительных каналов обратной связи с получателями услуг, за счет взаимодействия в единой цифровой среде не только по наиболее острым и спорным моментам, возникшим в процессе предоставления услуги, но и с точки зрения возможности высказывания собственного индивидуального мнения о необходимости тех или иных изменений.

Вместе с тем существуют и весьма значимые проблемы, связанные с технологиями больших данных, которые носят как универсальный характер с точки зрения вопросов самого процесса цифровизации, так и в контексте особенностей самих инноваций. К числу наиболее значимых следует отнести такие проблемы как:

1. Территориальное неравенство и диспропорции в развитии рынка технологий больших данных на уровне мирового хозяйства и на региональном уровне в рамках национальных экономик.

Наличие подобной проблемы, в целом, характерно для рынка любых цифровых инноваций, особенно с точки зрения диспропорций внутри тех или иных стран. Необходимо также отметить значительное неравенство в развитии рынка технологий больших данных в контексте мирового хозяйства, что нашло свое отражение на рисунке 3.2.

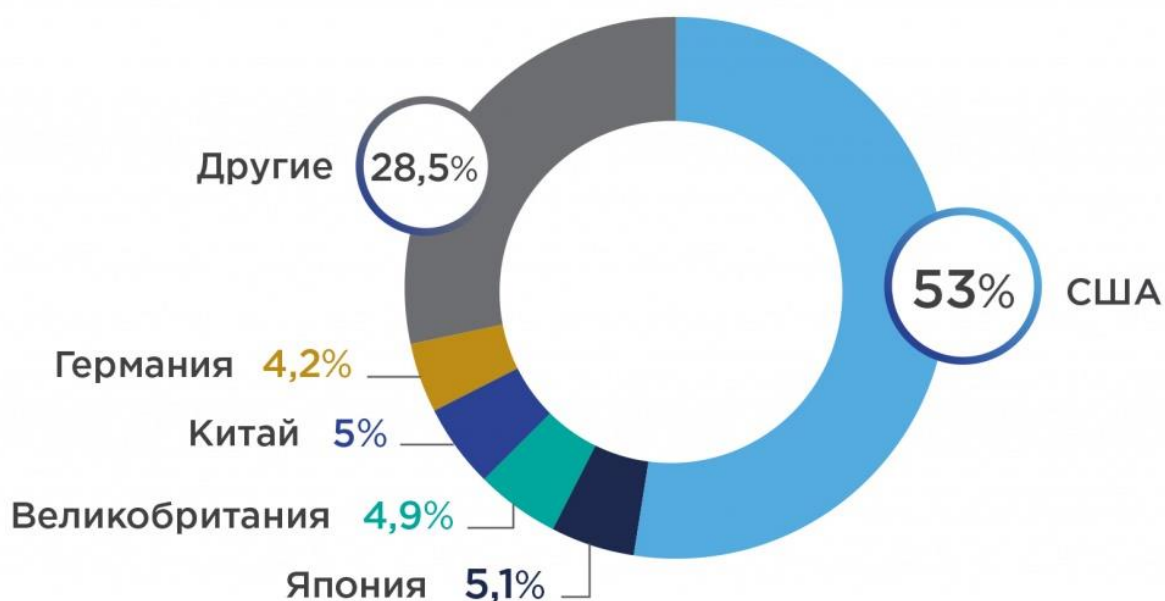

Рисунок 3.2 – Распределение сегментов рынка больших технологий в мировом хозяйстве, 2019 г. [448]

С географической точки зрения по результатам 2019 года наиболее крупным стал рынок США с объемом доходов в 100 млрд долл. Второе и третье место по объему заняли Япония (9,6 млрд долл.) и Великобритания (9,2 млрд долл.). Также в пятерку крупнейших рынков вошли КНР (8,6 млрд долл.) и Германия (7,9 млрд долл.). В Аргентине и Вьетнаме наблюдаются наиболее высокие показатели прироста за пятилетний период (23,1% и 19,4%). Третье место по уровню прироста в развитии технологий больших данных занял Китай (19,2%) [448].

Как видно из приведенной информации, весьма значительное лидерство США в развитии технологий больших данных создает определенные угрозы для других участников рынка, так как, фактически, ведет к монополизации и снижает потенциал для будущей технологической модернизации всего сектора, в том числе его российской части.

В то же время, согласно данным, приведенным Ассоциацией участников рынка больших данных, объем рынка больших технологий в России составляет 10-30 млрд руб. При этом, в соответствии с усредненными прогнозами отечественных и иностранных экспертов, предполагается рост этого показателя в 10 раз – до отметки 300 млрд руб. к 2024 году. [448]

2. Неравенство в развитии технологий больших данных с точки зрения их использования в различных отраслевых сегментах национальной экономики, в том числе в сфере услуг.

Помимо расчета и обоснования общих показателей эффективности вложений в технологии больших данных как вид цифровых инноваций, в отечественных экономических исследованиях пытаются охарактеризовать их вклад в ВВП страны с точки зрения прироста отдельных отраслевых сегментов.

Например, в Стратегии развития рынка больших данных в России до 2024 года приводится статистика вклада технологий больших данных в рост ВВП страны в отраслевом разрезе, что нашло свое отражение в таблице 3.1, в которой выделены именно сектора сферы услуг.

Таблица 3.1

Эффект от внедрения технологий больших данных с точки зрения прогнозной доли от ВВП РФ по состоянию на начало 2024 г. [472]

Сегменты сферы услуг	Прогноз ВВП на 2024 г., млрд руб.	Доля в 2024 г. по сравнению с 2019 г., % от ВВП
Торговля	14 778	1,8
Недвижимость	10 277	1,1
Строительство	6936	0,2
Транспорт	6782	0,9

Профессиональные услуги	4906	1,6
Финансовые учреждения	4425	1,9
Здравоохранение	2935	1,0
Транспортные средства и оборудование	2891	0,3
Телекоммуникации и технологии	2536	1,7
Развлечения	833	1,6
Государственный сектор	7770	¹⁴
Всего	97 393 1,2	1,2

Из представленной таблицы видно, что наибольший прирост доли в ВВП достигается за счет сегментов сферы услуг, которые способны активно развивать корпоративные системы социального инвестирования в рамках собственного ресурсного потенциала. К числу таких сегментов можно отнести: услуги финансовых учреждений, прежде всего банковского сектора, услуги оптовой и розничной торговли, а также услуги телекоммуникационного сектора. В данном случае технологии больших данных и их эффективное применение напрямую влияют на возможность расширения корпоративных частных программ тех сервисных организаций, которые оказывают соответствующего рода услуги как населению, так и другим участникам рыночных отношений. Чем эффективнее использование технологий больших данных в перечисленных сегментах сферы услуг, тем возможно обеспечить потенциально больший охват потребителей услуг за счет персонализации коммерческих предложений, индивидуальных подходов к продвижению услуг в зависимости от целевой категории клиента, расширения способов и механизмов осуществления оплаты предоставленных услуг, и, соответственно, добиться роста показателей чистой прибыли и рентабельности продаж в плановом календарном периоде. В свою очередь, полученные средства могут быть перенаправлены в программы КСО, которые реализуют сервисные организации, находящиеся в перечисленных выше сегментах сферы услуг.

¹⁴ Официальные данные не представлены

Однако, непосредственное использование технологий больших данных в данных секторах сферы услуг в рамках процесса социального инвестирования представляется нецелесообразным с точки зрения как ограниченного числа проектов, связанных с реализацией программ КСО, так и в контексте небольшого числа получателей социальных услуг по сравнению с потенциалом технологий больших данных. При формировании реестров в условиях относительно небольших по масштабам экономической деятельности российских компаний из сферы банковского дела или торговли предпочтительнее использование технологий блокчейна, изначально предшествовавшей большим данным.

Однако, чем серьезнее масштаб и пространственный охват бизнес-деятельности компании, тем больше вероятность применения технологий больших данных при реализации программ корпоративного социального инвестирования. Данное утверждение, прежде всего, относится к крупнейшим российским банковским структурам, прежде всего, ПАО «Сбербанк» и «ВТБ», а также к сектору телекоммуникаций и связи – ПАО «Мобильные ТелеСистемы», ПАО «Вымпел -Телекоммуникации» и т.д. В представленных примерах российских компаний, необходимость использования технологий больших данных обеспечена несколькими основными условиями, к числу которых можно отнести: значительное количество и разнонаправленность реализуемых программ социального инвестирования; большой охват получателей социальных услуг с учетом того факта, что программы КСО данных компаний направлены не только на поддержку кадровых ресурсов и человеческого капитала внутренней среды компании, но и ориентированы на решение социальных проблем региона или всей страны; а также необходимость регулярного контроля за движением денежных ресурсов в рамках социального инвестирования в связи со значительным объемом данных видов инвестиций.

Особенно очевидна необходимость применения технологий больших данных в условиях банковского сектора, представители которого участвуют в

реализации отдельных государственных программ, связанных с социальным инвестированием. Например, ПАО «Сбербанк», что отмечено в отчете компании по итогам 2022 г., реализует программы льготного кредитования по таким направлениям как «Развитие образования»¹⁵ и «Развитие физической культуры и спорта», выступает в качестве финансового консультанта Государственной корпорации Фонд содействия реформированию ЖКХ¹⁶, участвует в программе обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) [449]. При этом сам ПАО «Сбербанк» активно и уже в течении многих лет реализует собственные корпоративные социальные программы, ориентированные, прежде всего, на поддержку образовательного уровня своих собственных сотрудников.

3. Отсутствие достаточного количества профильных специалистов, которые обладали бы знаниями и навыками не только в области технологий больших данных, но и в сфере социального инвестирования в сфере услуг.

Проблема подготовки кадров всегда сопутствует внедрению той или иной инновации, так носит не только системный, но и, в определенной степени, циклический характер, что связано с необходимостью выполнения определенной последовательности взаимосвязанных действий, в том числе: принятие необходимых нормативных документов, регламентирующих ведение образовательной деятельности в сфере технологий больших данных; обеспечение взаимосвязи данных нормативных документов и существующих профессиональных стандартов (при условии их наличия и соответствия тем изменениям, которые привносят технологии больших данных); выработка комплексного подхода к обучению по отдельным направлениям и этапам использования технологий больших данных¹⁷; формирование и последующая

¹⁵ На конец 2022 года было введено в эксплуатацию 14 школ, за год принято 44 решения о финансировании на 56 млрд рублей. [449]

¹⁶ В рамках реализации программы модернизации коммунальной инфраструктуры в объеме 150 млрд рублей за счет средств Фонда национального благосостояния [449]

¹⁷ В первом случае речь идет о необходимости дифференциации образовательных программ по таким направлениям как обеспечение функционирования конвергентных программно-определяемых хранилищ данных или бизнес-аналитика, во втором случае-

реализация образовательных программ в зависимости от конкретного уровня подготовки или типа учебного заведения, обеспечение необходимого материально-технического, кадрового, финансового и т.п. сопровождения реализации данных образовательных программ, поиск мест прохождения практики для обучающихся и т.д.

В случае с подготовкой специалистов, которые были бы способны ориентироваться и в вопросах социального инвестирования наряду с самими технологиями больших данных, можно выделить несколько предполагаемых вариантов гармонизации различных по своей природе профессиональных компетенций:

-создание интегрированных основных образовательных программ, которые предполагали бы подготовку уникальных специалистов в обеих областях профессиональной деятельности с последующим трудоустройством их по профилю полученного образования,

-введение дополнительных образовательных блоков или траекторий, позволяющих получить надпрофессиональные навыки в области социального инвестирования в сфере услуг при условии обучения на основной образовательной программе, связанной с разработкой или обслуживанием цифровой среды на базе технологий больших данных,

-обратный вариант предыдущему может иметь место быть, однако представляется менее эффективным с точки зрения значительных диспропорций в осваиваемых компетенциях,

-акцентирование внимания на программах профессиональной переподготовки и, частично, повышения квалификации в области технологий больших данных.

4. Необходимость сохранения высокого темпа инвестирования средств в инфраструктурное обеспечение технологий больших данных.

дифференциация по выполняемым трудовым функциям (разработчик цифровой системы, оператор цифровой системы и т.д.).

Существенное значение для развития технологий больших данных имеет вопрос инвестирования средств в инфраструктурное обеспечение самого процесса аккумуляции и обработки больших массивов данных, в том числе касающихся аспектов социального инвестирования в сфере услуг. При этом инвестиционные вложения могут быть структурированы в зависимости от направлений применения самих технологий больших данных. В таблице 3.2 представлена оценка уровня инвестиционных вложений в развитие технологий больших данных по различным направлениям по данным «Национального центра информатизации» (НЦИ), который является дочерней структурой госкорпорации «Ростех».

Таблица 3.2

Оценка инвестиционных вложений в различные направления использования технологий больших данных, млрд. руб. [473]

Направление инвестирования	2020	2021	2022	2023	2024 ¹⁸
Технологии сбора данных интернета вещей	25	30	40	50	60
Конвергентные программно-определяемые хранилища данных	45	50	55	60	60
Бизнес-аналитика	10	12	14	15	15
Обработка и утилизация данных с использованием AI и машинного обучения	20	25	30	30	30
Обогащение данных	10	12	14	15	15
Предиктивная аналитика	10	12	14	15	15

Как видно из представленных данных, инвестиционные вложения предусмотрены, прежде всего, в развитие технологий сбора данных интернета вещей и конвергентные программно-определяемые хранилища данных, что связано с формированием и развитием крупных федеральных баз данных. При этом можно говорить о недостаточном финансировании таких важных

¹⁸ На 2024 г. представлено прогнозное значение данных на основании корреляции с уже достигнутыми результатами.

направлений, как например, бизнес -аналитика и предиктивная аналитика, которые весьма востребованы с точки зрения проблематики социального инвестирования в сфере услуг в связи с возможностью диверсификации программ социальной поддержки на основе анализа получаемой информации о ходе их реализации в определенный период времени.

Результаты бизнес-аналитики при использовании технологий больших данных могут быть использованы для оценки не только общей результативности отдельных социальных проектов, которая в настоящее время определяется, в большей степени, экстенсивным путем с точки зрения определения таких показателей как динамика роста количества получателей социальных услуг, расширение регионов-участников социального проекта, увеличение объемов финансирования и т.д., но и для более сложных, с точки зрения сбора и обработки данных, расчетов, связанных с эффектами от социального инвестирования применительно к каждому конкретному получателю социальной услуги. При чем речь может идти не обязательно о материальных или финансовых результатах.

В данном случае можно привести пример оценки не только формального уровня трудоустройства отдельных социальных категорий граждан, например лиц с ОВЗ в рамках существующих региональных программ государственной поддержки, но и степень развития их профессиональных компетенций и достижений профессионального роста в процессе производственной адаптации в условиях конкретного предприятия при условии разработки соответствующей методики отбора необходимых данных и последующего сбора персональной информации по такому работнику. Таким образом, бизнес-аналитика на основе больших данных позволяет более качественно контролировать достижение основных целей социального инвестирования, связанных, в том числе, с развитием человеческих ресурсов и человеческого капитала.

5. Высокий уровень затрат на обеспечение информационной безопасности при использовании технологий больших данных, в том числе в процессе социального инвестирования в сфере услуг.

Еще одной из ключевых проблем развития и применения технологий больших данных в рамках социального инвестирования является вопрос сохранения персональных данных участников тех или иных программ социальной поддержки как на уровне корпоративного сектора, прежде всего, в разрезе данных о сотрудниках компании и потенциальных членах их семей, так и на уровне государственных социальных программ по отдельным категориям населения, масштаб базы данных которых значительно больше с точки зрения количества участников данных программ. Если в условиях государственных реестров, формируемых на основе применения технологий больших данных, информация о получателях услуг может быть использована с точки зрения интересов кибер-мошенников и, даже, террористических организаций, которые значительно трансформируют пути и направления вовлечения физических и юридических лиц в свои преступные схемы, пытаясь объединить экономические стимулы и психологическое воздействие с целью реализации своих преступных умыслов, то корпоративные базы данных могут представлять интерес и для конкурентов конкретной компании, особенно в условиях монополистической конкуренции или олигополии, как преобладающих форм конкурентной борьбы на том или ином рынке, с совершенно различными целями – от скрытой борьбы за конкретного работника с использованием «серых» схем привлечения персонала до интереса к коммерческой тайне предприятия, что, обычно, можно наблюдать в условиях высокотехнологических производств в зарубежных странах.

Все вышесказанное создает дополнительные угрозы и риски, связанные с практикой внедрения технологий больших данных в условиях социального инвестирования в сфере услуг, что отмечается в ряде научных источников по данной тематике ([60], [79], [112], [128], [134], [221], [338], [346]). В качестве возможного выхода из складывающейся ситуации можно обозначить:

-увеличение доли затрат на обеспечение информационной безопасности при создании подобного рода реестров, включающихся в себя, прежде всего, использование превентивных инструментов защиты от внешних угроз кибербезопасности, в том числе со стороны недружественных стран,

-разграничение уровня доступа отдельных категорий специалистов в области информационных технологий при создании и последующем обслуживании подобного рода баз данных. Различная степень доступа будет способствовать сохранению данных и снижать риски их возможной утечки в пользу мошенников,

-формирование устойчивой команды проекта, в задачи которой входит весь цикл операционной деятельности, связанной с применением технологий больших данных в рамках социального инвестирования в сфере услуг, который включает в себя не только формирование информационного реестра с внесением необходимых данных, но и последующее его ведение, обновление персональных сведений получателей услуг в рамках определения их соответствия требованиям внесения в реестр (например, подтвержденное право на получение той или иной льготы в соответствии с российским законодательством) или пребывания в реестре (например, прекращение льготных выплат по достижению определенного возраста), а также техническую модернизацию самого реестра с точки зрения внедрения более современных цифровых технологий. Сохранение единой команды проекта позволит, в том числе, снизить риски роста угроз кибер-опасностей, возникающих из-за действий самого персонала,

-необходимость дополнительных внутренних проверок персонала относительно возможности их участия в противоправных действиях, более строгий подход к фиксации потенциальных злоупотреблений, особенно, в условиях процедур внесения или удаления персональных данных по получателям социальных услуг. В данном случае, отдельного внимания заслуживает необходимость разработки системы контроля за действиями персонала в режиме реального времени,

-в качестве альтернативы последним двум пунктам – расширение практики использования систем искусственного интеллекта (ИИ), которые могли бы на основании уже имеющихся данных о получателях отдельных государственных услуг, прежде всего на основании баз данных МФЦ и интернет – портала «Государственные услуги», формировать собственный электронный реестр. Именно применением систем ИИ, в конечном итоге, может снизить вероятность нарушения принципов информационной безопасности работы с массивами данных социального характера и повысить доверие к технологиям больших данных со стороны отдельных контактных групп, которые связаны с оказанием услуг в рамках социального инвестирования в сфере услуг. Необходимо также отметить, что, в целом, увеличение взаимосвязи использования технологий больших данных и других цифровых инноваций будет способствовать эффективности социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения постепенного перехода к более индивидуальному подходу к каждому конкретному юридическому или физическому лицу, связанному с процессом социального инвестирования.

При этом затраты на финансирование внедрения технологий больших данных в процесс социального инвестирования в сфере услуг должны быть сопряжены с масштабом самого социального проекта, а также непосредственной категорией предоставляемых услуг. С другой стороны, менее эффективным представляется вложение корпоративных средств в создание локальных информационных баз, использующих технологии больших данных в собственных целях, так как, в конечном итоге, активное развитие подобного рода цифровых инноваций будет способствовать переходу от частного характера систематизации больших объемов данных к общефедеральным проектам с большим количеством персональных данных при сохранении индивидуализированного подхода к конкретному получателю услуги, что позволит повысить эффективность осуществления социальных инвестиций.

3.2 Влияние стратегического развития рынка цифровых аддитивных технологий на систему социального инвестирования в сфере услуг

Далеко не все цифровые технологии оказывают прямое влияние на развитие системы социального инвестирования с точки зрения повышения результативности как самого управленческого процесса, так и выбора потенциальных получателей услуг на основе выбранного алгоритма действия цифровой среды. Как уже было отмечено ранее в диссертационном исследовании, существует достаточно большая группа цифровых технологий, действие которых позволяет повысить эффективность реализации отдельных видов услуг и их инфраструктурного обеспечения за счет новых технологических возможностей.

Соответственно, чем выше качество, своевременный характер или другие параметры предоставляемой услуги, тем выше эффективность программ социального инвестирования, в том числе в непосредственно в самой сфере услуг. При этом многие из подобного рода цифровых инноваций обладают весьма утилитарным характером использования и могут быть востребованы в совершенно различных отраслях национальной экономики и обеспечивать высокий уровень сопряженности, прежде всего, технологических процессов промышленного производства и потребностей, например, в сфере внутренней безопасности или конкурентоспособности отечественного бизнеса на мировом рынке.

К числу подобного рода цифровых решений можно отнести и аддитивные технологии, связанные с переходом от стандартных двухмерных конструкций, изготавливаемых и используемых в массовом производстве, к созданию трехмерных объектов, моделей, деталей, узлов и т.д. за счет послойного добавления определенных материалов различной природы происхождения в зависимости от конкретной отрасли, где используются данные технологии.

Развитие рынка аддитивных технологий в России определяется Стратегией развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия) в соответствии с принятым распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 г. № 1913-р [9]. Рассмотрим ее более подробно в контексте определения взаимосвязи с системой социального проектирования в условиях цифровой трансформации российской экономики.

В рамках предварительной оценки перспектив разработки и внедрения аддитивных технологий в нашей стране, в Стратегии вводится определение аддитивных технологий с точки зрения отдельной отрасли современной цифровой экономики¹⁹, а также обозначается разделение всего комплекса данных цифровых технологий с позиции их взаимодействия с другими отраслями национальной экономики. В условиях данного разделения авторами разработанного нормативно-правового акта предполагается отдельно рассматривать специализированное аддитивное оборудование, которое предназначено исключительно для нужд отдельных производств и не может быть распространено на другие рынки или отраслевые сегменты, а также универсальное аддитивное оборудование, которое носит унифицированный характер и предназначено для использования в различных областях экономической деятельности.

В качестве примера первого вида аддитивных технологий приводится, например, 3D-принтер для создания ракетных двигателей, 3D-принтер для создания взрывчатых веществ, 3D-принтер для создания блока атомного реактора и т.д. Как видно из представленных примеров, большая часть данного вида аддитивных технологий связана с промышленным производством, которое обладает стратегическим значением не только для экономики страны, но и для всего российского общества в целом, так как непосредственно влияет

¹⁹ Под отраслью аддитивных технологий в Стратегии понимается отрасль экономики, включающая в себя разработку и производство аддитивного оборудования, комплектующих, материалов для аддитивного производства и специализированного программного обеспечения, а также услуг и инжиниринга в сфере аддитивных технологий

на состояние обороноспособности страны и формирует возможности не только для перевооружения российской армии, но и для роста экспортного потенциала отечественного ВПК.

Естественно, в связи с высоким уровнем специализации и относительно небольшим объемом необходимого цифрового оборудования в рамках запросов российской экономики, даже с учетом роста спроса на него со стороны партнеров из дружественных стран, разработка и производство данного вида цифровых технологий должно активно стимулироваться со стороны государства с точки зрения формирования общих подходов к обеспечению технологического суверенитета и повышению уровня национальной обороны за счет расширения практики внедрения результатов деятельности российских высокотехнологичных производств в сфере аддитивных технологий.

Также говоря о специализированном аддитивном оборудовании применительно к проблематике социального инвестирования, можно отметить отсутствие прямой или косвенной зависимости между данными направлениями развития российской экономики. Вместе с тем, рассматривая специализированное аддитивное оборудование как определенный залог сохранения национального государства и повышения уровня обороноспособности страны, нельзя не отметить наличие фундаментальных связей между системой социального инвестирования и данным видом цифровых инноваций.

Более четкие взаимосвязи можно обозначить между социальным инвестированием и развитием рынка универсального аддитивного оборудования, к которому, в рамках представленной Стратегии, относят, например, как корпоративную продукцию (строительные 3D-принтеры, 3D сканеры, медицинские 3D-принтеры, линии промышленного оборудования для производства материалов для аддитивной печати и т.д.), так и продукцию, ориентированную на нужды отдельных потребителей и домашних хозяйств (персональные 3D-принтеры для личного пользования). Фактически,

универсальное аддитивное оборудование может быть активно внедрено в совершенно различных секторах сервисной экономики, что напрямую и косвенно будет влиять на систему социального инвестирования в сфере услуг в нашей стране.

По результатам проведенного анализа автором в таблице 3.3 представлено соотнесение между основными укрупненными группами услуг с точки зрения взаимосвязи с системой социального инвестирования, рассмотренными ранее более подробно в первой главе диссертационного исследования, и возможными вариантами универсального аддитивного оборудования.

Таблица 3.3

Услуги в контексте социального инвестирования и примеры универсальных аддитивных технологий (составлено автором на основании [9])

Наименование укрупненных групп услуг с точки зрения взаимосвязи с системой социального инвестирования	Примеры используемых универсальных аддитивных технологий
Услуги представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью	-Печать и обработка изделий медицинского применения (включая медицинские инструменты, изделия для имплантации, ортопедии, хирургии, протезирования и общемедицинского применения) -Реализация биопечати (печати биологических объектов, компонентов и тканей)
Услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста	-Разработка программного обеспечения (для создания 3D-модели, для перевода 3D-модели в последовательность действий аддитивного оборудования для ее печати, для программирования аддитивного оборудования и др.) для аддитивного оборудования -Разработка систем прогнозирования, мониторинга и моделирования процесса синтеза изделий в аддитивном производстве
Услуги, необходимые для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации	-Производство оборудования для изготовления, физико-механической обработки, рециклинга, восстановления и утилизации металлических порошков для 3D-печати

	-Производство оборудования для неразрушающего контроля деталей и изделий, изготовленных на аддитивном оборудовании
Услуги, на рынке которых возможно формирование устойчивых корпоративных программ социальной ответственности бизнеса	-Производство оборудования для строительной 3D-печати
Прочие услуги с различным уровнем корреляции с системой социального инвестирования	-Автоматизированный ремонт изделий методами аддитивных технологий (в том числе с применением технологий машинного зрения и обучения)

С другой стороны, непосредственная реализация анализируемой Стратегии предусматривает выделение нескольких направлений, в рамках которых предполагается формирования и развитие рынка аддитивных технологий в нашей стране. К числу таких направлений авторы Стратегии относят:

1.«Научно-техническое развитие», которое предполагает взаимосвязь между рынком аддитивных цифровых технологий и обеспечением технологического суверенитета и процесса оптимального импортозамещения с точки зрения как традиционных рынков и отраслей экономики, так и сточки зрения совершенно новых направлений экономической деятельности. Например, в рамках данной Стратегии применительно к потенциалу развития системы социального инвестирования в сфере услуг, предполагается формирование рынка 3D – печати зданий для решения острых социальных проблем в сфере обеспечения жилищным фондом наиболее нуждающихся слоев населения, 3D – биопечати человеческих органов как альтернативы современной несовершенной системы пересадки и имплантации донорских органов и т.д. Описываемое направление развития рынка аддитивных технологий, по мнению автора, имеет принципиальное значение с точки зрения формирования единой стратегии цифровизации и устойчивого роста системы социального инвестирования в сфере услуг.

2.«Производство», в рамках которого рассматриваются актуальные вопросы инфраструктурного и материально-технического обеспечения всего жизненного цикла аддитивных технологий как цифровых инноваций, в том числе необходимость:

- создание лабораторной базы для проведения соответствующих экспериментов при разработке аддитивных технологий и создания опытно-конструкторских образцов как универсального, так и специализированного характера,

- насыщение необходимыми отечественными технологическими разработками тех инновационных предприятий, которые будут непосредственно производить современное аддитивное оборудование и в последующем реализовывать его как на отечественном, так и на зарубежном рынке дружественных стран, что предусмотрено, в том числе, положениями данной Стратегии,

- полный цикл обслуживания цифрового аддитивного оборудования на отечественных промышленных, сельскохозяйственных и сервисных предприятиях в соответствии с требованиями локальной и ведомственной регламентации, включая новые государственные стандарты, связанные с разработкой и применением аддитивных технологий,

- постепенная модернизация существующих систем создания аддитивных технологий в соответствии с достижениями научно-технического прогресса.

В связи с весьма сложным инвестиционным циклом обеспечения роста рынка аддитивных технологий, в том числе связанных с потребностями сервисной экономики, в Стратегии предполагается привлечение трех видов экономических субъектов:

- организаций с государственным участием, к числу которых относят стратегически важные предприятия крупного промышленного бизнеса в приоритетных отраслях национальной экономики (ВПК, атомная промышленность, судостроение и т.д.), которые способны как разрабатывать

сами цифровые технологии, так и в последующем внедрять их в промышленный оборот. Сам процесс разработки цифровых аддитивных технологий может происходить как на базе данных крупных корпоративных предприятий в рамках деятельности структурных подразделений, отвечающих за НИОКР и инновационное развитие бизнеса, так и в рамках существующей сети научно-исследовательских организаций и центров Российской Академии Наук. В качестве примера можно привести АО «Центр Аддитивных Технологий», созданное на базе холдинговых корпораций авиационного комплекса ГК «Ростех» в 2018 году как единый интегратор в области аддитивного производства. Помимо собственного налаженного производства оборудования²⁰, данная компания предлагает целый комплекс услуг, что еще раз подтверждает тесную связь между производством цифровых аддитивных технологий и развитием социального инвестирования в сфере услуг (таблица 3.4).

Таблица 3.4

Обзор основных услуг, предоставляемых АО «Центр Аддитивных Технологий» (составлено автором на основании [445])

Наименование оказываемой услуги	Предназначение услуги и ее технологическое обеспечение	Возможность использования в системе социального инвестирования в сфере услуг
3D - моделирование	Создание виртуальных моделей, с помощью которых возможно представить точные параметры, внутреннюю и внешние характеристики структуры любого промышленного образца на основе использования компьютерного моделирования	Возможность использования для широкого спектра услуг, связанных с решением ряда социально-экономических проблем общества

²⁰ К собственным разработкам компании относятся такие модели аддитивного оборудования как Concept Laser M2, MX-1000, ProX DMP 320 и ряд других. [445]

3D-сканирование 3D - печать	Необходимо для формирования 3D-модели, с помощью которых можно определить дефекты и соизмерить размерность отдельных деталей оборудования и технологических линий в промышленном производстве	Возможность использования для широкого спектра услуг, связанных с решением ряда социально-экономических проблем общества
Реверс-инжиниринг	Предназначен для детального изучения- сканирования внутреннего состава любого элемента или детали технологического оборудования с целью последующего копирования или создания схожего образца. Фактически представляет собой определенную производную первых трех услуг компании	Совершенствование категории услуг, необходимых для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации
Топологическая оптимизация (ТО)	Предназначен для проектировки оптимальных размеров и формы любого промышленного образца в рамках заданных условий эксплуатации	Прямая связь с социальным инвестированием в сфере услуг не прослеживается
Лабораторные исследования	Компания проводит лабораторные и экспериментальные исследования по следующим направлениям: механические испытания, анализ порошковых материалов, контроль геометрии, компьютерная томография и рентген	Прямая связь с социальным инвестированием в сфере услуг не прослеживается
Образовательные услуги	Реализация образовательных программ ДПО, мастер-классов и тренингов в области аддитивных технологий на базе компании для индивидуальных и корпоративных клиентов	Совершенствование категории услуг, направленных на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста
Консалтинговые услуги	Компания оказывает широкую консалтинговую поддержку любому предприятию, заинтересованному во внедрении отечественных аддитивных технологий на основе разработки индивидуальной дорожной карты, обучения уполномоченных сотрудников со стороны заказчика и расчета	Совершенствование категории услуг, необходимых для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации

	плановых показателей внедрения данных технологий	
Услуги аудита	Компания предлагает трехуровневую систему внешнего независимого аудита: предварительный скрининг деталей заказчика, глубокий скрининг номенклатуры заказчика, полный аудит предприятия заказчика.	Совершенствование категории услуг, необходимых для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации

-организаций с частным российским капиталом, в качестве которых рассматриваются представители малого или среднего бизнеса, который могут быть задействованы на различных стадиях жизненного цикла аддитивных технологий, прежде всего на этапе их разработки, технологического и сервисного обслуживания, а также маркетингового обеспечения процесса их распространения на российском и зарубежных рынках. Однако, в данном случае, возникает вопрос о том, насколько заинтересованы данные экономические субъекты в осуществлении подобного рода деятельности, а также насколько тесна должна быть их взаимосвязь с предыдущей группой участников рынка аддитивных технологий. Не менее острым остается вопрос и о соответствующем укомплектовании кадровым составом подобных организаций МСП и соответствия их квалификации новейшим разработкам в области цифровых технологий.

-организаций с иностранным капиталом, которые заинтересованы, прежде всего, в инвестировании средств в разработку инновационных технологий с целью участия в доходах от последующей реализации на внутреннем рынке или в условиях собственного национального рынка. При этом, несмотря на привлечение подобного рода компаний на рынок российских аддитивных технологий, следует регламентировать их доступ к новым технологическим решениям в области стратегически важных отраслей российской экономики. По мнению автора, использование такого

инвестиционного решения возможно только применительно к разработке и последующему производству аддитивных технологий и оборудования универсального характера, а рынок специализированного аддитивного оборудования должен быть сосредоточен в пределах деятельности исключительно организаций с государственным участием и их структурных подразделений.

В целом, в рассматриваемой Стратегии приводятся данные относительно достигнутого уровня развития отрасли аддитивных технологий в России по состоянию на 2020 г., в том числе:

-объем российского рынка аддитивных технологий (аддитивного оборудования и комплектующих, материалов для аддитивной печати, услуг и программного обеспечения) составил 3560 млн. рублей;

-объем продаж российских компаний на внутреннем рынке аддитивного оборудования и комплектующих составил 804, 3 млн. рублей;

-объем продаж российских компаний на внешнем рынке аддитивного оборудования и комплектующих составил 40, 3 млн. рублей [9].

Вместе с тем, представленные цифры, даже с точки зрения соотношения уровня объема продаж на внутреннем и внешнем рынках по отношению к общей капитализации российского рынка аддитивных технологий, свидетельствуют о начальной стадии развитии данного сегмента цифровой экономики.

3. *«Кооперация»*. Направление стратегического развития российского рынка аддитивных технологий, тесно связанное с предыдущим пунктом и предполагающее обеспечение взаимосвязи между экономическими субъектами в целях решения основных проблем формирования конкурентоспособной отрасли, которая могла бы оказать значительное влияние не только на рост экономических показателей, но и на улучшение системы социального инвестирования. В связи с этим, в качестве перспективных форм кооперации на данном рынке в Стратегии выделяются

возможные варианты межотраслевого взаимодействия²¹, анализ преимуществ и недостатков которых с точки зрения возможностей для развития рынка цифровых инноваций, а также во взаимосвязи с социальным инвестированием в сфере услуг может быть рассмотрен с точки зрения конкретного направления использования самих аддитивных технологий.

В практической деятельности ряд из данных инициатив уже находит свое практическое подтверждение. Например, акционерами уже упомянутого ранее в тексте АО «Центр Аддитивных Технологий» являются АО «ОДК», АО «Технодинамика», АО «КРЭТ» и АО «Вертолеты России», что позволяет обеспечить высокий уровень кооперационного взаимодействия между компаниями – ведущими технологическими лидерами в нашей стране. В свою очередь, сама компания участвует в ряде кооперационных проектов, среди которых взаимодействие с Московским авиационным институтом, с точки зрения организации взаимодействия при подготовке кадров для отрасли, экспертное взаимодействие в области внедрения аддитивных технологий с Национальным центром вертолетостроения имени М.Л. Миля и Н.И. Камова и т.д.

4. *«Отраслевые стандарты и метрологическое обеспечение».* Направление связано с формированием единой системы отраслевого регулирования на основе использования принципов стандартизации и технического регулирования всего жизненного цикла, прежде всего разработки и производства, аддитивных цифровых технологий. В настоящее время уже приняты и действуют целый ряд государственных стандартов в данной сфере, в том числе такие ключевые документы универсального и отраслевого характера как:

- ГОСТ Р 57 558–2017 Аддитивные технологические процессы. Базовые принципы. Термины и определения. Часть 1 [16],

²¹ К организационным формам межотраслевого взаимодействия в Стратегии относят центры технологических компетенций, организации -отраслевые чемпионы, центры коллективного проектирования, консорциумы, стратегические альянсы

-ГОСТ Р 57 589–2017 Аддитивные технологические процессы. Базовые принципы. Материалы для аддитивных технологических процессов. Общие требования. Часть 2 [17],

-ГОСТ Р 57 910–2017 Материалы для аддитивных технологических процессов. Методы контроля и испытаний металлических материалов сырья и продукции [18],

-ГОСТ Р 59 130–2020 Аддитивные технологии. Подтверждение качества и свойств изделий для судостроения и морской техники [19],

-ГОСТ Р 58 418–2019 Аддитивные технологии. Металлические порошки и проволоки. Виды дефектов. Классификация, термины и определения [20] и ряд других.

Наличие подобного рода регламентирующей документации, конечно, весьма благоприятно для развития рынка аддитивных технологий в нашей стране, однако, весьма важным будет являться как их непосредственное исполнение на практике, так и соответствие их внутреннего содержания реальной ситуации в российской экономике. Кроме того, уже разработанная документация, в основном, содержит общие нормы к аддитивному производству и не учитывает отраслевую специфику во всем ее многообразии.

5. *«Кадры»*. Еще одной важной составляющей, без которой невозможно развитие любого нового рынка, связанного с цифровыми технологиями, является кадровое обеспечение производственно-хозяйственных процессов. В анализируемой стратегии приводятся некоторые данные, которые характеризуют данный процесс.

Например, общее количество организаций ВО, реализующих ОПОП по направлению «Аддитивные технологии», составляет 76 учреждений при общей величине образовательных организаций, которые осуществляют образовательную деятельность в данной сфере, в 848, что свидетельствует о высоком уровне вовлеченности учреждений СПО в процесс подготовки кадров, связанных с данным видом цифровых технологий [9]. Однако, подавляющая часть программ связана именно с использованием и внедрением

аддитивных технологий в условиях конкретных отраслевых сегментов, т.е. фактически готовит операторов, которые способны к применению уже готового оборудования или техники, в том числе для оказания социально значимых услуг. Вместе с тем, с точки зрения национальных интересов, предпочтительным является обеспечение непрерывного образования в сфере не только применения аддитивных технологий, но и их разработки и модернизации в соответствии не только с выбранным отраслевым сегментом, но и с точки зрения перспектив междисциплинарного подхода и достижения синергетического эффекта от сочетания различных образовательных траекторий. Например, подготовка специалистов – разработчиков отечественных аддитивных технологий, которые бы обладали не только исключительно инженерными и техническими компетенциями, но и были бы способны:

- коммерциализировать собственные наработки, еще в процессе обучения, за счет активного участия в малом инновационном предпринимательстве на базе высших учебных заведений;

- не только теоретически разбираться в современном российском и международном коммерческом, авторском и патентном праве, но и уметь применить отдельные законодательные нормы в практической деятельности при регистрации авторских прав на объекты интеллектуальной собственности в сфере аддитивных технологий;

- обладать достаточным уровнем финансовой грамотности для принятия решений о формировании первичных инвестиционных вложений за счет сбалансированного подхода к выбору источников финансирования и оценке рисков, связанных с получением потенциальных убытков или невыполнением условий контрактных обязательств кредиторов по основным показателям бизнес-плана инновационного проекта, связанного с созданием и последующей реализацией аддитивных технологий (планируемая норма доходности, ориентировочный срок окупаемости и т.п.).

Необходимо также отметить, что развитие кадрового обеспечения рынка аддитивных технологий не может и не должно проходить исключительно только в рамках государственного заказа или поддержки тех или иных образовательных учреждений. Значительное влияние на процесс подготовки кадров для рынка должен оказывать частный бизнес в контексте реализации социальных инвестиций, прежде всего, на рынке образовательных услуг, которые позволили бы стимулировать не только расширение числа технических специалистов в области организации производства на основе использования аддитивных технологий, но и создать основу для конкурентоспособного рынка научных исследований и объектов интеллектуальной собственности отечественного происхождения. Не менее важно и финансирование данных цифровых технологий и с точки зрения реализации программ корпоративной социальной ответственности бизнеса, которые могли бы быть взаимосвязаны с решением социально-значимых программ и проектов в масштабе страны или региона.

б. *«Экономическая эффективность»*. Важным направлением реализации стратегии выступают практические аспекты достижения экономической эффективности государственных инвестиций на рынке аддитивных технологий. При этом разработчики анализируемой Стратегии не ограничиваются исключительно набором определенных показателей во временной динамике, но и предлагают несколько вариантов развития событий, формируя их с точки зрения критерия экономического роста в процентном отношении. В связи с этим выделяют три альтернативных варианта:

-консервативный сценарий – 2,8 -3% экономического роста при ориентации на свободный трансфер технологий на международном рынке инноваций и существующий уровень ограничений со стороны недружественных стран. Динамика показателей, отражающая данный сценарий продемонстрирована в таблице 3.5.

Таблица 3.5

Целевые значения показателей развития цифровых аддитивных технологий в РФ в период с 2022 по 2030 гг. в рамках консервативного сценария [9]

Наименование показателя	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Объем российского рынка аддитивных технологий (аддитивного оборудования и комплектующих, материалов для аддитивной печати, услуг и программного обеспечения), млн. рублей	3776,3	3897,1	5813,1	5999,1	6191,1	6389,2	6593,7	6804,7	11883,6
Объем продаж российских компаний на внутреннем рынке аддитивного оборудования и комплектующих, млн. рублей	856,6	884	1802	1859,7	1919,2	1980,6	2044	2109,4	2531,2
Объем продаж российских компаний на внешнем рынке аддитивного оборудования и комплектующих, млн. рублей	42,9	44,3	45,7	47,2	48,7	50,2	51,8	53,5	55,2
Инвестиции российских предприятий, осуществляющих производство аддитивного оборудования и комплектующих, в основной капитал, млн. рублей	188,9	194,9	388	400,4	413,2	426,5	440,1	454,2	543,2
Количество работников в отрасли аддитивных технологий в Российской Федерации, человек	1515	1545	1576	1608	1640	1672	1706	1740	1775
Количество работников в отрасли аддитивных технологий в Российской Федерации в субъектах малого и среднего предпринимательства, человек	516	526	537	548	559	570	581	593	605

Как видно из представленных показателей, большинство из них носит абсолютный характер и не дает представлений о взаимосвязи тех факторов, которые оказывают влияние на процесс разработки и внедрения аддитивных технологий. Вместе с тем такая динамика роста российской экономики в современных условиях если и может быть достигнута, то исключительно за счет расширения государственного инвестирования в стратегически важные отрасли национальной экономики при одновременном снижении уровня потребительских расходов населения и предпринимательского сектора. Сложности с допуском отечественных предпринимателей на международный рынок технологий создают весьма значимые барьеры для реализации именно данного сценария в планируемом горизонте расчета. Кроме того, данный сценарий предполагает минимальный инфляционный рост – до 1% в год, что невозможно в современных экономических условиях.

-целевой сценарий – 3,1 -3,2% экономического роста при ориентации на импортозамещение и технологический суверенитет в сфере аддитивных технологий и определенный рост ограничений со стороны недружественных стран. Залогом исполнения данного сценария является расширение инвестиционной политики со стороны частного капитала в материально-техническое оснащение отрасли при одновременной поддержке со стороны государства в контексте повышения инвестиционной привлекательности рынка аддитивных технологий как альтернативы многим стандартным технологиям обработки материалов.

Однако, в качестве определенного недостатка сценария, можно отметить ориентацию на 2-3% инфляционный рост, что также, как и в предыдущем сценарии, не соответствует реальной рыночной ситуации.

Динамика показателей, отражающая второй из представленных сценариев продемонстрирована в таблице 3.6.

Таблица 3.6

Целевые значения показателей развития цифровых аддитивных технологий в РФ в период с 2022 по 2030 гг. в рамках целевого сценария [9]

Наименование показателя	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Объем российского рынка аддитивных технологий (аддитивного оборудования и комплектующих, материалов для аддитивной печати, услуг и программного обеспечения), млн. рублей	3935,7	4152,1	6459	6814,2	7189	7584,4	8001,6	9201,8	13204
Объем продаж российских компаний на внутреннем рынке аддитивного оборудования и комплектующих, млн. рублей	895,2	944,4	2053	2207	2538	2918,7	3502,5	4378,1	5940
Объем продаж российских компаний на внешнем рынке аддитивного оборудования и комплектующих, млн. рублей	44,9	47,3	49,9	52,7	73,7	106,9	160,4	248,6	410,2
Инвестиции российских предприятий, осуществляющих производство аддитивного оборудования и комплектующих, в основной капитал, млн. рублей	197,4	208,3	441,6	474,5	548,5	635,4	769,2	971,6	1333,5
Количество работников в отрасли аддитивных технологий в Российской Федерации, человек	1545	1591	1639	1688	1739	1791	1844	1900	1957
Количество работников в отрасли аддитивных технологий в Российской Федерации в субъектах малого и среднего предпринимательства, человек	526	542	558	575	592	610	628	647	667

-инновационный сценарий – 3,4 -3,6% экономического роста при ориентации на рост технологической конкурентоспособности, увеличение спроса на внутреннем рынке со стороны российских потребителей, в том числе домашних хозяйств, а также расширением экспорта аддитивных технологий. Вместе с тем, данный сценарий ориентирован на более высокий уровень инфляции (3-4%), что в большей степени соответствует возможному развитию событий в российской экономической системе. Представленный третий сценарий, с точки зрения автора, обладает наименьшей вероятностью фактического исполнения, так как в условиях значительного ограничения экспортно-импортных возможностей российской экономики весьма сложно добиться и технологической конкурентоспособности инновационной продукции.

Даже с учетом приоритетности консервативного сценария по сравнению с целевым и тем более инновационным, по мнению автора, необходимо более широкое использование сценарного подхода, который бы учитывал большее количество вариантов при одновременно разных альтернативах динамики основных макроэкономических показателей роста российской экономики, в том числе уровня инфляции. Кроме того, предпочтительным является и использование элементов мастер-планирования во взаимосвязи с особенностями регионального развития субъектов РФ.

Кроме того, представляется целесообразным, большая степень спецификации Стратегии с точки зрения взаимосвязи аддитивных технологий и отдельных секторов национальной экономики (например, выделение в отдельный раздел Стратегии актуальных проблем развития цифровых аддитивных технологий на рынке медицинских и лечебно-оздоровительных услуг), усиление роли категории услуг, необходимых для обеспечения эффективности сопровождения процесса социального инвестирования в развитие рынка аддитивных технологий (например, консалтинговых услуг, инжиниринга и т.д.).

3.3 Искусственный интеллект и нейросети в контексте устойчивого развития системы социального инвестирования в сфере услуг

Третья группа цифровых инноваций, с точки зрения влияния на систему социального инвестирования в сфере услуг, которая способна не только повысить эффективность самого процесса реализации социального проектирования или создать технологические основы для решения острых социально-экономических проблем за счет новых передовых достижений технического характера, но и, как уже было упомянуто ранее, может управлять как отдельными элементами, так и всей системой социального проектирования в сфере услуг. Кроме того, по сравнению с двумя первыми группами цифровых технологий, более подробно проанализированных в первом и втором параграфе данной главы, третья группа в большей степени соотносится с будущим технологическим укладом нежели ориентируется на уже достигнутые результаты в рамках существующего этапа НТП.

Ключевой цифровой технологией данной группы выступает искусственный интеллект во всем многообразии его форм, механизмов и направления возможного использования не только в технических и биологических, но и в социально-экономических системах.

Процесс создания и последующего внедрения искусственного интеллекта как важной его составляющей в контексте обеспечения устойчивого социально-экономического развития подробно рассмотрен в трудах таких ученых как Барина Н.В., Барин В.Р. [61], Ванкевич Е.В., Калиновская И.Н. [83], Володина О.В. [99], Дигилина О.Б. [133], Дятлов С.А. [145], Коновалова В.Г. [191], Солнцева О.Г. [286], Ходос Д.В., Воротынская А.М. [333], Чуланова О.Л., Хайбуллова К.Н. [344], Andrew Ng. [371], Kim P. [412], Manyika J. [416], Price D.J. [427], Williams K. [434].

Особенности проектирования и конструирования нейросетей во взаимосвязи с искусственным интеллектом представлены в трудах таких авторов как Азарнова Т.В., Глотова Е.А. [38], Виноградова Е.Ю. [90], Корнина

А.Е. [192], Масюк Н.Н., Васюкова Л.К., Бушуева М.А. [220], Савченко Д.Ю., Серебрякова Т.А. [275], Степанов П.П. [289], Трачук А.В., Линдер Н.В. [300], Bush T., Glover D. [378], Cherwitz, R. [380], Conley, J.P. [384], Leminen S. [413], Ma Q. [415].

Однако, если более подробно анализировать научную литературу, связанную с проблематикой социального инвестирования и тенденциями развития сферы услуг, отдельные источники либо затрагивают вопросы, связанные с лучшими практиками использования систем искусственного интеллекта в сфере услуг, в рамках ее отдельных секторов и сегментов, регионов или территорий ([61], [145], [333], [440], [449] и др.), либо, в меньшей степени, касаются вопросов роли искусственного интеллекта в реализации программ и проектов социального проектирования, в том числе в корпоративном секторе, прежде всего в контексте управления персоналом ([133], [191], [275], [286], [371], [439] и др.). На основании проведенного анализа, можно говорить об определенном недостатке научных работ, которые бы не только характеризовали современные подходы к внедрению искусственного интеллекта и нейросетей к процессу управления формированием и развитием систем социального инвестирования различного уровня, но и раскрывали бы альтернативные варианты оценки эффективности искусственного интеллекта как самостоятельного субъекта принятия и реализации управленческих решений при разработке стратегии снижения негативных эффектов от существующих социальных проблем того или иного общества.

Кроме того, отдельное внимание необходимо уделить и особенностям конкретной технологии искусственного интеллекта, которая в той или иной степени значима для проектирования и управления системой социального инвестирования в сфере услуг (рисунок 3.3).

Рисунок 3.3 – Использование отдельных технологий искусственного интеллекта в РФ по состоянию на 2020 г. [482]

Развитие и активное внедрение искусственного интеллекта и нейросетей с точки зрения их влияния на управление системой социального инвестирования в сфере услуг невозможно представить исключительно на микроэкономическом уровне, независимо от масштаба деятельности и возможностей даже крупного корпоративного бизнеса транснационального характера. По мнению автора, ключевым инициатором процесса имплантации искусственного интеллекта в среду формирования и развития системы социального инвестирования в сфере услуг должно выступать государство, которое заинтересовано, наряду с обеспечением роста социально-экономических показателей и защитой национальных интересов, в том числе и в военно-политической сфере, в решении основных социально-экономических проблем общества посредством возможностей, которые появляются в условиях перехода к новому технологическому укладу.

Для оценки уровня текущего состояния и развития систем искусственного интеллекта на уровне отдельных национальных государств в настоящее время используют несколько агрегированных индексов, которые отражают позиции отдельных стран среди других участников мировой экономики. Наибольшую известность Глобальный индекс ИИ-компаний от Tortoise (Global AI Index), который на основе целого ряда укрупненных групп показателей пытается выстроить рейтинги стран в сфере искусственного

интеллекта. Общая величина данных показателей по состоянию на 2023 г. – 111, большая часть из которых (62) формируется на основании данных национальных статистических ведомств. Часть из этих показателей так или иначе связана с социальным инвестированием и сферой услуг. К числу таких показателей можно отнести: сумму государственных расходов, пропорциональную общему ВВП в данной стране, ежегодно расходуемая на исследования и разработки, доля населения, имеющего доступ к электричеству, доля населения, имеющего доступ к Интернету и т.д. [458]

По данным данного рейтинга за 2023 г. в первую тройку лидеров вошли такие страны как США, КНР и Сингапур. Всего в рейтинге представлено 62 страны, большая часть из которых относится к таким называемым «развитым странам». Однако, в рейтинге на весьма высоких позициях находится и ряд стран Азии (помимо уже упомянутого Китая, в рейтинге присутствует Индия – 14 место, ОАЭ – 28 место, Саудовская Аравия – 31 место, Шри-Ланка на 60 позиции и ряд других государств), Африки (Египет – 52 место, ЮАР – 55, Нигерия – 61, замыкает рейтинг Кения на 62 месте), Латинской Америки (Бразилия – 35 место, Чили – 41 место, Аргентина и Уругвай на 49 и 53 месте соответственно). Россия на данном рейтинге представлена лишь на 30 месте (между Португалией и Саудовской Аравией), что заставляет усомниться в объективности данных сформированного индекса [483].

Более объективным по отношению к российской цифровой экономике представляется другой международный индекс - Индекс развития искусственного интеллекта, сформированный Стэнфордским Университетом, в котором Россия занимает 23 место, а среди лидеров списка – страны члены - БРИКС – Китай и Индия (рисунок 3.4).

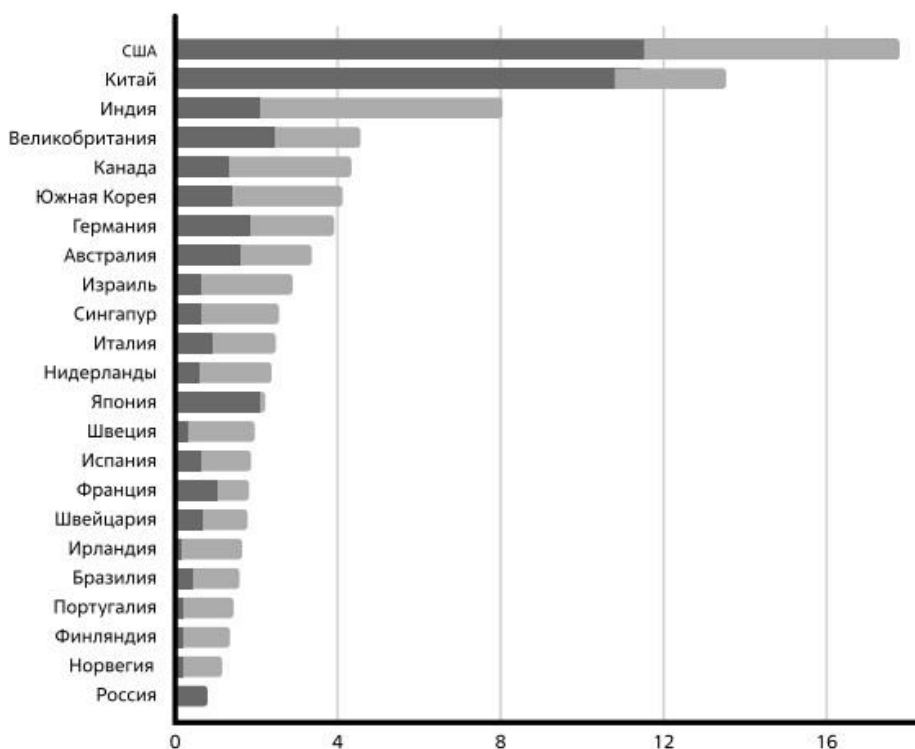

Рисунок 3.4 - Индекс развития искусственного интеллекта, сформированный Стэнфордским Университетом [458]

В отличие от Global AI Index, представленный выше на рисунке результат деятельности ученых Стэнфордского Университета, в качестве критериев оценки опирается не на огромное количество сведенных вместе разноплановых показателей, которые не могут в одинаковой степени отражать уровень развития искусственного интеллекта, а на две принципиальные группы индикаторов:

-«исследования и разработки», которые включают показатели патентной деятельности и показатели уровня цитирования, связанного с искусственным интеллектом, в том числе в специализированных журналах и конференциях, посвященных его развитию,

-«экономические показатели», к которым относится уровень инвестиционных вложений бизнеса и государства в системы искусственного интеллекта, индекс найма сотрудников и т.д.

С учетом данных групп показателей, становится очевидным, что успешность использования искусственного интеллекта в системе социального инвестирования в сфере услуг напрямую зависит от уровня вложений в его развития. При этом вложения должны быть не только исключительно в технологическую базу или информационное сопровождение в виде отдельных наукометрических показателей, как например размещение статей в ведущих научных изданиях или искусственный рост цитирования отдельных авторов, проводящих исследования в сфере нейросетей и искусственного интеллекта, но и в развитие человеческого капитала, которое позволит как решить проблематику распространения искусственного интеллекта, так и косвенным образом влиять на ход решения многих социально-экономических проблем общества. Не менее важным вопросом остается и источник финансирования, а также те направления, на которые предполагается расходование средств, что опять акцентирует внимание на роли государства в решении данных актуальных вопросов.

В связи с вышесказанным, отдельный интерес представляет Глобальный индекс ИИ-готовности правительства от Oxford Insights (Government AI Readiness Index, GARI), где в качестве групп показателей отдельной строкой выделяются индикаторы, связанные именно с государственной политикой в сфере искусственного интеллекта, которая затрагивает в той или иной степени и систему социального инвестирования в сфере услуг. К числу таких показателей из категории «Правительство» относят: наличие национальной стратегии в области искусственного интеллекта, законодательство, регулирующее вопросы информационной безопасности и защиты персональных данных, меры государственной поддержки и стимулирования инвестиционной деятельности на рынке искусственного интеллекта, уровень цифровизации предоставления государственных услуг и ряд других. Кроме данной укрупненной категории, принимаются во внимание категории показателей «Технологический сектор», значительная часть из которых связана с развитием именно человеческого потенциала и интеллектуального

капитала, и «Данные и инфраструктура», где внимание уделяется вопросам доступности и репрезентативности данных, а также наличию уже существующей инфраструктуры для развития искусственного интеллекта и нейросетей.

Несмотря на значительные успехи стран БРИКС и РФ отдельно в области искусственного интеллекта, по состоянию на 2023 г. ведущие позиции занимают такие страны как США (84,8 – 1 место), Сингапур и Великобритания (81,97 и 78,57 – второе и третье место соответственно). Результаты стран БРИКС и дружественных РФ государств представлены автором в таблице 3.7.

На основании данных таблицы, относительно достижений РФ, которая заняла лишь 38 место, можно отметить неравномерное распределение значений составляющих индекса – значительные величины по укрупненным группам «Правительство» и «Данные и инфраструктура» (74.13 и 71.26 соответственно) наряду с заниженным индексом по группе «Технологический сектор» (43.38). Занижение данного показателя привело к тому, что РФ заняла строчку между Королевством Таиланд и Словенией [457].

Таблица 3.7

Позиции крупнейших стран -участниц БРИКС и дружественных РФ стран в рейтинге Government AI Readiness Index, GARI, 2023 г. [457]

№ в рейтинге	Наименование страны	Итоговое значение индекса	Индекс по укрупненной группе «Правительство»	Индекс по укрупненной группе «Технологический сектор»	Индекс по укрупненной группе «Данные и инфраструктура»
16	КНР	70.94	77.32	60.76	74.75
32	Бразилия	63.70	72.44	45.08	73.57
37	Таиланд	63.03	77.21	41.33	70.55
38	РФ	62.92	74.13	43.38	71.26
40	Индия	62.58	75.18	49.39	63.17
42	Индонезия	61.03	76.24	43.48	63.38
47	Турция	60.51	75.08	42.32	64.13
54	Аргентина	57.72	70.31	35.27	67.59
77	ЮАР	47.28	37.82	40.22	63.79
87	Узбекистан	43.79	49.07	24.80	57.49
95	Шри-Ланка	41.89	42.05	33.02	50.60

103	Нигерия	39.88	44.94	24.49	50.21
107	Беларусь	39.20	30.95	32.28	54.38
123	Куба	35.52	35.32	27.09	44.15
131	Киргизстан	34.10	33.53	22.86	45.90
140	Эфиопия	32.59	37.29	20.35	40.11
151	Зимбабве	30.71	24.08	23.41	44.63
189	Центрально-Африканская Республика	19.74	13.51	17.64	28.06
190	Эритрея	19.62	9.73	19.49	29.65

Несмотря на очевидное занижение достигнутых РФ значений данных по практике внедрения и управления системами искусственного интеллекта в большинстве представленных рейтингов, нельзя не отметить высокий уровень государственного участия в процессах активизации инновационной активности всех участников российской экономики и их адаптации к постепенному росту значимости искусственного интеллекта и нейросетей. Государственная политика в данной сфере в нашей стране регламентируется в рамках реализации федерального проекта «Искусственный интеллект». Юридической основой данного проекта послужил Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» № 490 от 10.10.2019 г. [5] В рамках данного указа представлены не только основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта, но и приводятся ключевые показатели, отражающие плановую динамику роста данного рынка инноваций. Часть из них, выраженная в конкретных количественных показателях, напрямую связана с социальным инвестированием в сфере услуг, в том числе:

-численность выпускников образовательных организаций, освоивших образовательные программы высшего образования в области искусственного интеллекта, в 2030 году должна вырасти не менее чем до 15 500 человек в год по сравнению с 3048 выпускниками в 2022 году (социальное инвестирование в развитие человеческого капитала),

-уровень доверия граждан к технологиям искусственного интеллекта в 2030 году должен вырасти не менее чем до 80 % по сравнению с 55 % в 2022 году (социальное инвестирование в развитие инновационной активности домашних хозяйств),

-доля работников, имеющих навыки использования технологий искусственного интеллекта, в общей численности работников в 2030 году должна вырасти не менее чем до 80 % по сравнению с 5 % в 2022 году (социальное инвестирование в развитие человеческого потенциала),

-количество публикаций российских авторов на конференциях в области искусственного интеллекта уровня А* в 2030 году должно вырасти не менее чем до 450 публикаций в год по сравнению со 113 публикациями в 2022 году (социальное инвестирование в развитие человеческого капитала) [5].

Однако, несмотря на наличие взаимосвязи между стратегическими приоритетами в области искусственного интеллекта и социальным инвестированием в сфере услуг, можно говорить об отсутствии четких методических рекомендаций, регламентирующих использование цифровых технологий искусственного интеллекта и нейросетей для повышения эффективности социального инвестирования в сфере услуг по ряду отдельных перспективных направлений.

Среди наиболее востребованных направлений внедрения и расширения практики использования искусственного интеллекта и нейросетей в рамках совершенствования системы социального инвестирования в сфере услуг, на основании изучения отечественного и международного опыта, можно отметить следующие варианты (рисунок 3.5).

Рассмотрим представленные направления на примере прогнозирования основных социально-экономических параметров системы социального инвестирования в сфере услуг.

Рисунок 3.5 - Направления использования искусственного интеллекта и нейросетей в рамках совершенствования системы социального инвестирования в сфере услуг (авторские разработки)

Прогнозирование развития любой социально-экономической системы является важной составляющей процесса управления, на основании полученных результатов которого возможно принимать соответствующие административные решения как в рамках тактического и операционного менеджмента с учетом принятой политики по отношению к изменениям в

условиях отдельной организации, рынка или отрасли, так и с точки зрения внесения корректировок в стратегическое развитие исследуемого экономического объекта.

В связи с этим при осуществлении социально-экономического прогнозирования необходимо использовать оптимальные модели и методы, которые позволили бы не только сформировать некую прогнозную оценку, которая была бы в той или иной степени правильно интерпретирована получателем(заказчиком) данного прогноза, но и соответствовала бы целому ряду критериев, среди которых отдельно необходимо отметить:

- соответствие принятых методов и методик проведения прогнозных оценок реальной текущей ситуации с учетом необходимости построения именно многофакторной модели, на основе которой можно было реально оценить вклад отдельных детерминант влияния,

- их адаптивность к возникновению кризисных условий, которые, в большинстве своем, отрицательно влияют на устойчивость системы социального инвестирования в сфере услуг. В данном случае можно,

- возможность как коллективного, так и индивидуального доступа к прогнозной информации в связи с неоднозначным влиянием самого прогноза на сам объект исследования. Например, негативный прогноз по деятельности любой компании может негативно отразиться на реализуемых программах КСО.

Необходимо также отметить наличие тесной взаимосвязи между отдельными направлениями использования искусственного интеллекта и нейросетей в рамках совершенствования системы социального инвестирования в сфере услуг. На представленном выше рисунке, в левой его части, предлагается объединять влияние искусственного интеллекта и нейросетей с точки зрения проведения определенных оценочных процедур (социально-экономического прогнозирования, экономико-математического моделирования и теории игр), с помощью совершенствования инструментария которых возможно достигнуть сбалансированного развития любой системы

социального инвестирования в сфере услуг. Кроме того, в правой стороне рисунка объединены направления использования искусственного интеллекта и нейросетей с точки зрения обеспечения безопасности (информационной, экономической) и устойчивости (экспертная оценка) систем социального инвестирования в сфере услуг.

Однако, несмотря на стратегическое значение искусственного интеллекта и нейросетей для системы социального инвестирования в сфере услуг в условиях цифровизации российской и мировой экономики, не менее важным представляется оценить роль и значение таких важных категорий как человеческие ресурсы, человеческий капитал, человеческий потенциал и процесс управления персоналом с точки зрения влияния на процесс осуществление социальных инвестиций в сфере услуг.

4. Социальное инвестирование в сфере услуг и его влияние на процесс управления персоналом и человеческим капиталом

4.1 Роль социального инвестирования в сфере услуг в процессе формирования и развития человеческих ресурсов, человеческого капитала и человеческого потенциала

На протяжении всего XX века в экономической науке преобладал тренд на повышении роли работника при анализе способов достижения результата. Если в XIX веке приоритет отдавался развитию техники, а работник на производстве рассматривался, по сути, как придаток к станку, от которого не требовалось наличие уникальных компетенций, то на протяжении прошлого столетия наряду с важностью развития техники актуализировалась и значимость персонала.

В экономической науке и деловой практике стало уделяться внимание идеям интеллектуальной экономики, креативной экономики, в рамках которых интеллект человека стал рассматриваться как драйвер роста как отдельной компании, так и более крупных субъектов (социально-экономических систем регионов, стран). Труд человека за последние десятилетия усложнился, в нем выросла интеллектуальная составляющая, поэтому все больше теоретиков и практиков стали рассматривать трудящегося как объект для инвестирования. Стали набирать популярность представления, подчеркивающие важность инвестиций в персонал, который часто (особенно, в наукоемких отраслях) рассматривается как ключевой фактор производства.

Вместе с тем данная проблематика затрагивает не только исключительно инвестиции с точки зрения их экономической эффективности, связанные с оплатой труда персонала как отдельного фактора производства в рамках теории издержек, в соответствии с которой затраты на труд являются неотъемлемой частью прямых затрат при создании добавочной стоимости как

при производстве товаров, так и в процессе оказания услуг. В современных условиях не менее важными остаются и социальные инвестиции, так или иначе связанные с трудовой деятельностью.

Необходимо также отметить, что в условиях определения взаимосвязи между социальным инвестированием и трудом как фактором производства необходимо также разграничивать уже упомянутые ранее понятия, а именно социальное инвестирование в сфере услуг, которое предполагает вложение средств на социально-ориентированное развитие отдельных сегментов и секторов сферы услуг и социальное инвестирование в услуги как основополагающий инструмент для решения ключевых социально-экономических проблем развития современного общества. Данное обстоятельство следует принимать во внимание при осуществлении социального инвестирования, связанного с категорией «труд».

При этом можно выделить два основных методических подхода, в контексте которых можно рассматривать социальные инвестиции в сфере услуг и категории, характеризующие труд и трудовую деятельность как фактор производства. Краткая характеристика данных методических подходов представлена автором на рисунке 4.1.

Представленный рисунок четко разделяет возможные объекты социального инвестирования в сфере услуг и разграничивает непосредственные вложения в индивидуума (личность) как основную детерминанту организационного поведения и социальные инвестиции, в основе которых повышение эффективности управления персоналом как процесс, соответствующий тактическому, операционному и стратегическому менеджменту внутри самой организации. Таким образом, даже при тождественности самого субъекта инвестирования объект социальных инвестиций значительно отличается, в том числе, в зависимости от целей самого инвестиционного процесса.

Рисунок 4.1 – Методические подходы к оценке взаимосвязи категорий «социальное инвестирование в сфере услуг» и «труд, трудовая деятельность» (авторские разработки)

В первом случае предлагается рассматривать влияние социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения отдельных категорий, тесно связанных с индивидуумом и трудовой деятельностью. Среди таких категорий автор считает необходимым отдельно выделить:

-человеческие ресурсы, которые определяют, в большей степени, способности отдельного человека к осуществлению той или иной трудовой деятельности,

-человеческий капитал, как более сложную категорию, охватывающую различные аспекты трудовой деятельности индивида и основанную не только на его способностях, но и на полученных знаниях, опыте и т.д.,

-человеческий потенциал, более высокая категория, которая охватывает и затрагивает не только отдельного индивида с точки зрения теории организационного поведения, но и учитывает групповой аспект и взаимодействие отдельных работников в рамках деятельности организации.

Каждая из данных категорий может быть исследована с точки зрения влияния социального инвестирования, в том числе в сфере услуг, на их развитие и совершенствование в условиях цифровой экономики, трансформацию в новых экономических условиях, обусловленную, в том числе, ростом уровня неопределенности и появлением новых рисков и угроз как для отдельных стран, так и для человечества, в целом.

Второй методический подход, в противоположность первому, ориентирован на управленческий процесс, в основе которого необходимость внесения изменений в кадровую политику организации и систему управления персоналом на основе использования как традиционных методов и инструментов менеджмента, так и инновационных технологий в управлении. Именно система управления в данном случае выступает в качестве объекта для социального инвестирования, однако, сами результаты инвестиционного процесса будут весьма значимы как для персонала организации или предприятия, так и для самого работодателя или собственника бизнеса.

Рассмотрим основные характеристики таких терминов как человеческий ресурс, человеческий капитал, человеческий потенциал в контексте роли социального инвестирования в сфере услуг.

1. *Человеческие ресурсы (или человеческий ресурс)* — это имеющиеся в наличии люди, их навыки и способности. Человеческие ресурсы могут быть рассмотрены на макроуровне (в масштабах страны), на мезоуровне (применительно к регионам) и на микроуровне (в масштабах компании). Человеческий ресурс с позиции бизнеса — это физические и умственные способности работников. С точки зрения управления бизнесом существует такая функция как управление человеческими ресурсами (Human resources management, HRM) – специалисты компании, занятые HR занимаются определением потребности в персонале, подбором и отбором кадров, разработкой системы мотивации сотрудников и так далее.

Как отмечает Л.Г. Батракова, «как экономическая категория «человеческие ресурсы» (от фр. ressource – резервы, запасы) вплоть до конца XX в. отождествлялась с категорией «трудовые ресурсы» и трактовалась как имеющиеся в наличии люди, людские запасы (резервы) с их профессиональными и физическими способностями, предназначенными для обеспечения процессов общественного воспроизводства. В такой трактовке превалирует экономико-материализованный акцент, что сближает эту категорию с традиционной категорией «рабочая сила» [63].

Анализу и оценке, с экономической точки зрения, данной научной категории посвящены труды таких ученых как Васильева Е.В. [86], Волков А. В. [96], Генкин Б.М. [102], Голуб И.Н. [111], Дейнека А.В. [131], Каблашова И.В., Саликов Ю.А. [168], Логунова И.В. [208], Наумова Е.Ю. [235], Никитаева А.Ю., Михалкина Д.А. [239], Петрушевский Ю.Л. [254], Питасова Е.Е. [255], Серов И.А. [280], Яшкина К. Ю [368], Bircan I. [376], Cooke F. L. [385] и т.д. В большинстве своем, данные научные источники рассматривают саму природу категории, ее взаимосвязь с другими экономическими категориями такими как

труд, цена, трудовые ресурсы, кадровое обеспечение, воспроизводство трудовых ресурсов и т.д.

Вместе с тем, человеческие ресурсы являются объектом социального инвестирования, в котором заинтересованы все без исключения участники рыночных отношений. Социальные инвестиции в данном случае носят обязательный, но неиндивидуализированный характер, что снижает их социальную эффективность.

С позиции государства, социальные инвестиции в человеческие ресурсы — это возможность обеспечения устойчивого экономического роста национальной экономики, достижение необходимых макроэкономических показателей и решение основных демографических проблем, прежде всего, с точки зрения воспроизводства человеческих ресурсов. Реализация программ социального инвестирования в данном случае тесно связано с двумя категориями услуг, обозначенными ранее в диссертационном исследовании - услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью и услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста. В данном случае затраты носят обобщенный характер, стремятся к минимизации с точки зрения соблюдения принципов экономии расходования бюджетных средств, могут быть сокращены в зависимости от изменения экономической ситуации и т.д. Чаще всего объемы социального инвестирования коррелируются с уровнем инфляции в стране, зависят от состояния доходной части бюджета в контексте стабильности уровня налоговых поступлений и т.д.

В аналогичном ключе можно рассмотреть и позицию предпринимательского сектора с точки зрения осуществления социальных инвестиций в человеческие ресурсы. Обязательный характер социальных инвестиций закреплен законодательно и требует от любого предпринимателя выполнения минимума социальных обязательств (осуществление отчислений на социальные нужды, социальную поддержку отдельных категорий

работников в соответствии с федеральными и региональными требованиями, расчет и выплату районных коэффициентов и т.д.). Как и в предыдущем случае, социальные инвестиции носят обобщенный, неунифицированный характер, но, с другой стороны, объем инвестирования не может быть уменьшен в соответствии с предпочтениями самого предпринимателя, так как любое его изменение в сторону сокращения выплат будет противоречить существующим региональным или федеральным нормам, регламентирующим процесс обязательного нормирования труда.

Не стоит забывать, что в качестве социального инвестора может выступать и само домашнее хозяйство, в которое входит рассматриваемый индивид. При этом социальные инвестиции в этом случае будут коррелироваться как с размером потребительской корзины конкретного домашнего хозяйства, так и с потребительским поведением, в рамках которого и будет установлена доля расхода, связанных с социальным инвестированием на развитие человеческих ресурсов. Принятие решения о социальном инвестировании, его структуре и предполагаемых объемах вложений зависит от многих факторов, среди которых наиболее значимым будет являться уровень доходов и социально-экономическое положение индивида в текущей экономической ситуации, а также выбранная модель и стиль потребительского поведения, принятая в той социальной среде, в которой находится индивид. Как и в предыдущих случаях, социальные инвестиции в человеческие ресурсы также носят ограниченный характер и могут быть лимитированы исходя из реальных социально-экономических условий, в которые попадает домашнее хозяйство.

Вместе с тем, социальное инвестирование в человеческие ресурсы является неотъемлемой частью социальной политики любого государства, обязательной частью расходов на социальное обеспечение со стороны предпринимательского сектора и самих домашних хозяйств, представляет собой минимальные гарантированные социальные права для любого

участника общественных отношений, которые сформировались в процессе эволюционных изменений систем социального проектирования в сфере услуг.

2. *Человеческий капитал*—это совокупность качеств (знаний, умений, навыков, опыта, здоровья, профессионализма, моральных и нравственных качеств) определенной личности, которые можно развивать и корректировать путем инвестирования для целей дальнейшего увеличения доходов [163] как самого индивида (в том числе доходов в нематериальной форме в виде морального удовлетворения, повышения социального статуса), так и хозяйствующего субъекта, региона, страны.

При этом, что немаловажно, человеческий капитал как продукт инвестиций обладает минимальной ликвидностью, длительным инвестиционным периодом, а также несет высокую степень риска [57]. В отличие от земельных участков или ценных бумаг человеческий капитал не может подвергаться процедурам купли-продажи – руководство предприятия не может передать своих работников другой компании, за исключением таких форм как аутстаффинг. Более того, если сами работники отчуждаемы от компании и могут быть заменены на других, то их человеческий капитал при подобном отчуждении обычно резко снижается. Человеческий капитал возникает на протяжении определенного времени по мере того, как свою отдачу дадут инвестиции в повышение квалификации работников, в развитие их мотивации, создание эффективных коллективов. При увольнении работника усилия по созданию коллектива и развитию мотивации, по сути, обнуляются – при найме новых сотрудников взамен уволенных эти действия компании придется проводить заново.

Ряд авторов занимаются декомпозицией человеческого капитала, выделяя различные структурные элементы. Например, Н.С. Зоткина, М.С. Гусарова, А.В. Копытова в монографии «Человеческий капитал как ведущий фактор компании» разделяют человеческий капитал на капитал здоровья, трудовой капитал, интеллектуальный капитал, организационно-

предпринимательский капитал, социальный капитал, бренд-капитал, структурный капитал, организационный капитал [162].

В противовес социальному инвестированию в человеческие ресурсы, социальное инвестирование в человеческий капитал, по мнению автора, обладает рядом принципиальных отличий:

-основным социальным инвестором в данном случае выступает не государство, а отраслевой или региональный предпринимательский сектор, который заинтересован в развитии и совершенствовании профессиональных компетенций, навыков и знаний собственных работников посредством реализации программ повышения квалификации, переподготовки, улучшения бизнес-навыков, в том числе в рамках организации собственного бизнеса и т.д., разработки и реализации программ адаптации новых сотрудников, обеспечения доступа сотрудников к закрытым базам информационно-аналитических ресурсов и т.п.,

-важное значение в развитии человеческого капитала на уровне предпринимательского сектора имеет мотивационная политика предприятия, сочетание мер материального и нематериального стимулирования не только с точки зрения эффективности выполнения должностных обязанностей либо участия в проектной деятельности на основе принятой системы KPI, но и с точки зрения заинтересованности работника в развитии собственного интеллектуального, научного, креативного и т.п. потенциала, участия в программах кадрового роста внутри организации, формирования собственных ресурсов работника для обеспечения персонального карьерного роста в организации и т.д.,

-государство, в контексте развития систем социального инвестирования в человеческий капитал, в большей степени ориентировано на создание условий, нежели чем на конкретное финансирование подобного рода социальных программ или проектов. Однако, в зависимости от того насколько сбалансирована государственная поддержка роста человеческого капитала с точки зрения учета обоюдных интересов домашних хозяйств и

предпринимательского сектора, будет определяться и эффективность социальных инвестиций. Таким образом, без участия государства социальные инвестиции будут носить несистемный характер и их эффективность будет, в большей степени, оцениваться с позиции конкретной организации или предприятия, а не с точки зрения интересов общества,

-социальные инвестиции в человеческий капитал всегда строго индивидуализированы, зависят как от конкретного социального инвестора и его финансовых возможностей и заинтересованности, так и от непосредственного объекта инвестирования. В отличие от социальных инвестиций в человеческие ресурсы, которые всегда носят среднесрочный и долгосрочный характер, социальное инвестирование, чаще всего, в человеческий капитал носит краткосрочный многократный характер и зависит от тех услуг, в рамках которых происходит приращение человеческого капитала и его воспроизводство,

-огромное значение для процесса социального инвестирования в развитие человеческого капитала имеет уровень качества предоставляемых услуг объекту социального инвестирования. Чем ниже качество оказываемых услуг, тем ниже будет уровень социально-экономической эффективности социального инвестирования в сфере услуг. Таким образом, именно качество и его уровень следует признать основным критерием оценки целесообразности осуществления тех или иных социальных вложений в человеческий капитал,

-не менее острым остается и вопрос определенных прав инвестора на результаты социального инвестирования с точки зрения использования интеллектуального, креативного и т.д. потенциала работника в собственных целях для нужд предпринимательской структуры, государства или домашнего хозяйства. Среди наиболее острых вопросов – срок, на которые могут распространяться подобного рода права, финансовая ответственность со стороны получателя социальных инвестиций перед инвестором и т.д.

3. *Человеческий потенциал* — это совокупность врожденных и приобретенных сил, качеств, свойств и возможностей личности (знаний, умений, навыков, опыта, здоровья, профессионализма, моральных и нравственных качеств), которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей [55].

Человеческий капитал отличается от человеческого потенциала тем, что человеческий капитал находится в распоряжении у руководства (собственника) компании, в то время как человеческий капитал принадлежит индивиду. Человеческий капитал может быть оценен в объеме дохода, который он принесет предпринимателю. Кроме того, человеческий потенциал предшествует формированию человеческого капитала. Потенциал такого рода может не превратиться в капитал, если его ценность отсутствует с точки зрения генерирования прибыли компании.

На взгляд автора, человеческий потенциал компании состоит из трех элементов. Во-первых, человеческий потенциал представляет собой совокупность характеристик и способностей работников. Во-вторых, человеческий потенциал включает способность реализации этих характеристик и способностей сотрудников. В-третьих, человеческий потенциал может быть рассмотрен как способность компании реализовывать потенциал отдельных работников, исходя из интересов развития бизнеса.

Первый элемент (*совокупность характеристик*) связан с профессиональным уровнем работников, с их образованием, здоровьем, опытом. В рамках управления человеческими ресурсами при формировании потребности в персонале компания определяет, какие сотрудники ей нужны. Затем происходит подбор и отбор персонала, основанный на определении потребностей. Вторым элементом (*способность реализации работниками*) основан на мотивации работников к труду. В этом аспекте человеческий потенциал представляет собой готовность персонала использовать все свои компетенции в интересах компании. Третий элемент (*способность реализации компанией*) отражает, насколько руководство организации может

использовать индивидуальный потенциал отдельных работников для достижения стратегических и тактических целей бизнес-субъекта.

Следует заметить, что описание первого элемента человеческого капитала фактически тождественно дефиниции человеческих ресурсов. Таким образом, человеческий ресурс организации является составным элементом ее человеческого потенциала.

Человеческий потенциал компании не может быть сформирован без присутствия всех элементов. Организация обладает низким человеческим потенциалом, если ее работники не владеют должным уровнем знаний и навыков, однако знания и навыки не могут быть полноценно использованы, если работники не замотивированы трудиться. Индивид, владеющий широкими компетенциями и необходимым опытом, не реализует свои профессиональные возможности в компании, если не будут созданы соответствующие условия, стимулирующие его работать «на 100%». Наконец, от качества работы менеджмента зависит, насколько умения персонала будут востребованы, поскольку плохое управление приводит к ситуации, когда даже высокопрофессиональные и высокомотивированные работники не могут полностью реализоваться, принеся максимально возможную пользу компании.

Человеческий потенциал компании раскрывается двояко – как потенциал работников и как потенциал руководителей (последний оценивается как способность реализовывать и развивать потенциал работников). Потенциал работников раскрывается двойственно – и как совокупность характеристик (человеческий ресурсы) и как способность реализации работниками этих характеристик. Аналогичная двойственность присутствует и при раскрытии потенциала руководителей – как способность реализации, то есть мотивация самого менеджмента к раскрытию потенциала, аналогичная мотивации работников применительно к рассматриваемому предмету, так и как способность реализации компанией, в целом. В этом случае компетенции менеджмента увязываются со стратегическим

управлением компанией, бизнес-планированием, в рамках которых управление персоналом выступает как значимая компонента развития компании. Если управление персоналом компании плохо «увязано» с ее стратегией, то это создает угрозу для формирования человеческого потенциала организации, который в дальнейшем может быть преобразован в человеческий капитал.

Взаимосвязь человеческого потенциала компании и человеческого капитала компании представлена на рисунке 4.2.

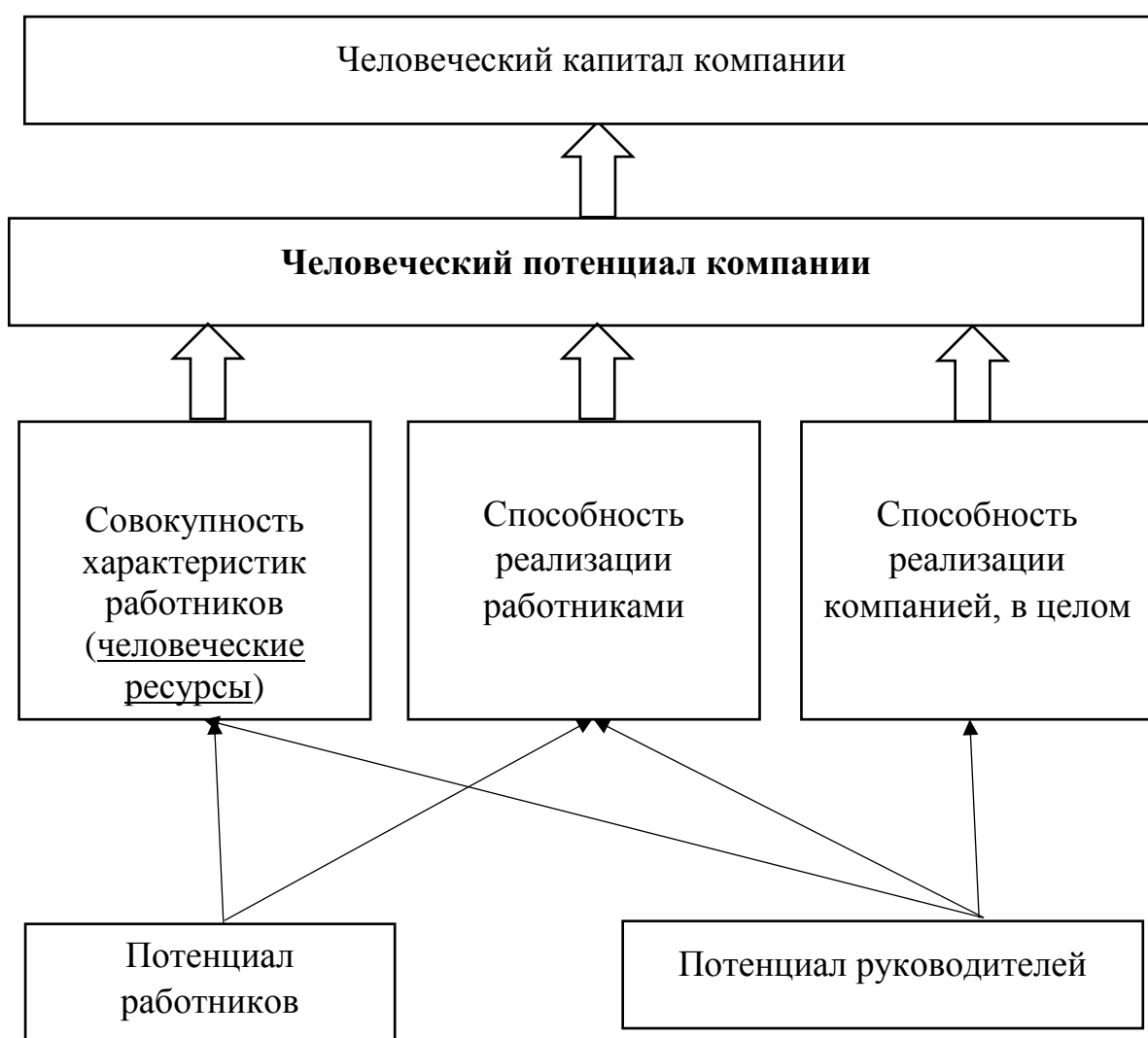

Рисунок 4.2 - Взаимосвязь человеческого потенциала компании и человеческого капитала компании (авторские разработки)

Человеческий потенциал – это не просто набор элементов, он является системой, в которой без одного из аспектов не будет целого. Можно говорить о формировании данного потенциала лишь в том случае, если присутствуют профессионально-квалификационная составляющая (человеческие ресурсы), мотивационная составляющая и управленческая составляющая, благодаря которой человеческий потенциал может быть рассмотрен как базис для создания человеческого капитала. Возможна ситуация, когда одна или две составляющие хотя и присутствуют, но находятся на низком уровне. В этом случае их низкий уровень понижает соответствующим образом и весь потенциал, в целом.

Человеческий потенциал компании отличается от ее человеческого капитала тем, что он реализуется в рамках трудовой деятельности. Раскрытие потенциала работников – одна из ключевых задач руководства компании. В ходе раскрытия этого потенциала совокупность характеристик человека, работающего в организации, при наличии способности и готовности как самого работника, так и руководства компании, превращается в капитал. Человеческий капитал, который может быть трудовым, интеллектуальным, социальным и т.д. От того, какой набор базовых качеств имели работники и каким было управленческое воздействие менеджмента (реализуемой, в том числе, в обучении, развитии мотивации, формировании кадрового резерва), те или иные аспекты человеческого капитала будут проявляться более рельефно.

Человеческий потенциал снижается в меньшей степени чем человеческий капитал при увольнении (замене работников), поскольку он еще не был воплощен в форме капитала, и компания не затратила соответствующие ресурсы для перехода из формы потенциала в форму капитала. Однако, с точки зрения социального инвестирования в сфере услуг, необходимо более тщательно подходить к тому какой вклад осуществлял конкретный работник в полученные результаты и насколько эффективны были социальные инвестиции в конкретного работника по сравнению с другими членами коллектива.

Процесс превращения человеческого потенциала в человеческий капитал непосредственно связан с инвестированием – данная трансформация подразумевает вложение ресурсов со стороны компании в рамках мероприятий по управлению персоналом. От объема этих вложений не в последнюю очередь зависит, в какой степени потенциал станет капиталом. Масштабное инвестирование в персонал способно серьезным образом «преобразить» коллектив компании, обладающий низким потенциалом, компенсировать недостаточный (но не нулевой) уровень квалификации и мотивации работников. В случае, если человеческий потенциал изначально высок, потребуется меньший объем средств для достижения тех же результатов. Низкая ликвидность человеческого капитала обуславливает тщательность планирования мероприятий по стимулированию персонала, создания работоспособных коллективов, созданию кадрового резерва, поскольку без этого планирования финансовые потери от ошибок в кадровой политике бизнес-субъекта могут быть велики.

Социальное инвестирование в развитие человеческого потенциала, по мнению автора, предполагает более широкую трактовку самого объекта социальных инвестиций с точки зрения смещения вектора от конкретного индивида с наличием базовых социальных обязательств по отношению к нему со стороны государства (социальные инвестиции в человеческие ресурсы) либо с расширенной, персонализированной социальной поддержкой по отношению к нему со стороны бизнес-структур предпринимательского сектора (социальные инвестиции в человеческий капитал) к коллективу или группе, в которую объединены отдельные индивиды.

В качестве такой группы можно рассмотреть как формальные, сформированные в соответствии с организационной структурой и штатным расписанием (например, трудовой коллектив отдельной организации или предприятия, департамента или отдела внутри организации и т.п.), так и более сложные по структуре и внутренней системе управления (например, творческий коллектив артистов оперы и балета, ансамбль исполнителей

народных танцев, научные коллектив из представителей различных научных школ и направлений и т.д.) объединения.

В связи с этим социальное инвестирование в сфере услуг в данном случае носит относительно индивидуализированный характер и предполагает наличие механизма распределения инвестиционных вложений внутри подобного рода объединений в соответствии с принятыми нормами оценки результативности каждого из членов объединения или коллектива при сохранении общего потока финансирования, средства из которого расходуются на достижение общих целей участников.

При этом, если в предыдущих двух вариантах социальных вложений – в человеческие ресурсы и человеческий капитал, объект инвестирования, в большинстве случаев, не может оказывать прямое воздействие на структуру или объем социальных инвестиций, то возможности коллективного воздействия на позицию социального инвестора намного выше, особенно в зависимости от уже достигнутого уровня человеческого потенциала. Следует также отметить и необходимость осуществления специфических социальных инвестиций, связанных с сохранением устойчивости объединения или коллектива для обеспечения устойчивого роста уровня человеческого потенциала, в том числе за счет ротации персонала, использования новых инновационных способов организации коммуникационного взаимодействия и т.п.

С точки зрения системного подхода к регулированию социально-экономических процессов, все три основных направления социального инвестирования в сфере услуг должны быть в обязательном порядке взаимосвязаны между собой, являться предметом не только исключительно качественной, но и количественной оценки с учетом социального характера вложений и необходимости соизмерения социальных затрат и получаемых результатов в рамках единой политики в области управления трудовыми ресурсами, человеческим капиталом и человеческим потенциалом.

4.2 Оценка ключевых направлений социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения повышения эффективности управления персоналом

Как уже было сказано ранее, система социального инвестирования в сфере услуг затрагивает не только аспекты, связанные со способностями или компетенциями отдельного индивида – работника или группы работников внутри организации, но и саму кадровую политику, принципы и технологии управления персоналом в контексте корпоративной социальной политики и принятой организационной культуры. Среди основных направлений социального инвестирования в сфере услуг в контексте его влияния на процесс управления персоналом с точки зрения повышения его эффективности, как уже упоминалось ранее, можно обозначить три укрупненные группы, отражающие в том числе:

- значение социального инвестирования в сфере услуг в процессе создания условий для организации трудовой деятельности. В данном случае в качестве объекта социальных инвестиций рассматривают инфраструктурное обеспечение, повышение условий для комфорта работника во время пребывания на рабочем месте и т.д.,

- значение социального инвестирования в сфере услуг в процессе реализации основных этапов управления персоналом. В рамках данного направления следует рассматривать социальные инвестиции в процесс отбора персонала, адаптации персонала, повышения уровня его профессиональных компетенций в рамках повышения квалификации и т.д.,

- значение социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения повышения эффективности управления персоналом, т.е. какие инструменты социального инвестирования наиболее эффективны с точки зрения социально-экономической эффективности.

Прежде чем переходить к анализу перечисленных выше направлений, рассмотрим более подробно основные тенденции и особенности управления персоналом в сфере услуг.

Управление персоналом в компаниях сфере услуг (другими словами – сервисного профиля) развивается под влиянием различных трендов. С одной стороны, менеджмент таких организаций основывается на общемировых представлениях об управлении человеческими ресурсами (human resources management, HRM), являющихся в значительной степени универсальными. С другой стороны, существует и российская специфика управления персоналом, анализируемая российскими теоретиками и практиками. С третьей стороны, играют значимую роль отличия организаций сферы услуг от компаний иного профиля. В рамках проведенного исследования изучены второй и третий тренды, без фокусирования на общеизвестных в профессиональной среде принципах организации кадровой политики в тактической и стратегической плоскости.

Как отмечается в монографии Р.Г. Маннапова и Л.А. Берешева, «качество предоставления услуг в сервисной организации находится в определенной зависимости от социальных ценностей, идеологических установок и ориентацией сотрудников. К примеру, в японских компаниях особенно ценятся вовлеченность и лояльность персонала к выпускаемой продукции, оказываемым услугам» [217].

Оказание услуг – это удовлетворение потребностей клиентов, существующих в рамках определенных общественных норм, сформированных в рамках культуры страны или региона, в котором действует компания. Соответственно, от персонала компании требуется соответствие этим нормам во время коммуникации с клиентом.

Корпоративная культура организации сферы услуг может формироваться под влиянием культурных установок общества, в целом. Как упомянуто выше, японская трудовая этика базируется на лояльности и вовлеченности персонала, когда руководитель рассматривается в патерналистской логике как «отец», который требует уважения и подчинения. Распространенная практика долговременной работы на компанию (вплоть до пожизненного найма) в совокупности с японскими этическими нормами

формирует такую систему управления персоналом, в которой более ценны не профессиональные качества, а соответствие указанными выше нормам, верность компании.

В других культурах присутствует иная трудовая этика, обуславливающая иные подходы к управлению персоналом. Скажем, в странах с низкой степенью социальной защищенности нанимаемых на работу и широкими правами работодателей (например, в США, Южной Корее) приветствуются работники, готовые к переработкам. При найме персонала готовность сотрудника работать сверх обычного рабочего дня может быть рассмотрена как важное качество, обуславливающее выбор конкретного работника работодателем. В последние годы в таких странах стало набирать популярность такое понятие как *hustle culture* – экстремальный трудоголизм как стиль жизни определенной части молодежи.

Существует и противоположная точка зрения на связь корпоративной культуры и общественной культуры. Возможна ситуация, когда компания не адаптирует свою деятельность под этические нормы страны или региона расположения, а, напротив, рассматривает свои корпоративные нормы как привлекательные для потребителя, заменяя ими существующие общественные стандарты. Например, компания McDonald's при открытии своих ресторанов в СССР/России не стремилась приспособиться к существующей социальной специфика, а, напротив, рассматривала себя как глобальный брэнд, имеющий значимость вне существующих социокультурных стандартов. Соответственно, персонал компании сервисного профиля, имеющий узнаваемую и популярную среди потребителей корпоративную культуру, может продвигать ее в отрыве от общественных стереотипов.

Российская специфика управления персоналом многих предприятий сферы услуг выражается в опоре на труд мигрантов, в том числе, слабо адаптированной их части. Стремление минимизировать издержки приводит к ситуации, когда профессиональные качества работника предприятия сферы обслуживания в России не так важны, как уровень их оплаты труда, который

работодатель стремится сократить. Однако по мере усложнения сферы деятельности компании сферы услуг наблюдается рост требований к персоналу, выражаемый в снижении роли мигрантов. Для России характерна ситуация, когда минимизация издержек на персонал предприятия сервисного профиля является одним из основных направлений деятельности менеджмента таких компаний. Значительная доля предпринимателей далека от представлений, согласно которым персонал является главным ресурсом компании, поэтому стремится экономить на фонде оплаты труда, что удается делать в условиях невысокой правовой грамотности работников. Наблюдается тенденция, согласно которой низкоквалифицированный и неквалифицированный персонал компаний сферы услуг рассматривается руководством как легко заменяемый, что вызывает высокую текучесть кадров.

Как отмечается в конспекте лекций «Управление персоналом в сфере услуг», выпущенном в 2020 г. в Орловском государственном университета имени И.С. Тургенева, «место и время производства и потребления услуги для большинства вида услуг совпадают. Поэтому при размещении большинства организаций сферы обслуживания наиболее важной оказывается ориентация на потребителя – на его место жительства либо на его место работы, либо на транспортные потоки между местами жительства и работы». [323]

Большая часть услуг в сфере транспорта, торговли, бытового обслуживания, медицины требует непосредственного присутствия исполнителя в месте оказания услуги. Это вызывает ситуацию, когда значительный спектр услуг не подвергается переводению в дистанционный формат. Пандемия COVID-19 продемонстрировала, что значительная часть работников сферы услуг была вынуждена продолжить работу даже в условиях риска для здоровья, вызванного эпидемией. Такая ситуация приводит к тому, что с точки зрения управления персоналом актуально такое требование к работникам, как возможность непосредственно присутствовать на месте оказания услуги. Более того, значительная часть сферы услуг не может быть полностью переведена исключительно в цифровой формат и не может быть

полностью «бесконтактной» с точки зрения как механизмов взаимодействия с клиентом, так и с точки зрения самого жизненного цикла услуги.

Еще одна особенность управления персоналом в сфере услуг – трудности оценки работы компаний рассматриваемого профиля. Л.А. Берешева и З.Г. Зайнашева выделяют такую характерную черту работы предприятий сферы услуг как «сложность стандартизации и сертификации услуг, неоднозначность оценок качества обслуживания со стороны разных категорий потребителей, методические трудности в соизмерении социально-экономической эффективности функционирования организаций».[68]

Услуга отличается от материального товара тем, что ее ценность связана с удовлетворенностью потребителя. Материальный товар представляет ценность сам по себе в случае наличия на него спроса, а его стоимость может быть относительно легко рассчитана путем оценки стоимости вложенных в него ресурсов, рассмотрены исходя из «классических» факторов производства (труд, земля, капитал). Услуга, являющаяся формой товара, не может быть оценена лишь с точки зрения вложенных ресурсов, она подвергается оценке со стороны клиента. Персонал, предоставляющий услугу, вынужден «настраивать» свою деятельность на удовлетворение запросов потребителей; без этой «настройки» качество услуги резко падает. Соответственно, при найме работника в сфере услуг одну из ключевых ролей играет способность работника удовлетворить запросы клиентов, которые по природы своей изменчивы.

Кроме того, гетерогенность услуг (наличие неодинаковых элементов) усложняет их стандартизацию, что затрудняет планирование и нормирование труда. Оказание услуги, зависящей от запроса потребителя, усложняет оценку времени, требуемого для ее оказания, а значит и трудозатрат.

Как отмечают Бурцева Т.А., Лысова Е.А., «управление предприятием сферы услуг с учетом перспектив должно осуществляться на основе гибких экстренных решений, так как постоянные изменения во внешней среде требуют незамедлительной адекватной реакции с учетом целей предприятия и

имеющихся ресурсов. Чтобы предприятию выжить и вести эффективную деятельность нет иного пути как путь постоянного уточнения стратегий и эффективного использования ограниченных ресурсов в конкретный момент времени». [75]

Управление в сфере услуг отличается от менеджмента в промышленном производстве большей гибкостью в оперативной деятельности. Если производственный процесс требует значительного времени на адаптацию к изменениям, то сервисные компании, где выше значение персонала при непосредственном контакте с клиентом, имеют большие возможности для маневра в краткосрочной перспективе. Управление персоналом в сфере услуг предполагает быстрее изменения в труде работников, когда управленческие решения в еженедельном и ежедневном ритме воздействуют на оказание услуги. В сфере услуг выдвигаются повышенные требования к адаптации персонала в краткосрочной перспективе. Между тем, в среднесрочной и долгосрочной перспективе адаптивность персонала сервисного и производственного профиля сравнивается, поэтому было бы ошибочно утверждать, что при управлении персоналом сферы услуг требования к адаптивности работников априори выше, чем в производстве.

Различия в адаптации персонала предприятий сферы услуг и промышленных предприятий отражены на рисунке 4.3.

Как видно на рисунке, в краткосрочной перспективе, измеряемой днями и неделями, персонал компаний сервисного профиля способен к адаптации, в то время как персонал промышленных предприятий этой способностью не обладает или к нему не предъявляется таких требований. Промышленное производство связано с выстраиванием логистических цепочек, формированием устойчивых каналов сбыта, определением норм времени и выработки работников, производственных планов. Перестройка таких процессов в кратчайшие сроки в подавляющем большинстве случаев невозможна. В среднесрочной перспективе, длительностью до одного года, адаптивность работников промышленных предприятий возможна, но в

ограниченном масштабе, не затрагивающая основное наполнение производственной деятельности.

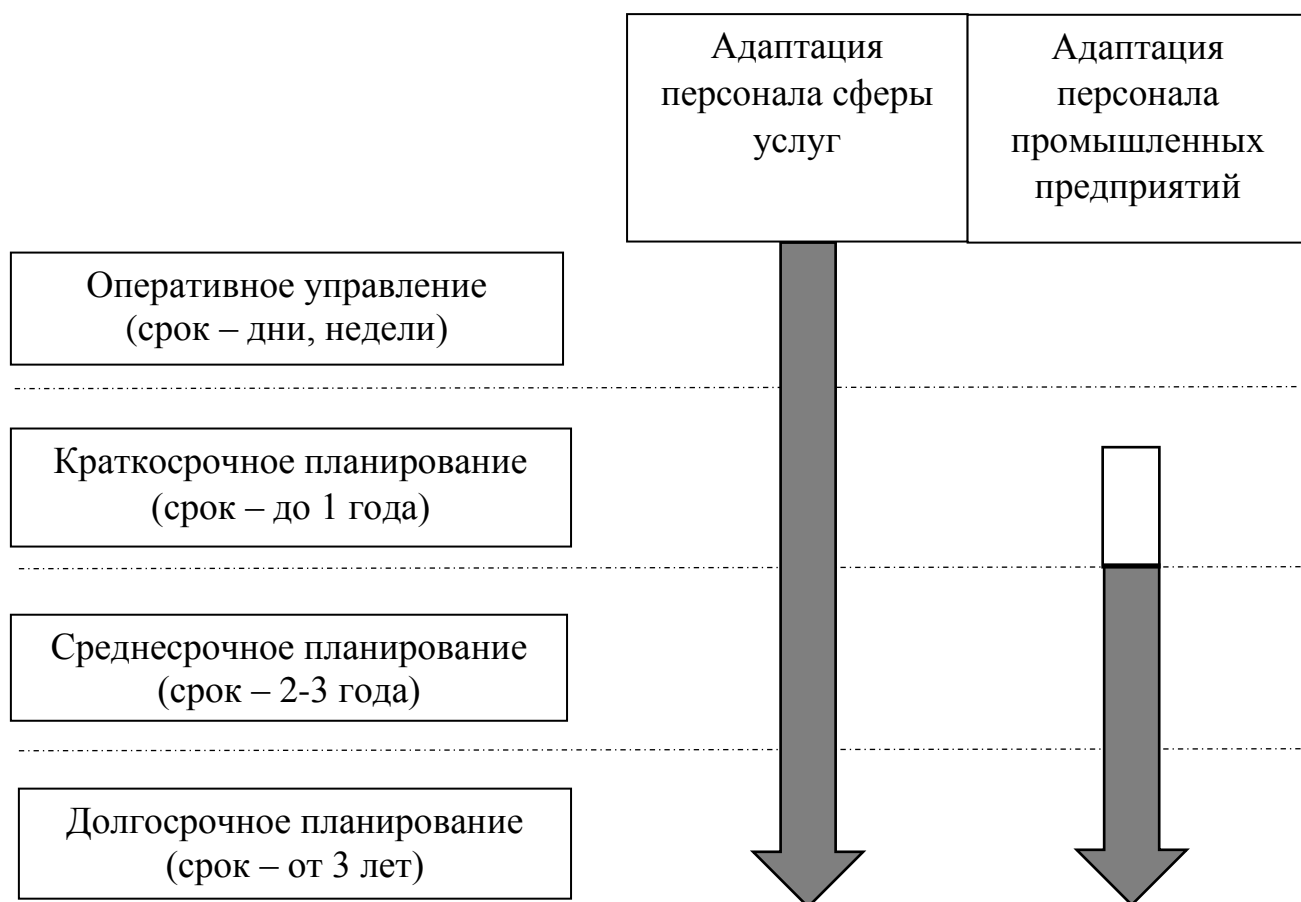

Рисунок 4.3 - Различия в адаптации персонала предприятий сферы услуг и промышленных предприятий (авторские разработки)

Следует отметить, что существуют факторы, входящие в противоречие с указанными на рисунке 4.3 особенности адаптации персонала. В частности, в период начала пандемии коронавируса сотрудники предприятий промышленного профиля также были вынуждены быстро адаптироваться к эпидемиологическим изменениям. Однако данный пример может быть рассмотрен как исключение из закономерности, вызванное внезапным шоковым событием большой разрушительной силы, не имеющем экономическую природу.

Можно выделить следующие особенности управления персоналом в сфере услуг, как универсальные, так и специфичные для России:

1. Влияние социальных ценностей и культурных норм на систему управления персоналом. Персонал организации сферы услуг взаимодействует с клиентами, находящимися в рамках общественных норм, сформированных культурой страны или региона. Работники компании при взаимодействии с клиентами должны находиться в рамках этих норм, детерминированных социокультурными факторами.

2. В российских предприятиях сферы услуг часто наблюдается подход в управлении персоналом, основанный на минимизации издержек в ущерб клиентоориентированности. Он может быть выражен в привлечении мигрантов, слабо адаптированных к культуре России. В этом случае управленческие решения противоречат п.1, представленному выше. В России для предприятий сервисного профиля характерна высокая текучесть персонала, особенно в организациях, где преобладает неквалифицированный и низкоквалифицированный труд.

3. В большинстве компаний сервисного профиля требуется непосредственное присутствие работника в определенном месте, где осуществляется контакт с потребителем. С точки зрения управления персоналом в таких случаях усложнена или невозможна организация дистанционной работа, а цифровизация носит ограниченный характер.

4. Персонал компании акцентирует свою деятельность на удовлетворении запросов клиентов, что обуславливает повышенные требования к достижению клиенто-ориентированности при найме персонала. От того, в какой степени услуга отвечает запросам потребителя, формируется ее рыночная стоимость.

5. К персоналу предприятий сферы услуг предъявляются повышенные требования к адаптивности на оперативном уровне и в краткосрочной перспективе – работники должны быть готовы в оперативном режиме изменять свою работу. Между тем, в среднесрочной и долгосрочной

перспективе в сфере услуг и в промышленности уравнивается значимость реагирования персонала на изменения.

Рассматривая данный важный аспект социального инвестирования в сфере услуг, в отличие от вопросов связанных с обеспечением роста человеческого капитала и совокупного кадрового потенциала организации, необходимо отдельно подчеркнуть, что инвестирование средств происходит в сам процесс, регламентирующий взаимодействие с персоналом на различных этапах принятия организационно-управленческих решений. Таким образом, социальные инвестиции выступают в качестве инструмента адаптации кадровой политики к изменяющимся внешним условиям и определяют способность организации к функционированию в условиях роста кризисных явлений.

Также, в отличие от человеческого капитала, субъектом инвестирования либо социальным инвестором в условиях необходимости повышения эффективности политики по управлению персоналом на корпоративном уровне чаще всего выступает предпринимательский сектор, представители которого нуждаются в совершенствовании организационной структуры компании за счет оптимизации подходов к кадровой политике, ориентированной на решение ключевых социальных проблем любой организации – формирование единой организационной культуры, соотнесение целей деятельности конкретного работника и миссии организации с точки зрения стремления к их тождественности, определение основных принципов корпоративного организационного поведения и т.д. Не менее важным остается и снижение прямых и косвенных издержек на управление персоналом с точки зрения сравнительной характеристики удельного веса каждой категории затрат в общем объеме расходов. Именно социальные инвестиции позволяют добиться максимизации эффективности процессов управленческого контроллинга затрат, связанных с кадровым менеджментом, а также формируют потенциал для роста инновационной активности российских предпринимательских структур.

В качестве ключевого объекта инвестирования, в данном случае выступают либо существующие бизнес-процессы, регламентирующие и характеризующие принятые подходы со стороны руководства организации к управлению персоналом. При этом социальные инвестиции могут предназначаться на следующие основные направления, связанные с организацией работы персонала:

- на повышение качества инфраструктуры, необходимой для работы персонала в зависимости от выполняемых функциональных и должностных обязанностей, занимаемой должности и т.д.,

- на эргономику рабочих мест в зависимости от особенностей самого производственно-хозяйственного процесса и с учетом современных тенденций по организации рабочих мест, максимально комфортных для осуществления деятельности персонала в рамках штатного расписания в компании,

- на обеспечение безопасности пребывания в организации, на ее территории и т.д. При этом речь может идти как о стандартных подходах к снижению производственного травматизма и минимизации риска возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного характера по вине работодателя, так и готовности организации к возникновению террористических угроз и т.п. В данном случае объем и структура социальных инвестиций будет зависеть от общей ситуации в стране и мире, региональных особенностей в сфере обеспечения безопасности персонала, отраслевой принадлежности предприятия и т.д. По мнению автора, в современных условиях данное направление социального инвестирования весьма значимо и требует дополнительных расходов со стороны любой коммерческой структуры,

- на охрану труда и обеспечение достойных условий труда вне зависимости от пространственного расположения организации или ее отраслевой принадлежности.

Не менее важным является и своевременное выполнение всех обязательств организации перед ее работниками, начиная со своевременности выплат заработной платы и премиальных и заканчивая предоставлением обязательных социальных гарантий. Несмотря на то, что данный факт априори должен выполняться в условиях рыночной экономики, российская практика свидетельствует о наличии подобного рода проблем как в ряде регионов страны, так и на предприятиях ряда отраслей. Невыполнение обязательств перед работниками со стороны работодателя ведет к значительному повышению репутационных рисков и снижает эффективность уже осуществленных социальных инвестиций вне зависимости от того, насколько эффективен был сам инвестиционный процесс.

С учетом вышесказанного об особенностях управления персоналом в сфере услуг, можно обозначить следующие ключевые направления социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения управления персоналом как важным элементом стратегического развития любой предпринимательской структуры в условиях перехода к постиндустриальному обществу (рисунок 4.4). Рассмотрим некоторые из данных направлений более подробно.

Одним из важных направлений социального инвестирования в сфере управления персоналом в современных условиях следует признать осуществление ранней профориентационной деятельности в рамках программ профессионального наставничества. Интерес к подобного рода программам как объекту социального инвестирования со стороны работодателя в российских экономических условиях вполне очевиден. Он связан с постепенным сокращением предложения на рынке трудовых ресурсов по многим не только высокотехнологичным профессиям, которые требуют серьезного уровня подготовки в высших учебных заведениях в течении длительного периода времени, но и по рабочим профессиям.

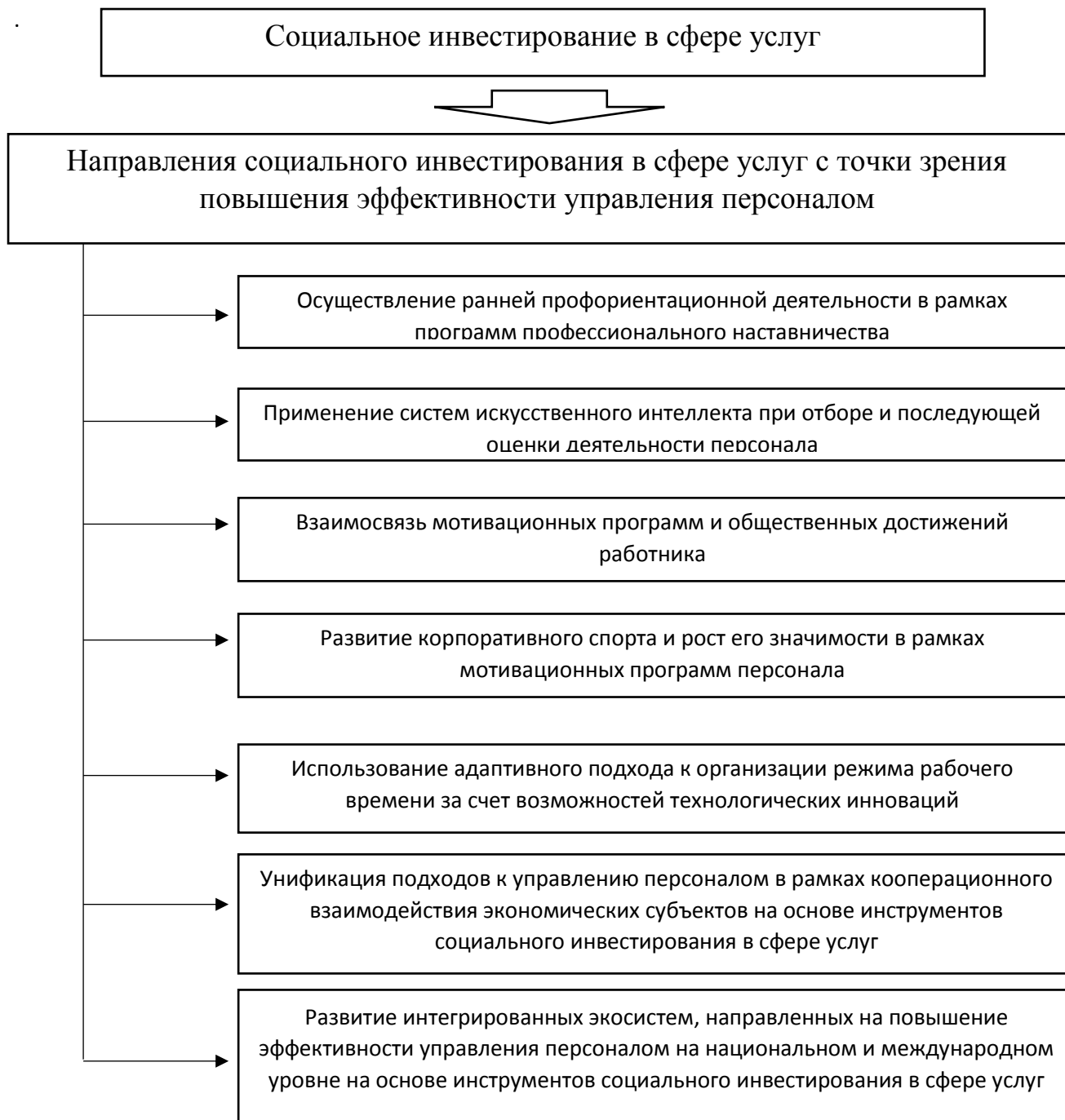

Рисунок 4.4 - Ключевые направления социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения повышения эффективности управления персоналом (авторские разработки)

Данное обстоятельство обусловлено как определённым снижением престижа данных профессий среди молодежи и, прежде всего, их родителей, недостаточным инфраструктурным обеспечением процесса подготовки кадров на уровне СПО как с точки зрения нехватки самих учебных заведений в пропорциональном соотношении с числом потенциальных абитуриентов,

так и в контексте недостаточного соответствия уровня учебного оборудования, учебных производств и т.д. требованиям современного промышленного производства или аграрного сектора.

Кроме того, необходимо учитывать целый ряд других не менее важных факторов, среди которых: нежелание выпускников образовательных программ ВО и СПО продолжать трудовую деятельность по выбранной специальности в связи с наличием неоправданных желаний относительно уровня заработной платы и премиальных после окончания образовательного учреждения, позиции родителей, друзей, близких родственников и т.д., которые могут рекомендовать изменить траекторию своего карьерного роста в рамках собственных представлений о тенденциях на российском рынке труда, полученный негативный опыт практической деятельности в рамках либо внеучебной работы, либо прохождения отдельных видов практики, прежде преддипломной, который также будет вести к снижению мотивированности к трудовой деятельности по полученной специальности. Многое также зависит и от самого потенциального работника и его представлений о будущем карьерном развитии, роли самообразования и самообучения, заинтересованности в получении новых профессиональных компетенций, знаний и навыков.

Помимо перечисленных выше факторов, конечно же, на рост интереса к ранней профориентационной деятельности оказывают влияние и факторы внешней среды – демографическая обстановка в стране, реформы, происходящие в сфере молодежной политики и образования, наличие кризисных явлений различной природы и происхождения, общая ситуация на рынке труда, социально-экономическое положение основных групп населения и т.д.

Отдельно стоит упомянуть о том, что считать именно ранней профориентационной деятельностью. В научной литературе по данному вопросу ([327], [328], [329], [330], [331], [332], [333], [334]) нет однозначных подходов, на основании которых можно было бы установить конкретный срок

начала наиболее эффективной профориентационной деятельности. По мнению автора, учитывая советскую систему профориентационной работы промышленных предприятий с подшефными школами, можно говорить об учащихся средних классов общеобразовательных учреждений как об основной контактной аудитории для ранней профориентационной работы со стороны предприятия или организации, включая и органы государственного управления, которые также заинтересованы в подготовке и отборе наиболее мотивированных кандидатов для работы на государственной службе. Однако, даже в условиях уже более высокой ступени обучения на базе СПО и ВО, вопросы ранней профориентационной работы не теряют своей актуальности в связи с большим уровнем неопределенности у обучающихся относительно своего будущего карьерного развития.

В связи с этим возникают следующие основные вопросы, с помощью ответов, на которые возможно сформировать программу социального инвестирования, целью которого стало бы постепенная подготовка будущих работников для конкретного предприятия или группы предприятий, функционирующих, в том числе, в режиме кластерной структуры или на территории свободной экономической зоны:

1. Каким образом определить потенциальный контингент для осуществления ранней профориентационной деятельности с точки зрения основных возможных параметров выборки, к числу которых можно отнести критерий возраста («С какого возраста следует привлекать детей или молодежь на программы, связанные с профориентационной деятельностью?»), территориального размещения («Следует ли принципиально разделять детей и молодежь по принципу их территориального отнесения к той или иной школе или колледжу?»), количества слушателей (Следует ли сегментировать слушателей исходя из их профессиональных интересов или хобби или формировать профориентационные программы без учета индивидуальных особенностей слушателей?) и т.д.,

2. Каким образом выстроить коммуникационные связи между слушателями(обучающимися) и профильным предприятием. В данном случае речь может идти о прямом взаимодействии (например, предприятие формирует учебные группы и проводит отдельные занятия, связанные с тем или иным производственным процессом, технологией, используемой на данном предприятии, отраслевыми инновациями и т.д.), так и о косвенном участии в профориентационных программах, что конечно потребует меньший объем социальных инвестиций, однако, может привести и к снижению эффектов от подобной формы взаимодействия с потенциальным работником в будущем.

Второй вариант взаимодействия, чаще всего, происходит в условиях построения определенных коммуникаций с представителями образовательных учреждений в различных формах и способах осуществления профориентационной деятельности. Как показывает российская практика, чаще всего профориентационные мероприятия как на уровне среднего, так и среднего профессионального и высшего образования проходят в виде:

-ознакомительных лекций, в рамках которых формируется первичное впечатление, прежде всего школьника, об основах той или иной профессии, отрасли и т.д.,

-гостевых лекций, где специалист от организации или предприятия рассказывает более подробно по тематике, связанным с учебным курсом или направлением подготовки, а также может ответить на вопросы присутствующих относительно производственно-хозяйственной деятельности, позиций на рынке или долгосрочной стратегии развития,

-экскурсий на действующее предприятие, чаще всего в виде групп с сопровождающим, в рамках которых может быть уделено внимание как истории самого предприятия и его отраслевым особенностям, так и определенной производственной технологии, процессу, оборудованию, технологической линии и т.д.,

-другие формы взаимодействия, которые предполагают участие представителей предприятия в осуществлении учебной (проведение практических занятий, наставничество в процессе организации различных видов практик на базе данного предприятия, в том числе с последующим трудоустройством выпускников, участием в экспертизе и оценке подготовленных выпускных квалификационных работ в качестве рецензента и т.п.), воспитательной (совместное участие в торжественных мероприятиях, посвященных национальным праздникам, памятным датам и т.д., в том числе связанных с историей самого предприятия), международной (участие в организации международных стажировок и практик для студентов на предприятиях-партнерах) деятельности.

Несомненно, с точки зрения теории социального инвестирования в сфере услуг, все перечисленные выше формы ранней профориентационной деятельности необходимы как для повышения качества образовательного процесса, так и для стимулирования самих потенциальных работников, нынешних школьников или студентов, с точки зрения как выбора будущей профессии, так и с точки зрения поиска места работы именно на этом предприятии.

3. Следующим вопросом, который, собственно, тесно связан с двумя первыми и зависит от того какие решения будут приняты, следует признать вопрос о непосредственных формах и объемах социальных инвестиций, которые могут быть направлены на раннюю профориентационную деятельность. В данном случае возможны два основных подхода с точки зрения мотивации собственного персонала к участию в подобного рода программах:

-посредством нематериального стимулирования (участие в ранней профориентационной деятельности и наставничестве как одна из составляющих организационной культуры предприятия, которая предполагает выполнение сотрудниками организации определенных социальных обязательств на безвозмездной основе с учетом возможности поиска

собственных потенциальных интересов). Данный инструмент будет эффективным только в условиях тех организаций, где значительное внимание уделено именно корпоративной культуре и формированию унифицированной системы организационного поведения, что, в свою очередь, требует определенных социальных инвестиций, которые гарантировали бы такое лояльное отношение самих сотрудников. В противном случае данный инструмент вряд ли будет востребован и, скорее всего, не принесет ожидаемых результатов,

-посредством материального стимулирования, когда работник, участвующий в ранней профориентационной деятельности, может получить определенное денежное поощрение, среди которых можно отдельно отметить такие формы как:

-наличие постоянной надбавки за осуществление наставничества не только в рамках адаптации недавно принятых работников, но и с точки зрения доплат за организацию практик обучающихся на предприятии,

-единоразовые стимулирующие выплаты, например, за проведение экскурсии на предприятии, участие в конкурсных комиссиях по отбору лучших проектов обучающихся, связанных с повышением эффективности деятельности данного предприятия и т.п.,

-согласие на оформление внешнего совместительства штатному работнику предприятия с целью ведения педагогической или научной деятельности в учебном заведении, которое взаимодействует с данным профильным предприятием и т.д.

Наиболее эффективным вариантом в данном случае, следует признать возможность сочетания материального и нематериального стимулирования с точки зрения принципов социального инвестирования в сфере услуг и потенциала для его реализации в условиях конкретного предприятия или даже отрасли. Кроме того, необходимо принимать во внимание тот факт, что чем выше потребность в обеспечении кадрами, тем больше затрат необходимо предпринять в рамках достижения, прежде всего, социальной эффективности

ранней профориентационной деятельности. Одной из ключевых гарантий, которые могли бы служить залогом успешности ранней профориентационной деятельности, следует признать практико ориентированный подход к организации взаимодействия с потенциальными будущими работниками. В данном случае необходимо минимизировать теоретические обсуждения и выступления к слушателям в пользу выполнения определенных практических заданий, результаты выполнения которых могли быть не только полезны самому предприятию или организации, но и способствовали бы повышению интереса к организации. Еще одним важным системным элементом профориентационной деятельности корпоративного характера следует признать высокий уровень интерактивности и доступности самого теоретического материала и практических заданий. Формулировки понятий и терминологическая база должны максимально соответствовать уровню знаний той или иной категории обучающихся, быть максимально понятными с точки зрения последующей самостоятельной работы и т.д. Таким образом, ранняя профориентационная деятельность, в условиях роста дисбаланса спроса и предложения на российском рынке труда, становится весьма значимым инструментом социального инвестирования как в отдельных секторах сферы услуг, так и с точки зрения повышения роли некоторых услуг в повышении эффективности управления персоналом на российских предприятиях.

Не менее важным, с точки зрения трансформации подходов к управлению персоналом в новых экономических условиях, следует признать повышение уровня социальной ответственности не только самого бизнеса, что уже активно осуществляется в российских условиях, но и каждого конкретного работника с точки зрения его общественного поведения, участия в решении значимых социально-экономических проблем общества, в организации и проведении мероприятий различного уровня, направленных на реализацию целей политики государства в сфере спорта, культуры, демографии, сохранения традиционных ценностей и т.д.

В связи с этим на рисунке 4.4, в качестве отдельного направления социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения повышения эффективности управления персоналом, обозначается необходимость поиска взаимосвязи между мотивационными программами предприятия, которые направлены на развитие системы материального и нематериального стимулирования работников в целях исключительно коммерческого характера, и учетом достижений самого работника вне основной производственно-хозяйственной деятельности. В качестве примера в данном случае можно привести добровольческую деятельность, связанную с участием работника организации в различного рода социальных проектах, не входящих в состав программ корпоративной социальной ответственности данной организации, чаще всего на безвозмездной основе, которая фактически никак не взаимосвязана с уровнем его поощрения в рамках внутренних корпоративных программ. Предполагается учитывать внепроизводственную, социально значимую деятельность работника в рамках формирования мотивационной политики организации, что, однако, требует разработки инструментария оценки уровня корреляции вклада самого работника в выполняемый социально значимый проект, а также экономическое обоснование величины предполагаемых выплат, в случае включения их в размер персонального материального вознаграждения. В связи с этим следует признать необходимость разработки универсального алгоритма, который позволил бы учитывать непроизводственную социальную деятельность работника и уровень его вознаграждения.

Повышению привлекательности организации или предприятия для конкретного работника способствуют сразу несколько обозначенных ранее направлений социального инвестирования в сфере услуг, в том числе: развитие корпоративного спорта и рост его значимости в рамках мотивационных программ персонала, использование адаптивного подхода к организации режима рабочего времени за счет возможностей технологических инноваций и ряд других.

Ориентация на подобного рода направления, связана, в том числе, с упомянутой ранее нехваткой кадров на российском рынке труда в связи с воздействием целого ряда факторов негативного характера в среднесрочной временной перспективе, а также соответствует общим принципам формирования организационной культуры, учитывающей не только интересы руководства компании, но и самих работников. Например, стимулирование программ поддержки корпоративного спорта может рассматриваться в качестве дополнительных преференций для самого работника, особенно если спорт в целом или какой-либо отдельный вид спорта представляет для него повышенный интерес с точки зрения саморазвития, хобби или семейных ценностей. С другой стороны, чем выше вовлеченность работников в спортивные и спортивно-оздоровительные мероприятия, тем выше потенциальный уровень их здоровья, что способствует снижению расходов по оплате листов временной нетрудоспособности, простоев в деятельности основных технологических процессов, в случае отсутствия возможности по замене заболевшего работника, сокращению производственного травматизма в связи с низким уровнем иммунитета у работника, обусловленного в том числе недостаточным уровнем физической активности и т.д. Еще больший, в том числе экономический, результат приносит оптимизация режима рабочего времени за счет возможностей технологических инноваций, в том числе за счет эффективного использования дистанционных технологий и гибридного формата трудовой деятельности.

Более сложными, с методологической точки зрения, выглядят такие направления как унификация подходов к управлению персоналом в рамках кооперационного взаимодействия экономических субъектов (например, социальное инвестирование в процесс управления персоналом в условиях кластерного взаимодействия) и развитие интегрированных экосистем, направленных на повышение эффективности управления персоналом на национальном и международном уровне на основе инструментов социального инвестирования в сфере услуг.

5. Практические аспекты социального инвестирования в условиях цифровизации сферы услуг

5.1 Формирование алгоритма кооперационного взаимодействия государства и бизнеса на основе инструментов социального инвестирования в сфере услуг

В предыдущих параграфах диссертационного исследования, связанных с характеристикой роли человеческого капитала и управления персоналом в формировании ресурсного обеспечения сферы услуг и их значением для системы социального инвестирования, практически не уделялось внимания такому важному методическому аспекту как направленность социального инвестирования с точки зрения масштаба осуществления инвестиционной деятельности. В соответствии с представленной ранее, во второй главе работы, классификацией систем социального инвестирования в сфере услуг разделение по масштабу предполагает выделение систем на локальном (муниципалитет), региональном (субъект РФ), национальном (РФ), международном (иностранные государства), межрегиональном (международные интеграционные образования) уровнях.

Анализируя ряд отечественных научных источников (Бердникова Л.Ф. [66], Бухарцева Н.Г. [77], Дорогина М.В., Алабина Т.А. [143], Жураховский С.Н. [155], Золотарчук В.В., Золотарчук А.В. [161], Насибуллин Э.Н. [234], Осипова А.Н. [245], Синицина В.В. [281], Назарова Е.А. [307], Янченко Е.В. [365]), раскрывающих практические аспекты социального инвестирования в развитие человеческого потенциала и повышение эффективности управления персоналом, можно отметить, что подавляющее большинство авторов склоняются к оценке социального инвестирования и развития данного ресурса сферы услуг на региональном и национальном уровне, т.е. предполагают финансирование в рамках государственных программ социальной политики

или корпоративной социальной ответственности бизнеса. Фактически речь идет исключительно о социальном инвестировании внутри российской экономической системы, что, конечно же, с одной стороны, соответствует интересам и принципам развития социального государства в нашей стране, а с другой стороны – сокращает потенциальные варианты устранения дисбаланса на российском рынке труда, связанные с нехваткой квалифицированных кадров для обеспечения роста российской экономики.

Улучшение демографических показателей и рост уровня миграционных потоков в настоящее время также не представляется возможным на том предельном уровне, который позволил бы добиться улучшения макроэкономических показателей по целому ряду причин. Среди данных причин можно отдельно отметить: падение уровня рождаемости в большинстве регионов РФ, низкий уровень прироста продолжительности жизни, особенно в условиях сельской местности и малых городских поселений, высокий уровень производственного и бытового травматизма, снижение притока мигрантов из-за нестабильности национального курса российской валюты и ряд других.

Отдельную опасность представляет собой наличие неконтролируемых или слабо регулируемых миграционных потоков из стран ближнего зарубежья, уровень трудовых ресурсов которых не только не соответствует растущим запросам предпринимательского сектора российской экономики на высококвалифицированных работников не только с высшим, но и со средним специальным образованием, но и создает весьма значимую угрозу с точки зрения основ национальной безопасности, потенциальной террористической угрозы и отрицательного влияния на сохранение культуры и традиционных ценностей народов нашей страны.

Вместе с тем, при отсутствии потенциала для роста величины человеческих ресурсов на внутреннем рынке из-за сложной демографической ситуации, ориентация на социальное инвестирование за пределами страны

может иметь определенные преимущества, однако, при соблюдении целого ряда принципов, к числу которых следует отнести:

-принцип системного подхода, который предполагает наличие четкого целеполагания в сфере социального инвестирования, использования структурного подхода к организации социального инвестирования, осуществление вложений на всех уровнях системы социального инвестирования, а не фокусирования внимания на отдельных составных элементах системы,

-принцип приоритета собственных интересов субъекта социального инвестирования в сфере услуг, определяющего главенствующую значимость социально-экономических целей субъекта инвестирования над интересами всех других участников процесса инвестирования,

-принцип необходимости соблюдения интересов других участников процесса социального инвестирования в сфере услуг, который коррелируется с предыдущим принципом и предполагает необходимость выработки оптимальных управленческих решений, которые удовлетворяли бы всех участников процесса социального инвестирования в сфере услуг,

-принцип экономичности, в соответствии с которым необходимо стремиться к минимизации затрат, связанных с процессом социального инвестирования, удерживая необходимый баланс интересов с точки зрения соотношения «уровень социальных инвестиций – качество предоставляемых услуг», в том числе за счет использования инновационных технологий и цифровых решений как с точки зрения вложения в инфраструктуру социальных объектов, так и с точки зрения инвестиций в информационное и организационное сопровождение выбранных социальных проектов,

-принцип партнерских отношений при реализации социального инвестирования в сфере услуг предполагает использование схем государственно-частного партнерства и кооперационного взаимодействия, где, преимущественно, финансирование социальных проектов будет происходить за счет средств предпринимательских структур при

одновременной административной, нормативно-правовой, информационной и т.п. поддержки со стороны государства – инициатора проекта социального инвестирования в сфере услуг,

-принцип дискретности в выборе услуг в качестве объекта социального инвестирования обуславливает необходимость выбора отдельных услуг, которые могут быть востребованы в условиях конкретного социального проекта,

-принцип срочности, который определяет необходимость установления конкретных сроков социального инвестирования в зависимости от уровня масштабности самого социального проекта или их совокупности, что также подразумевает наличие определенной дорожной карты – организационного плана реализации социальных инвестиций.

С учетом заявленных принципов и их характеристики применительно к процессу социального инвестирования в сфере услуг, автор считает целесообразным привлечение инвестиций в развитие образовательных услуг на территории дружественных стран на основе кооперационного взаимодействия российского государства, отечественного бизнеса и принимающей стороны в целях формирования и развития человеческого капитала и человеческих ресурсов, которые могли быть востребованы в качестве персонала российских предприятий не только за рубежом, но и на территории РФ в рамках контролируемых официальных миграционных потоков.

Процесс проектирования и оказания образовательных услуг должен носить системный характер и предполагать формирование стабильно функционирующей социально-образовательной системы как результата социального инвестирования в сфере услуг на основе партнёрского и кооперационного взаимодействия всех заинтересованных сторон.

Основой данной системы должны быть образовательные услуги, которые необходимы для подготовки высококвалифицированных, прежде всего рабочих, кадров как для отечественных предприятий, в случае их

присутствия на зарубежных рынках дружественных стран, так и для всей национальной экономики в случае интенсификации миграционных потоков из страны, где реализуется проект социального инвестирования в сфере услуг. Однако, в данном случае, важно подчеркнуть социальный характер осуществляемых инвестиций, который предполагает проведение культурных мероприятий, пропаганду и продвижение русского языка как международного инструмента межкоммуникационного и кросс - культурного взаимодействия в условиях глобализационных процессов и региональной интеграции, социальную поддержку семей обучающихся и т.д. В связи с этим необходимо говорить именно о социально -образовательной системе как объекте для социального инвестирования в сфере услуг, формирование и развитие которой будет способствовать решению многих общих целей всех ее основных участников.

С учетом необходимости использования системного подхода к формированию подобного рода системы, необходимо предусмотреть различные альтернативные варианты осуществления социальных инвестиций, которые охватывали бы максимальное количество уровней, в рамках которых реализуются образовательные услуги (таблица 5.1). Представленная таблица, как видно из наименований самих граф, ориентирована, прежде всего, на учет интересов предприятия – участника проекта в связи с преобладанием именно частного финансирования в рамках подобного рода социального инвестирования в сфере услуг. В связи с этим органы государственной власти РФ должны принимать во внимание не только социальные и общественно - политические аспекты результаты социального инвестирования в образовательные услуги, но и задумываться об экономической целесообразности подобного рода вложения.

На взгляд автора, таблица, прежде всего, с точки зрения уровня приоритетности в случае превалирования государственного участия в виде прямого финансирования проекта, имела бы несколько другой вид и была бы ориентирована, скорее, на развитие среднего образования и учреждений ВО.

Таблица 5.1

Потенциальные объекты социального инвестирования в сфере социально-образовательных услуг в рамках предлагаемого проекта (авторские разработки)

№	Уровень образования	Альтернативные варианты осуществления социальных инвестиций, расположенные в порядке значимости для субъекта инвестирования	Место в рейтинге с точки зрения уровня затрат (в группе\общий рейтинг)	Приоритетность в рамках предлагаемого проекта социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения предприятия -партнера проекта
1	Дошкольное образование и дополнительное образование детей	1.1 – реализация отдельных курсов по изучению русского языка для дошкольников	4/17	Низкая приоритетность в связи с ориентацией системы на подготовку человеческих ресурсов для рынка труда. Имеет дополнительный характер при условии успешной реализации самого проекта в качестве одного из направлений программы КСО предпринимательской структуры – партнёра проекта.
		1.2 – проведение общекультурных и просветительских мероприятий, связанных с культурой, историей и традиционными ценностями России	5/15	
		1.3 – открытие отдельных классов в дошкольных образовательных учреждениях	3/12	
		1.4 – строительство объектов дошкольного образования на принципах ГЧП с местными органами власти	2/8	
		1.5 – строительство собственного подведомственного объекта\ объектов дошкольного образования	1/2	
2	Среднее образование и дополнительное образование школьников	1.1 – реализация отдельных курсов по изучению русского языка для школьников	3/16	Средний уровень приоритетности в связи с ориентацией системы на подготовку человеческих ресурсов для рынка труда. Имеет дополнительный характер при условии успешной реализации самого проекта в качестве одного из направлений программы
		1.2 – проведение общекультурных и просветительских мероприятий, связанных с культурой, историей и традиционными ценностями России, организация конкурсов и олимпиад на знание основ российской государственности	4/14	

		1.3 – организация ранней профориентационной деятельности среди обучающихся в национальных общеобразовательных учреждениях	5/23	КСО предпринимательской структуры – партнёра проекта.
		1.4 – финансирование открытия технических и инженерных классов в школах и лицеях, ориентированных на последующее трудоустройство обучающихся на предприятии -партнере проекта	2/7	
		1.5 – строительство собственных подведомственных школ	1/1	
3	Среднее профессиональное образование	1.1 -организация профориентационной и просветительской деятельности в местных учреждениях СПО	5/24	Максимальный уровень приоритетности обусловлен необходимостью обеспечения человеческими ресурсами как предприятия -партнера проекта, так и российского рынка труда в целом в связи с нехваткой именно персонала по рабочим профессиям. Максимальное тесное взаимодействие с местными учреждениями СПО, ориентированных на подготовку инженерных и технических специалистов
		1.2 – организация прохождения различных видов практики обучающимися на предприятии -партнере проекта	4/22	
		1.3 – поддержка в организации повышения квалификации кадрового состава местных учреждений СПО	3/18	
		1.4 – помощь и поддержка в обновлении материально-технической базы местных учреждений СПО	2/11	
		1.5 – финансирование ресурсного обеспечения отдельных образовательных программ местных учреждений СПО, включая целевой прием	1/6	
4	Высшее профессиональное образование	1.1 - проведение мастер-классов и гостевых лекций для обучающихся местных учреждений ВО	4/21	Высокий уровень приоритетности также, как и в предыдущем случае, связан с обеспечением потребности в высококвалифицированных кадрах. Однако, весьма высок риск того, что подготовленные кадры не заинтересуют ни предложения самого
		1.2 – организация прохождения различных видов практики обучающимися на предприятии -партнере проекта	5/25	
		1.3 – помощь и поддержка в обновлении материально-технической базы местных учреждений ВО	3/10	

		1.4 – финансирование ресурсного обеспечения отдельных образовательных программ местных учреждений ВО, включая целевой прием	2/5	предприятия, на условиях трудовой деятельности на российском рынке труда
		1.5 – финансирование открытия филиала российского ВУЗа, осуществляющего подготовку кадров по направлениям, актуальным для предприятия -партнера проекта	1/4	
5	Профессиональная переподготовка и повышение квалификации	1.1 – проведение мастер-классов и гостевых лекций работников предприятия -партнера проекта	5/20	Высокий уровень приоритетности обусловлен возможностью коммерциализации собственных научно-практических разработок, что может вести к поиску источников для частичного самофинансирования проекта. При этом в качестве преимуществ данной деятельности может выступать как уникальность самих разработок, так и массовый характер предоставляемых услуг в сфере ДПО, а также их доступность для слушателя
		1.2 – участие работников предприятия -партнера проекта в организации программ повышения квалификации и переподготовки на базе местных учреждений СПО и ВО	4/19	
		1.3 – организация приглашения ведущих российских специалистов для их участия в программах повышения квалификации и переподготовки на базе местных учреждений СПО и ВО	3/13	
		1.4 – открытие собственных курсов повышения квалификации и переподготовки на базе предприятия - партнера проекта совместно с одним из учреждений российской образовательной системы	2/9	
		1.5 - создание корпоративного университета, работающего в гибридном формате (очное и дистанционное обучение)	1/3	

Из представленной таблица также становится очевидным возможность выбора альтернативных вариантов социального инвестирования в сфере социально-образовательных услуг по следующим траекториям:

-выбор только одного объекта инвестирования на одном уровне образовательной системы (например, исключительно финансирование ресурсного обеспечения отдельных образовательных программ местных учреждений СПО, включая целевой прием в связи с нехваткой тех или иных рабочих кадров на самом предприятии),

-выбор нескольких объектов инвестирования на одном уровне образовательной системы (например, проведение мастер-классов и гостевых лекций для обучающихся местных учреждений ВО и организация прохождения различных видов практики обучающимися на предприятии - партнере проекта в связи с их тесной взаимосвязью и значимостью в процессе подготовки кадров),

-выбор различных объектов инвестирования на различных уровнях образовательной системы (например, проведение мастер-классов и гостевых лекций работников предприятия -партнера проекта и поддержка в организации повышения квалификации кадрового состава местных учреждений СПО в связи с их функциональной взаимосвязью),

-и, наконец, выбор различных объектов инвестирования на каждом уровне образовательной системы, который представляется, по мнению автора, наиболее приоритетным с точки зрения системного подхода к процессу социального инвестирования, так как данный вариант обеспечивает максимальное достижение целей как самого предприятия – участника проекта, так и российского государства.

Осуществляя данный выбор, конечно же необходимо учитывать многие факторы, в том числе и объем социальных инвестиций, что нашло свое отражение в таблице в виде группового и совокупного рейтингов, полученных на основании использования инструментов экспертной оценки.

Несмотря на достаточно большой круг заинтересованных сторон в возможной реализации описанного выше проекта социального инвестирования принципиальным следует признать участие трех ключевых акторов, участвующих в инвестиционном процессе:

-государство – инициатор проекта социального инвестирования (государство-донор), направленного на повышение эффективности управления персоналом и рост человеческого капитала на зарубежном рынке дружественной страны, которое, по ряду причин, прежде всего социального и политического, заинтересовано в осуществление инвестиций в социально-образовательную систему данного государства. В качестве такого государства в диссертационном исследовании автор считает необходимым рассматривать РФ, имеющую значительные интересы с точки зрения расширения своего присутствия и влияния по отношению к дружественным странам не только ближнего, но и дальнего зарубежья. Реализация проектов социального инвестирования в сфере услуг должно стать предметом межведомственного взаимодействия целого ряда федеральных министерств и ведомств, включая Министерство иностранных дел РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство просвещения РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство труда и социальной защиты РФ и другие.

-предпринимательская структура из числа крупного бизнеса, имеющая определенные экономические интересы, прежде всего, с точки зрения доступа к ресурсной базе и возможности развития дополнительных рынков сбыта для собственной продукции на рынках дружественных стран и готовая к реализации программ корпоративной социальной ответственности совместно с органами государственной власти РФ в контексте выделения финансирования для реализации совместных проектов в области социального инвестирования в сфере услуг. В данном случае, как уже упоминалось ранее, предполагается социальное инвестирование в развитие услуг социально-образовательной системы на территории дружественной страны, которая бы

отвечала интересам всех трех заинтересованных сторон проекта. К числу такого рода предпринимательских структур можно отнести крупные компании, функционирующие в промышленном сегменте российской экономики, связанные с добычей и последующей переработкой полезных ископаемых и минерального сырья и имеющие стратегическое значение для нашего государства. Среди таких потенциальных компаний -участников проекта социального инвестирования в сфере услуг могут быть названы «Газпром», «Лукойл», «Роснефть», «РусГидро», «Интер РАО», «Росатом» и ряд других.

-государство, на территории которого планируется реализация проекта социального инвестирования в сфере услуг (государство -реципиент), которое представляет определенный интерес как для государства – донора, так и для предпринимательской структуры – партнера проекта. Важным условием выбора данного государства является относительно высокий или средний уровень социально-экономической и политической стабильности, что гарантирует юридическую и экономическую безопасность будущим вложениям в развитие определенных услуг, которые станут объектом для социального инвестирования. Среди такого рода дружественных стран можно отметить большинство стран Азии (Бангладеш, Индия, Шри-Ланка, Мьянма, Индонезия и другие) и Африки (Республика Конго, Нигерия, Экваториальная Гвинея, Мали, Камерун, Мозамбик и другие), чьи трудовые ресурсы могут быть активно востребованы российским государством и отечественным частным бизнесом в контексте обеспечения собственного опережающего экономического роста. Однако, в данном случае, предполагается выбор оптимального государства-реципиента со стороны двух других участников партнерских отношений с позиции стремления к достижению максимизации возможных эффектов от социального инвестирования в сферу услуг.

Также в качестве важного, прежде всего с организационной точки зрения, участника социального инвестирования в данном проекте следует признать негосударственную некоммерческую организацию, за которой могут

закреплены функции, связанные с координацией деятельности всех участников проекта, осуществления непосредственного распределения полученного финансирования как в инфраструктурные объекты, так и в процесс проектирования и оказания соответствующих услуг, первичный (внутренний) анализ и контроль за процессом социального инвестирования, продвижение и брендинг проекта как на внутреннем рынке дружественной страны, так и в российских условиях и ряд других направлений деятельности.

С точки зрения социального инвестирования в сфере услуг, данная проблематика может быть предметом взаимного интереса со стороны государства и бизнеса при условии готовности первого на осуществление инвестиционных вложений социального характера на международном уровне, а не на внутреннем рынке, при одновременном ограничении в том, что срок окупаемости социальных инвестиций будет находиться как минимум в среднесрочной временной перспективе, и возможности второго в контексте наличия инвестиционных ресурсов, которые могут быть направлены на социальные проекты, результаты реализации которых не всегда могут быть строго монетизированы. Необходимо учитывать и специфические риски третьей – принимающей стороны, к числу которых можно отнести:

- усиление влияния России на внутривнутриполитическую ситуацию внутри страны, что может быть неоднозначно оценено как со стороны внутренней оппозиции существующей местной власти, так и со стороны противников нашей страны среди недружественных государств Запада,

- потенциальный риск повышения уровня социально-экономического и политического воздействия российского бизнеса на текущую социально-экономическую обстановку, который может привести к дисбалансу экономических интересов между национальными компаниями и российским бизнесом, а при слабости внутреннего антимонопольного законодательства - к монополизации национальных рынков и снижению уровня автономности финансовой системы,

-повышение уровня влияния российской культуры и системы традиционных ценностей на местное сообщество, что может привести к возможному столкновению на межнациональной основе и понизить значение предлагаемого проекта социального инвестирования,

-прочие риски, связанные с реализацией проектов по социальному инвестированию. Например, полученные знания и навыки могут быть использованы для поддержки или, даже, организации протестных движений против представителей национальной власти, особенно в условиях высокого уровня коррупции в стране – реципиенте.

Вместе с тем необходимо отметить и ряд несомненных преимуществ такого рода социального инвестирования с точки зрения как бизнеса и российского государства, так и с точки зрения соблюдения интересов государства, на территории которого будет происходить реализация проекта социального инвестирования в сфере (государство-реципиент) (таблица 5.2).

Таблица 5.2

Преимущества социального инвестирования в сфере услуг, направленного на повышение эффективности управления персоналом и рост человеческого капитала на международных рынках дружественных стран
(авторские разработки)

№	Государство	Частный бизнес	Государство- реципиент
1	Возможность превентивного регулирования объемов и структуры миграционного потока	Наличие стабильного количества рабочей силы в условиях дисбаланса на международном и национальном рынке труда	Положительное влияние на развитие рынка труда страны и сокращение официального уровня безработицы
2	Повышение экспорта образовательных услуг на рынке дружественных стран по различным уровням образования	Сокращение командировочных расходов, связанных с посещением зарубежных филиалов, дочерних компаний, выполнением проектной деятельности за рубежом.	Наличие инвестиций в социальную инфраструктуру, отдельные объекты социального назначения, которые могут быть в последующем использованы на

			принципах коллективного доступа для всех граждан страны-реципиента
3	Расширение возможностей для культурной экспансии, представления российских традиционных ценностей	Сокращение расходов на адаптацию российских работников в случае их выезда в зарубежные филиалы	Повышение уровня человеческого капитала и человеческого потенциала страны за счет российских социальных инвестиций
4	Рост заинтересованности в освоении русского языка как ключевого коммуникативного средства взаимодействия в различных странах мира	Сокращение расходов по поиску и отбору персонала за рубежом из числа местных жителей	Возможность модернизации и совершенствования собственной национальной системы подготовки кадров с учетом полученного опыта
5	Потенциальное решение демографических проблем за счет мигрантов, владеющих русским языком и имеющих необходимые профессиональные, прежде всего, инженерные, компетенции в стратегически важных отраслях национальной экономики	Повышение имиджа и деловой репутации компании на рынке дружественной страны, возможность для диверсификации и расширения бизнеса	Положительное влияние на решение собственных социальных проблем, стоящих перед обществом, в том числе снижение уровня преступности, снижение величины бедности, борьба с безграмотностью и т.д.
6	Повышение имиджа российского сектора услуг, возможность продвижения целого комплекса услуг, напрямую несвязанных с данным проектом социального инвестирования (например, медицинских и лечебно-оздоровительных услуг и т.п.)	Возможность формирования единой корпоративной организационной культуры и единого стиля организационного поведения	Частичное решение проблемы перенаселения и повышения доходов местных жителей в случае роста миграционного потока в РФ
7	Расширение влияния РФ как гаранта обеспечения международной стабильности, глобальной	Стратегическое развитие партнерских и кооперационных взаимоотношений	Расширение партнерского взаимодействия с РФ в социально-

	безопасности и реализации прав стран Глобального Юга на национальный суверенитет		экономической, гуманитарной и других сферах
--	--	--	---

Как видно из представленных положений, преимущества социального инвестирования в повышение эффективности управления персоналом и рост человеческого капитала на международных рынках весьма очевидны. Естественно, что социальный характер инвестирования не дает четких гарантий получения дохода для частного бизнеса, как минимум в краткосрочной перспективе, так и требует соблюдения принципов рациональной экономии со стороны государства при реализации подобного рода международных проектов. Кроме того, необходимо принимать во внимание тот факт, что осуществлять подобного рода инвестиционные вложения смогут лишь представители крупного российского бизнеса при соблюдении целого ряда условий.

Вместе с тем предлагаемый альтернативный вариант государственно-частного партнёрства имеет ряд выгодных отличий по сравнению с уже существующими практиками, в том числе:

- обязательное участие государства как соинвестора снижает риски, связанные с реализацией предлагаемого социального проекта, а также способствует решению проблем на локальном уровне, а участие крупных предпринимательских структур способствует сокращению сроков строительства образовательных учреждений, формированию современной инфраструктуры образовательных учреждений, а также предоставляет возможность для стратегического партнерства между образовательными учреждениями и самой корпорацией в целях решения ее актуальных проблем, связанных с развитием бизнеса на рынке дружественной страны,

- усилия государства скоординированы с деятельностью частного бизнеса с точки зрения определения места локализации самого проекта, выбора страны- дружественного партнера, поиска совместных стратегических

интересов российского государства и бизнеса в условиях дружественных стран, что снижает риск неоправданных государственных инвестиций, даже социальный эффект от которых может не соответствовать планируемым результатам в общественно-политической и культурной сферах,

-предлагаемый проект не ограничивается исключительно формированием человеческих ресурсов в стране пребывания представителей российского бизнеса, он направлен на всестороннее развитие человеческого капитала и человеческого потенциала местного населения, участвующего в данном проекте в качестве получателей социальных услуг, способствует совершенствованию процессов управления персоналом на зарубежных рынках с учетом местных особенностей и менталитета работников,

-реализация проекта может способствовать росту миграционного потока из дружественной страны, которая участвует в данном проекте, в субъекты РФ. При этом данная рабочая сила будет обладать не только современными профессиональными компетенциями, прежде всего в сфере инженерного дела и промышленного строительства, но и будет мотивирована к переезду в нашу страну, так как будет владеть на достаточно высоком уровне русским языком, иметь представление о культурных особенностях, традиционных ценностях и религиозных воззрениях народов, населяющих нашу страну, уметь выстраивать коммуникационные связи с представителями современного российского общества, а также знать основы российского права, т.е. все что необходимо для успешной миграции в страну,

-описываемый проект носит комплексный характер, так как предполагает инвестирование средств не в рамках развития отдельного уровня образования (например, образовательных программ уровня СПО) или на строительство (модернизацию, реконструкцию и т.д.) конкретных одного или нескольких учебных заведений за рубежом, а ориентирован на создание и последующее функционирование социально-образовательной системы, учитывающей интересы российского государства и отечественных бизнес-структур,

-формируемая социально-образовательная система также ориентирована на развитие партнерских взаимоотношений с контактными и целевыми аудиториями внутри дружественной страны, создание определенной экосистемы, которая способствовала бы, в том числе, ее успешной трансформации к условиям локального рынка услуг,

-успешная реализации предложенного социального проекта может положена в основу типовых проектов социального инвестирования, содержательный контент которых, в том числе с образовательной точки зрения, мог бы меняться исходя из потребностей бизнес-структуры – партнера данного проекта.

Необходимо отметить, что процесс социального инвестирования должен быть регламентирован:

-со стороны российского государства – международными договорами о развитии двустороннего или многостороннего сотрудничества между РФ и государством-реципиентом; законодательными нормами, характеризующими миграционный процесс в РФ (в случае возникновения потенциального спроса на вакансии на российском рынке труда со стороны обучающихся); нормативными положениями, регламентирующими порядок осуществления экспорта целого ряда услуг на рынки дружественных стран, в том числе услуг по строительству и ремонту, образовательных услуг, услуг в сфере культуры и т.д.; другими нормативно-правовыми документами,

-со стороны государства –реципиента – международными договорами о развитии двустороннего или многостороннего сотрудничества между государством-реципиентом и РФ; нормативными документами, регламентирующими порядок оказания услуг на территории государства - реципиента, включая национальные стандарты качества, другими нормативно-правовыми документами, регламентирующие деятельность зарубежных некоммерческих организаций и бизнес-структур,

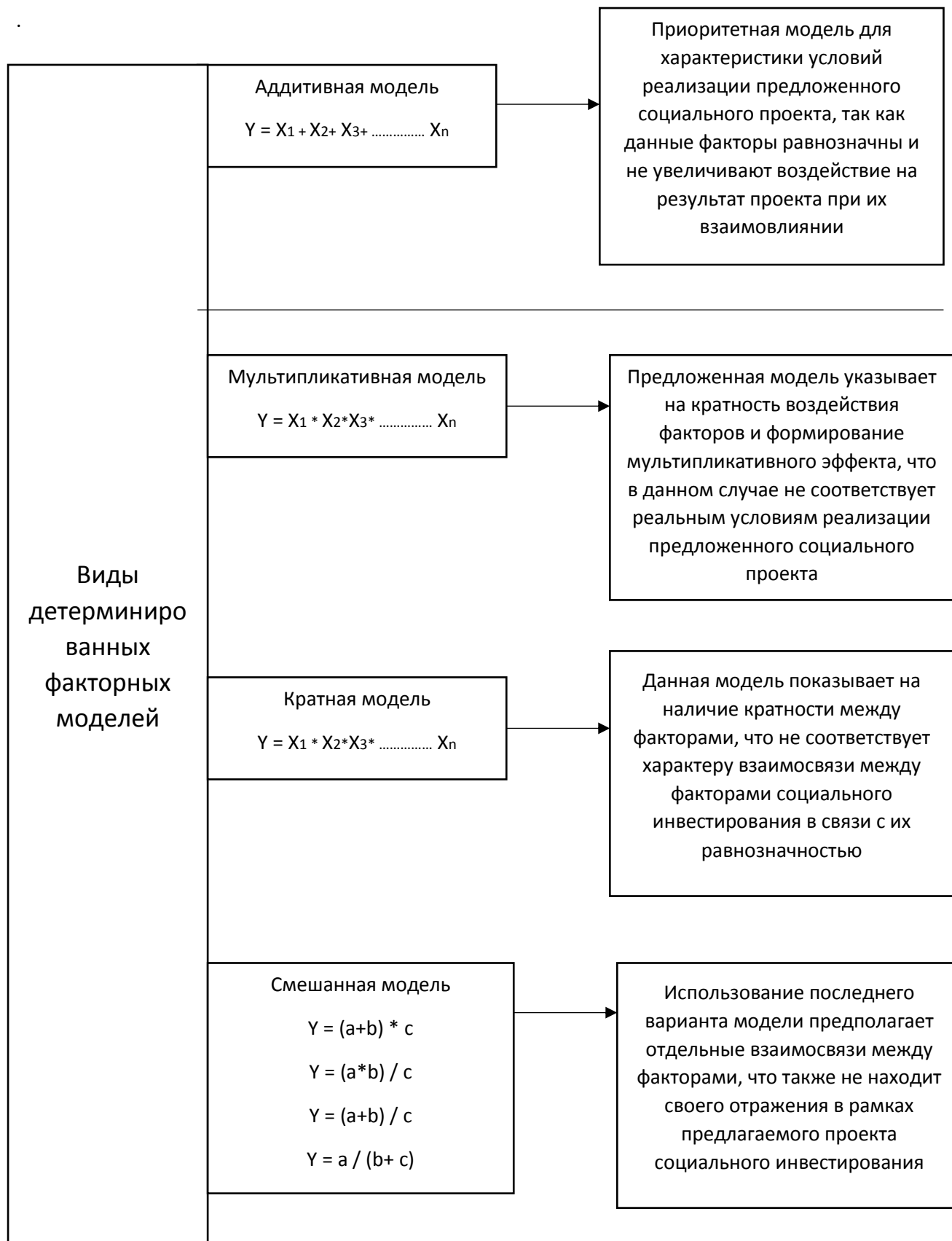

Рисунок 5.1 – Оценка возможностей использования детерминированных факторных моделей для характеристики влияния ряда условий в рамках предлагаемого проекта социального инвестирования в сфере услуг (авторские разработки)

-со стороны частного бизнеса – наличие внутренних регламентирующих документов, определяющих порядок, объемы и последовательность социального инвестирования в сфере услуг, включая наличие: обязательного технико-экономического обоснования социального проекта, прежде всего с точки зрения определения уровня затрат с учетом социально-экономических особенностей страны- реципиента, дорожной карты по реализации социального проекта, стратегии развития социального проекта в среднесрочной перспективе, учитывающей изменение первичных условий, в рамках которых осуществлялось социальное инвестирование в сфере услуг.

Однако, успешность и эффективность социального инвестирования в сфере услуг, направленного на повышение эффективности управления персоналом и рост человеческого капитала на международных рынках дружественных стран, будет зависеть от целого ряда условий, которые необходимо принимать во внимание при оценке целесообразности реализации данного проекта.

Влияние данных принципиальных условий, по мнению автора, можно представить в виде упрощенной детерминированной факторной модели. На основании изучения соответствующей научной литературы ([46], [130], [181] [408],), можно говорить о нескольких возможных вариантах моделирования, практика применения которых в условиях описанного выше проекта проанализирована автором на рисунке 5.1. Как видно из пояснительных комментариев, размещенных в правой части рисунка, в связи с отсутствием очевидных взаимосвязей и прямого взаимовлияния между условиями для осуществления социального проектирования в предлагаемом автором проекте, приоритетным является использование именно аддитивной детерминированной факторной модели.

С учетом настоящих социально-экономических условий и интересов каждого из участников предлагаемого проекта социального инвестирования, факторная модель аддитивного характера, отражающая и описывающая взаимосвязь принципиальных условий инвестирования средств в повышение

эффективности управления персоналом и рост человеческого капитала на международных рынках дружественных стран может быть представлена в виде:

$$Y = K1 + K2 + K3 + L1 + L2 + L3 + L4 \quad (1)$$

где K_1 – наличие готовности к осуществлению социального инвестирования со стороны государства – донора,

K_2 – наличие коммерческих интересов бизнес-структуры в стране-реципиенте,

K_3 – система гарантий для реализации проекта социального инвестирования в сфере услуг со стороны страны – реципиента,

L_1 – уровень риска изменения внутривнутриполитической ситуации в стране-реципиенте (в соответствии с динамикой официальных данных международных рейтингов),

L_2 – уровень инвестиционной привлекательности страны – реципиента (в соответствии с международным рейтингом),

L_3 – уровень коррупции в стране – реципиенте (в соответствии с международным рейтингом),

L_4 – уровень развития рынка образовательных услуг (в соответствии с международными рейтингами).

Представленная аддитивная модель сформирована из двух принципиально разных укрупненных групп факторов:

-основной группы, включающей в себя факторы K_1 , K_2 , K_3 , которые сами представляют отдельные многофакторные системы, которые могут быть описаны с помощью экономико-математических моделей, предполагают использование технологии больших данных для проведения расчетов различных вариантов на основе сценарного подхода, а также инструментов социально-экономического прогнозирования с применением цифровых систем искусственного интеллекта и нейросетей,

-дополнительной группы (факторы L1, L2, L3, L4), которые могут быть измерены количественно и соответствуют данным соответствующих рейтингов, публикуемых в открытой печати и упомянутых ранее в диссертационном исследовании.

Одним из упомянутых основополагающих факторов в данной модели является наличие коммерческих интересов бизнес-структуры в стране-реципиенте. В качестве примера данного фактора можно привести успешную коммерческую деятельность ПАО «Лукойл» в дружественных африканских странах, включая ряд важных проектов (таблица 5.3).

Таблица 5.3.

Обзор крупнейших проектов ПАО «Лукойл» в дружественных африканских странах (составлено на основании [484])

Страна	Краткая характеристика коммерческого проекта
Египет	ЛУКОЙЛ реализует добывающий проект WEEM (West Esh El- Mallaha) в Египте (Восточная пустыня, район города Хургада). В рамках проекта построено несколько важных инфраструктурных объектов, в том числе резервуарный парк общим объемом 9 тыс. м3 и экспортный нефтепровод протяженностью 100 км.
Камерун	В июне 2014 года ЛУКОЙЛ вошел в глубоководный проект на участке Этинде, расположенном на шельфе Камеруна в Западной Африке. Участники: New Age Ltd. — 30% (оператор), ЛУКОЙЛ — 30%, EurOil Ltd. (Bowleven) — 20%, а также камерунская госкомпания Societe Nationale des Hydrocarbures – 20%.
Нигерия	В июне 2009 года была выдана лицензия на разработку блока сроком на 20 лет. Оператором проекта является компания Chevron (Star Ultra Deep Petroleum). Участники: нигерийская госкомпания NNPC — 30%, Oil and Gas Nigeria Limited — 30%, Chevron — 22% (оператор), ЛУКОЙЛ — 18%.
Гана	В марте 2014 года ЛУКОЙЛ вошел в морской глубоководный проект на блоке Тано (Deerwater Tano/Cape Three Points) на шельфе Ганы в Западной Африке.
Республика Конго	В сентябре 2019 года ЛУКОЙЛ приобрел 25%-ю долю в проекте по добыче углеводородов Marine XII на шельфе Республики Конго (Eni – 65%, оператор; Société Nationale des Pétroles du Congo – 10%). Проект на условиях соглашения о разделе продукции со сроком до 2039 года.

Возвращаясь к одной из строк представленной таблицы, необходимо также отметить, что "ЛУКОЙЛ" обсуждает с Республикой Конго возможность вхождения в новые нефтегазовые проекты в этой стране в качестве оператора,

сообщил журналистам вице-президент российской нефтяной компании по Америке, Африке и Ближнему Востоку [485]. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть трехсторонний проект социального инвестирования в сферу услуг между РФ, ПАО «Лукойл» и Республикой Конго. Основные характеристики возможного проекта нашли свое отражение в таблице 5.4.

Таблица 5.4

Основные характеристики предлагаемого проекта социального инвестирования в сфере услуг (авторские разработки)

Параметр и условия проекта социального инвестирования в сфере услуг	Краткая характеристика
Государство, осуществляющее социальное инвестирование	РФ
Предприятие – партнер проекта	ПАО «Лукойл»
Государство-реципиент	Республика Конго
Основные услуги с точки зрения организации и управления системой социального инвестирования	образовательные услуги
Предполагаемые объекты социального инвестирования в сфере услуг (с точки зрения выбранного уровня образовательной системы)	№ 1 – проведение общекультурных и просветительских мероприятий, связанных с культурой, историей и традиционными ценностями России (уровень дошкольного образования),
	№ 2 – организация ранней профориентационной деятельности среди обучающихся в национальных общеобразовательных учреждениях (уровень среднего образования),
	№ 3 – финансирование ресурсного обеспечения отдельных образовательных программ местных учреждений СПО, включая целевой прием (уровень СПО)
	№ 4 – финансирование открытия филиала российского ВУЗа, осуществляющего подготовку кадров по направлениям, актуальным для предприятия -партнера проекта (уровень ВО)
	№ 5 – открытие собственных курсов повышения квалификации и переподготовки на базе предприятия -партнера проекта совместно с одним

	из учреждений российской образовательной системы (уровень ДПО)
Дополнительные услуги с точки зрения организации и управления системой социального инвестирования	-социальные -культурно-просветительские -рекрутинговые -консалтинговые -услуги по повышению имиджа и деловой репутации -рекламные услуги -телекоммуникационные и услуги связи и т.п.
Наличие долгосрочных коммерческих интересов	Проект ПАО «Лукойл» на условиях соглашения о разделе продукции со сроком до 2039 года, что гарантирует долгосрочный характер экономического взаимодействия
Источник финансирования проекта	Средства ПАО «Лукойл» с возможностью использования схем государственно-частного партнёрства с местными и российскими органами государственной власти в зависимости от объекта социального инвестирования в сфере услуг
Организационно-экономические механизмы реализации проекта (в зависимости от объекта инвестирования)	Создание и организация деятельности структурного подразделения, в область функциональных обязанностей сотрудников которого входило бы осуществление социального инвестирования на уровне № 2 и № 5
	Заключение контрактов на проведение мероприятия в рамках социального инвестирования на уровне № 1 в контексте реализации программ КСО предприятия
	Реализация схем государственно-частного партнерства с местными органами государственной власти в рамках социального инвестирования на уровне № 3
	Реализация схем государственно-частного партнерства с российскими органами государственной власти в рамках социального инвестирования на уровне № 4
Срок проекта социального инвестирования в сфере услуг	2025-2035 гг.

С учетом заявленных характеристик проекта, автором сформирован алгоритм кооперационного взаимодействия РФ и ПАО «Лукойл» на рынке Республики Конго, направленный на формирование человеческих ресурсов,

рост уровня человеческого капитала и повышение эффективности управления персоналом на основе инструментов социального инвестирования в сфере социально-образовательных услуг в контексте реализации стратегических приоритетов российского государства и корпоративных социальных программ ПАО «Лукойл» (рисунок 5.2).

Представленный алгоритм учитывает различные организационно-экономические механизмы реализации проекта, которые учитывают специфику каждого объекта социального инвестирования в сфере образовательных услуг и соответственно подчеркивает разную степень участия ПАО «Лукойл» в их организации их финансирования с точки зрения основного социального инвестора. Так, в случае создания специализированного отдела в организационно-штатной структуре зарубежного проекта компании, а также в рамках реализации программ КСО, объем социального инвестирования полностью покрывается за счет средств ПАО.

В случае использования механизмов ГЧП на уровне проектов по поддержке учреждений СПО предполагается разделение финансирования между органами государственной власти Республики Конго и ПАО на условиях, которые бы удовлетворяли обе стороны и, скорее всего, подразумевали бы большую долю финансирования со стороны ПАО «Лукойл» в связи со сложным социально-экономическим положением африканского государства. Вариант же применения схем ГЧП с участием российских органов власти (уровень оказания услуг на базе учреждений высшего образования), по мнению автора, мог быть основан на использовании различных альтернатив осуществления социальных инвестиций – от равной степени участия до привлечения внебюджетных средств российского головного ВУЗа, заинтересованного в открытии филиала на территории Республики Конго. В рамках реализации заявленного алгоритма автором предложена дорожная карта социального инвестирования в сфере услуг с указанием целевых показателей данного проекта (таблица 5.5).

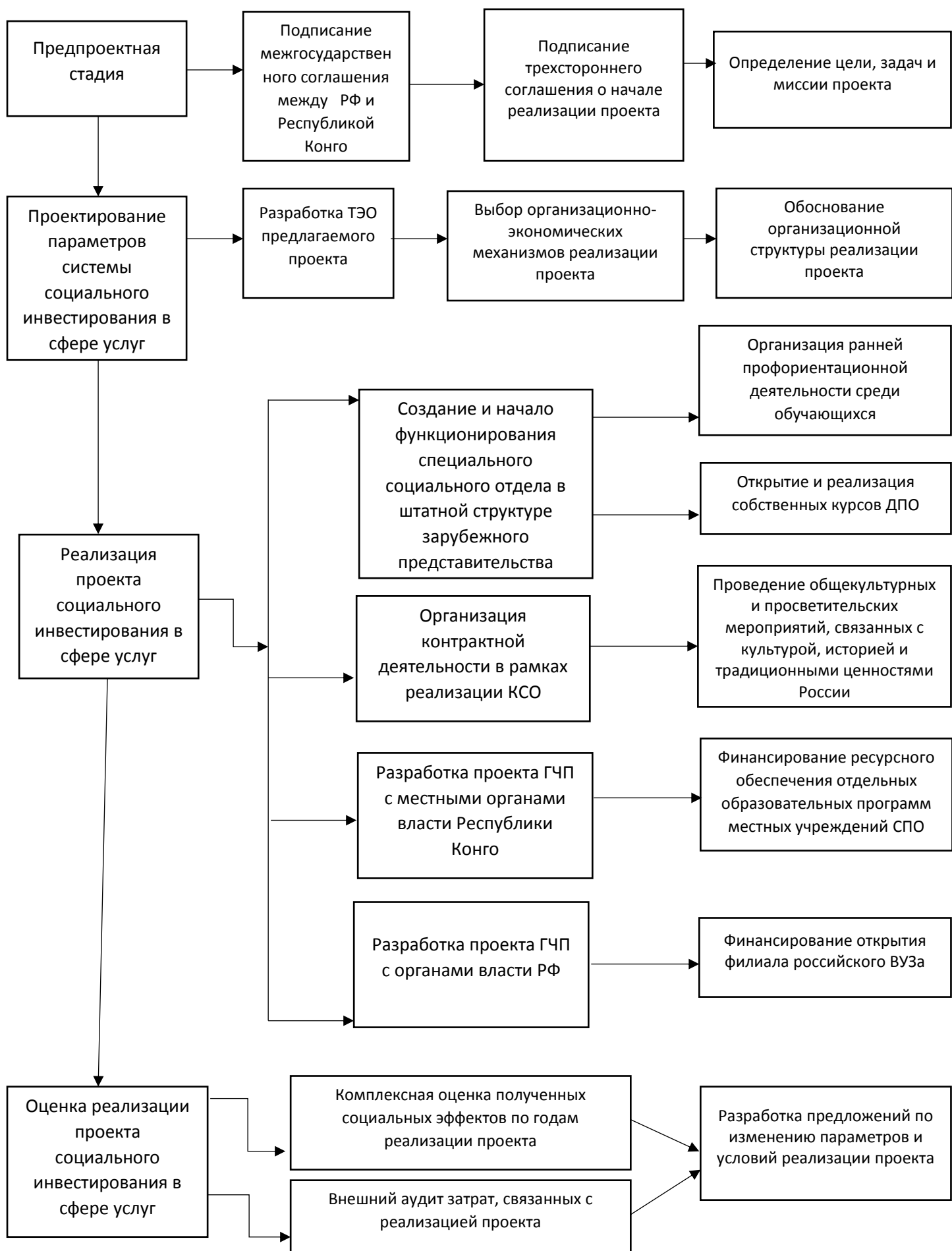

Рисунок 5.2 – Алгоритм кооперационного взаимодействия РФ и ПАО «Лукойл» на рынке Республики Конго на основе инструментов социального инвестирования в сфере услуг (авторские разработки)

Таблица 5.5

Дорожная карта проекта кооперационного взаимодействия РФ и ПАО «Лукойл» на рынке Республики Конго на основе инструментов социального инвестирования в сфере услуг с указанием целевых показателей проекта (авторские разработки)

Наименование этапа проекта	Срок реализации проекта											
	2025 г.	2026 г.	2027 г.	2028 г.	2029 г.	2030 г.	2031 г.	2032 г.	2033 г.	2034 г.	2035 г.	
Подписание межгосударственного соглашения между РФ и Республикой Конго	+											
Подписание трехстороннего соглашения о начале реализации проекта		+										
Определение цели, задач и миссии проекта		+										
Разработка ТЭО предлагаемого проекта			+									
Выбор организационно-экономических механизмов реализации проекта			+									
Обоснование организационной структуры реализации проекта			+									

Организация ранней профориентационной деятельности среди обучающихся				+	+	+	+	+	+	+	+
Целевой показатель № 1 «Количество проведенных профориентационных мероприятий, ед.»				12	18	24	30	36	40	44	48
Целевой показатель № 2 «Доля охвата профориентационными мероприятиями учреждений СПО в стране, %»				20	25	30	35	40	45	50	55
Открытие и реализация собственных курсов ДПО						+	+	+	+	+	+
Целевой показатель № 1 «Количество реализуемых курсов ДПО, ед.»						5	6	7	9	10	12
Целевой показатель № 2 «Количество обучающихся по программам ДПО, ед.»						70	100	150	200	250	300
Проведение общекультурных и просветительских мероприятий,				+	+	+	+	+	+	+	+

связанных с культурой, историей и традиционными ценностями России											
Целевой показатель № 1 «Количество проведенных мероприятий, ед.»				10	15	20	25	30	35	40	45
Целевой показатель № 2 «Уровень удовлетворенности проведенными мероприятиями, % от общего числа респондентов»				Не менее 75	Не менее 75	Не менее 75	Не менее 80	Не менее 80	Не менее 85	Не менее 85	Не менее 90
Финансирование ресурсного обеспечения отдельных образовательных программ местных учреждений СПО							+	+	+	+	+
Целевой показатель № 1 «Количество обучающихся в рамках реализации проекта, чел.»							25	50	75	100	125
Целевой показатель № 2 «Количество образовательных программ,							1	2	3	4	5

<i>участующих в проекте, ед.»</i>											
Финансирование открытия филиала российского ВУЗа								+	+	+	+
<i>Целевой показатель № 1 «Количество обучающихся в рамках реализации проекта, чел.»</i>								100	150	200	250
<i>Целевой показатель № 2 «Количество образовательных программ, участвующих в проекте, ед.»</i>								4	5	6	7
Комплексная оценка полученных социальных эффектов				+	+	+	+	+	+	+	+
Внешний аудит затрат, связанных с реализацией проекта							+		+		
Разработка предложений по изменению параметров и условий реализации проекта					+			+		+	

Реализация заявленного алгоритма и представленной дорожной карты, комплекс мероприятий которых направлен на повышение эффективности управления персоналом и рост человеческого капитала на основе инструментов социального инвестирования в сфере услуг, может быть скорректирован в зависимости от изменения внутренних условий в стране – реципиенте либо в соответствии с изменением параметров государственно-частного партнерства по согласованию уполномоченных органов государственного управления и представителей бизнес-структуры, участвующей в реализации социальных инвестиций в сфере услуг.

Также помимо количественной корректировки представленных выше данных паспорта проекта, возможно изменение качественного обеспечения процесса оказания услуг в рамках социального инвестирования. В качестве примера здесь можно привести внесение изменений в образовательные программы, реализуемые в созданных учебных заведениях в соответствии с требованиями бизнес-структуры, реализующей социальный проект; совершенствование перечня профессий, в том числе переход на обучение по новым, инновационным профессиям, в соответствии с запросами не только национального, но и российского рынка; расширение перечня оказываемых образовательных услуг в связи с ростом спроса со стороны местного населения и т.д.

Реализации предложенных мероприятий будет способствовать достижению основных целей социального инвестирования в сфере услуг, создаст основу для интенсивного роста отечественного рынка услуг за счет повышения уровня его экспортного потенциала, будет способствовать укреплению позиций России в системе мировых экономических отношений.

5.2 Разработка организационно-экономического механизма социального инвестирования на российском рынке услуг медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий

Активное использование цифровых технологий в социальном инвестировании в сфере услуг предполагает наличие комплексных подходов и решений организационно-экономического характера, которые бы позволили не только сформировать ресурсное обеспечение на основе осуществляемой инвестиционной деятельности, но и решить основные вопросы, связанные с кадровым обеспечением инвестиционного процесса, формированием и развитием человеческого капитала, который был бы востребован при системном решении основных социально-экономических проблем общества на национальном и региональном уровне.

Фактически, достижение определенного баланса между социальными инвестициями в развитие цифровых технологий и социальными инвестициями, связанными с трудовыми ресурсами и человеческим капиталом, позволяет обеспечить не только эффективное, но и экономически обоснованное решение и сопровождение многих приоритетных направлений как социальной политики государства, так и корпоративных социальных программ отечественных бизнес-структур.

Одним из таких приоритетных направлений социального инвестирования следует признать сокращение уровня инвалидизации населения РФ, динамика уровня которого оказывает прямое влияние на состояние и структуру рабочей силы в стране. На рисунке 5.3 показана динамика численности инвалидов в России. Однако, говоря об инвалидизации населения РФ, необходимо проводить разграничение не только с точки зрения группы инвалидности, но и с точки зрения природы самого заболевания или причин инвалидизации.

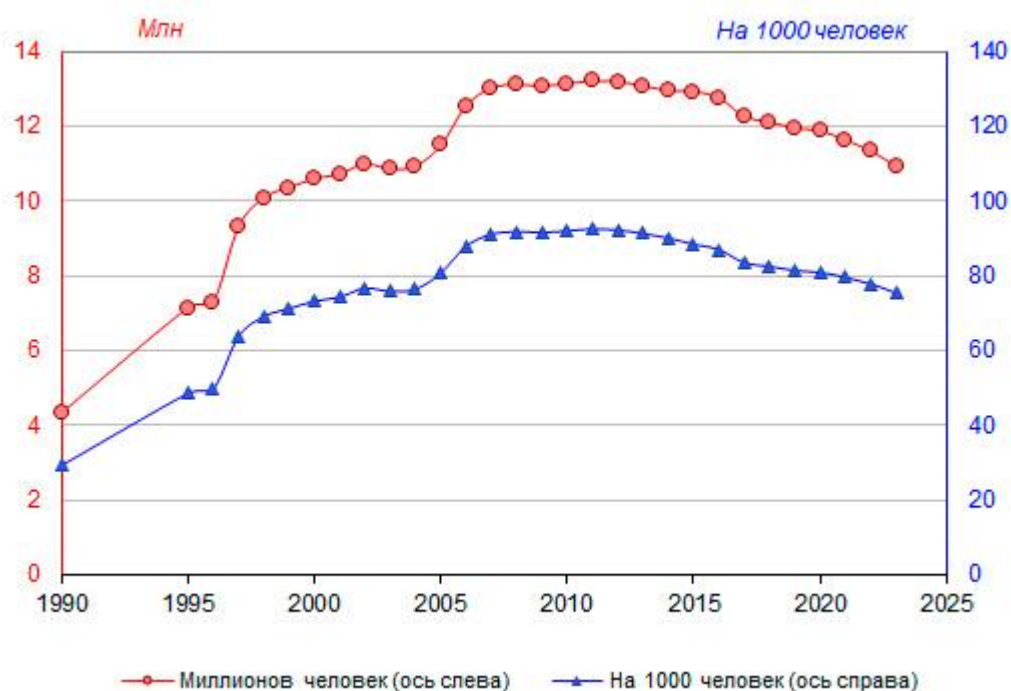

Рисунок 5.3 - Численность инвалидов в России, млн человек в расчете на 1000 человек постоянного населения [453]

К числу таких комплексных социальных проблем инвалидизации современного российского общества следует признать необходимость поиска оптимальных путей решения вопросов медицинского протезирования, прежде всего верхних и нижних конечностей, весьма значительного числа граждан нашей страны в рамках сокращения уровня инвалидизации населения. Не вызывает сомнения тот факт, что развитие рынка медицинского протезирования в целях удовлетворения потребностей собственных граждан страны представляет собой масштабную задачу в контексте развития систем социального инвестирования в сфере услуг.

Масштабность данной проблемы подтверждается и официальными данными. Так, по данным Министерства труда и социальной защиты РФ, ежегодная потребность в медицинском протезировании - 32 тыс. человек с инвалидностью, для этого необходимо около 53 тыс. изделий ежегодно [451].

Кроме того, необходимо учитывать и устойчивый рост данных показателей. Например, в России в 2023 году был зафиксирован рекордный

уровень числа мужчин с инвалидностью в возрасте от 31 до 59 лет. В 2022 году число мужчин с инвалидностью в этой возрастной категории, по официальным данным, составляло 1,67 млн. Таким образом, за год количество таких людей выросло на рекордный за последние восемь лет показатель в 30% — 507 тысяч человек. Предыдущий максимальный уровень числа мужчин с инвалидностью в возрасте от 31 до 59 лет составлял 2 млн человек и был зафиксирован в 2020 году. В 2016 году этот показатель был немного ниже и составлял 1,97 млн. За предыдущие годы информация о числе инвалидов с разбивкой по возрасту не публиковалась [454].

При комплексном решении проблемы необходимо также принимать во внимание, что более половины участников специальной военной операции (СВО), которые проходят медико-социальную экспертизу, имеют ампутации. Из них 80% - ампутации нижних конечностей, остальные 20% приходятся на верхние конечности. По данным замминистра труда и социальной защиты Алексея Вовченко на 2023 г., признаны инвалидами с ампутацией конечностей порядка 54% от всех освидетельствованных [455].

По мнению автора, к числу основных стадий формирования и развития рынка медицинского протезирования в увязке с его технологическим сопровождением, каждая из которых потребует определенного уровня обеспечения социальными инвестициями, следует отнести следующие стадии (рисунок 5.4). При этом говоря о решении данной проблемы и с учетом особенностей и специфики всех перечисленных выше стадий медицинского протезирования, с точки зрения теории социального инвестирования, изначально можно рассматривать два альтернативных варианта действий:

1. Вариант экстенсивного характера – социальное инвестирование в уже существующие проекты и программы, связанные с медицинским протезированием в рамках использования традиционных медицинских технологий как изготовления, так и разработки медицинских протезов верхних и нижних конечностей. С экономической точки зрения, описанная схема

может быть актуальна и оправдана при соблюдении ряда условий, среди которых следует выделить:

Рисунок 5.4 - Основные стадии формирования и развития процесса медицинского протезирования в увязке с его технологическим сопровождением (авторские разработки)

-относительно небольшой спрос на медицинское протезирование на внутреннем рынке при одновременно низких темпах развития экспортной деятельности как альтернативы внутреннему рынку,

-отсутствие роста спроса в среднесрочной и долгосрочной перспективе при одновременно стабильном характере функционирования рынка с весьма низким уровнем конкурентоспособности хозяйствующих субъектов по сравнению с международными аналогами,

-низкий уровень импортозамещения в сфере разработки и производства медицинских протезов, высокая степень зависимости от зарубежных поставщиков медицинского оборудования,

-отсутствие необходимого уровня прямых затрат, в том числе частного бизнеса, на НИОКР в сфере медицинского протезирования,

-существенный уровень государственного финансирования программ медицинского протезирования в государственном и частном медицинском секторе, в том числе высокая степень покрытия расходов на медицинское протезирование за счет программ государственного субсидирования большинству категорий населения,

-низкий уровень ассортимента выпускаемой медицинской продукции, отсутствие взаимосвязи с индивидуальными запросами потребителей услуг, определенные сложности с доступом к получению услуги в зависимости от ряда факторов внешней среды (например, проблема территориальной локализации),

-зачастую, отсутствие системы гарантийного и постгарантийного обслуживания выпущенных медицинских изделий, сложности с заменой комплектующих протеза и т.д.

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о том, что экстенсивный вариант социального инвестирования ориентирован на относительно небольшой, неэластичный по цене спрос со стороны населения на услуги медицинского протезирования при одновременно значительном инвестировании со стороны государства, которые фактически дотирует данный вид экономической деятельности и практически полном самоустранении частного бизнеса в контексте потенциальных программ корпоративной социальной ответственности. Кроме того, невысокий уровень качества медицинских протезов и сложность их получения в краткосрочном периоде снижает потенциал перехода потребителей данных услуг из группы нетрудоспособного населения с наличием определенной категории инвалидности в состав рабочей силы. Кроме того, экстенсивный путь социального инвестирования не предполагает внедрения инноваций в сферу медицинского протезирования на комплексной и системной основе, а, скорее, учитывает возможность адаптации уже существующей системы к внедрению цифровых технологий.

2. Вариант интенсивного характера – прямая противоположность рассмотренной ранее альтернативе традиционного подхода к медицинскому протезированию. В основе данного подхода – внедрение цифровых технологий на всех стадиях, связанных с медицинским протезированием как объектом социального инвестирования в сфере медицинских услуг. В связи с этим возможность обеспечения комплексного подхода к решению данной социально-экономической проблемы предполагает всесторонний анализ каждой технологической стадии медицинского протезирования в увязке с функционированием самого рынка данных услуг.

Второй вариант поведения на рынке медицинского протезирования может быть эффективным при соблюдении следующих условий:

- высокий спрос на медицинское протезирование как на внутреннем рынке, так и ориентация на развитие экспортного потенциала производства медицинских протезов и оказание услуг по сервисному сопровождению в рамках взаимодействия с контрагентами на рынках дружественных стран,

- наличие динамики роста спроса в среднесрочной и долгосрочной перспективе при одновременной готовности хозяйствующих субъектов к повышению уровня инновационной активности и конкурентоспособности выпускаемой медицинской продукции,

- высокий уровень импортозамещения в сфере разработки и производства медицинских протезов, низкая степень зависимости от зарубежных поставщиков медицинского оборудования за счет ориентации на технологический суверенитет,

- наличие определенной пропорции между государственным и частным финансированием программ медицинского протезирования, в том числе высокая степень покрытия расходов на медицинское протезирование за счет программ корпоративной социальной ответственности бизнеса и средств общественных организаций и т.д.

В ходе решения данной проблемы, имеющей долгосрочный и многогранный характер, система социального инвестирования должна

охватывать весь спектр возможных услуг, классифицированных ранее в первой главе диссертационного исследования (рисунок 5.5).

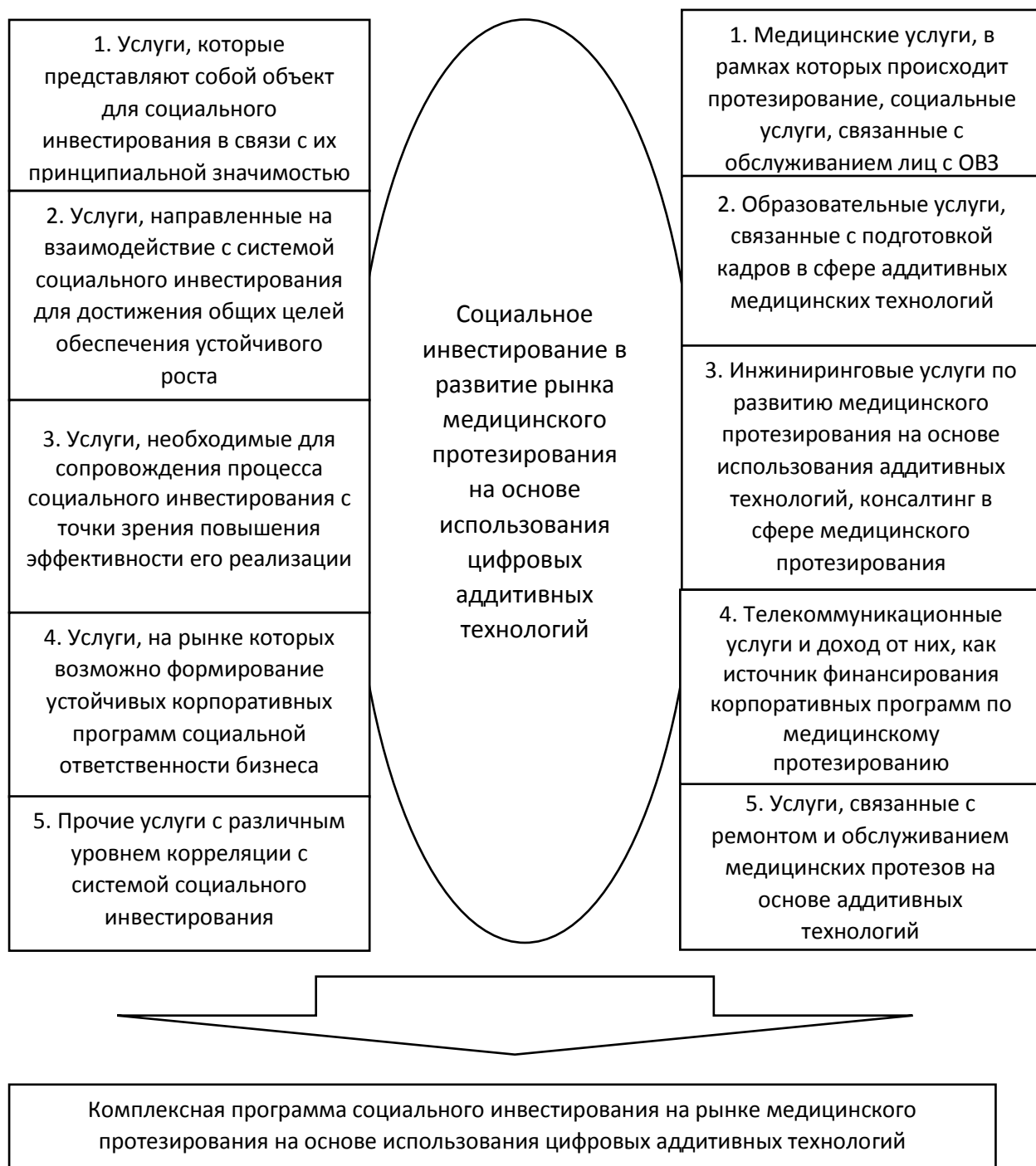

Рисунок 5.5 – Взаимосвязь сферы услуг и комплексного социального инвестирования на рынке медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий (авторские разработки)

Однако, решение проблемы обеспеченности медицинскими протезами при выборе интенсивного пути развития рынка в контексте использования комплексного социального инвестирования на основе применения цифровых аддитивных технологий должно учитывать несколько ключевых факторов влияния, ключевым из которых является ценовой фактор. Цены на медицинское протезирование и услуги, связанные с ним, значительно варьируются в зависимости от конкретной страны или территории получения услуг.

По данным американской аналитической компании Frost & Sullivan, средняя цена современных усовершенствованных протезов варьируется от 5 тыс. долларов до 50 тыс. долларов. Биоэлектрическая кисть *Webionic* стоит более 10 тыс. долларов, бионические протезы для людей с ампутированными конечностями *i-limb* — от 60 тыс. долларов до 120 тыс. долларов [450].

В России же доступны протезы всех разновидностей, начиная от самых простых стоимостью 10 тыс. руб. до бионических, цена которых может достигать нескольких миллионов рублей. Стоимость протеза зависит, прежде всего, от уровня и особенности самой травмы, а также от кастомизации дизайна. Так, активные тяговые протезы (предплечья, кисти, пальцы) стоят 250–400 тыс. руб. Бионические протезы: предплечья — от 700 тыс. руб., предплечья, кисти, пальцы — от 2,3 млн до 4 млн руб., бионика с локтевым модулем — от 2,2 млн до 3,7 млн руб. [450]

Наряду с ценовой политикой на традиционные и инновационные медицинские протезы как определенным существенным барьером с точки зрения эффективности реализации медицинских социальных услуг для большинства граждан нашей страны, можно отметить и такой фактор как срок изготовления медицинского протеза в соответствии с индивидуальными запросами клиента на базе типовых моделей. На рисунке 5.6 представлено сравнительное исследование технологических затрат времени при изготовлении протезов по гипсовой технологии и аддитивному технологическому процессу.

Рисунок 5.6 - Сравнение технологических затрат времени при изготовлении протезов по гипсовой технологии и аддитивному технологическому процессу, в днях [446]

Представленный рисунок наглядно характеризует значительную экономию времени, связанного с производством медицинских протезов на основе использования аддитивных технологий. Фактически фактор времени изготовления протеза в данном случае соизмерим с ценовым фактором, так как в условиях острого дефицита кадров в российской экономике выход из состава рабочей силы достаточного большого количества лиц трудоспособного возраста представляет собой значительный экономический убыток на уровне всей национальной экономики.

Все это необходимо учитывать при выборе возможных инструментов и механизмов социального инвестирования в сфере медицинского протезирования.

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что уже упомянутый в рамках второго варианта рост потребности в медицинском протезировании как в иностранных государствах, так и в России, обеспечен целым рядом причин различного характера, в том числе:

-рост уровня заболеваемости по таким серьезным болезням, приводящих к частичному или полному лишению конечностей, как диабет первого и второго типа, инфекционные заболевания и т.д. Значительное влияние на повышение уровня потребности в медицинском протезировании оказала пандемия коронавирусной инфекции, которая спровоцировала рост такого рода заболеваний, а также способствовала снижению иммунитета даже у людей трудоспособного возраста,

-определенный разрыв между данными официальной статистики по числу пользователей услуг социального медицинского протезирования и реальными потребностями населения. Например, по оценкам аналитиков Агентства инноваций Москвы, потенциальными потребителями ТСР и ассистивных устройств в 2022 году были еще 49,3 млн человек, которые испытывают различные ограничения по здоровью. В первую очередь это люди с нарушениями зрения - 16,5 млн. и мобильности - 13 млн. К 2030 году целевая аудитория рынка медицинского протезирования достигнет 52,8 млн человек. Таким образом, представленные факты свидетельствуют о наличии существенной разницы между фактической емкостью рынка и реальными расходами со стороны государства [450],

-устойчивое повышение количества травм и повреждений в условиях роста числа ДТП, техногенных аварий на промышленном производстве, возникновения чрезвычайных ситуаций природного характера и т.д., которые ведут к повышению спроса на инновационное медицинское протезирование,

-рост числа вооруженных конфликтов в различных странах мира, в рамках которых активно применяется оружие нового поколения, связанное с использованием и внедрением беспилотной авиационной техники, боевых роботов и т.д., действие которых может приводить к потере верхних или нижних конечностей у представителей воюющих сторон значительно чаще, нежели чем в условиях ведения стандартных боевых действий, как это было несколько десятилетий назад.

Основными направлениями возможной комплексной программы социального инвестирования в развитие рынка медицинского протезирования на основе использования преимуществ и потенциала аддитивных технологий следует признать следующие основные направления социально-экономической деятельности (рисунок 5.7).

Рисунок 5.7 – Основные направления комплексной программы социального инвестирования на рынке медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий (авторские разработки)

Рассмотрим представленные выше направления более подробно:

1. Разработка федеральной и региональной нормативно-правовой документации, которая регламентировала бы создание и функционирование организационно-экономического механизма социального инвестирования на рынке медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий, включая определение требований к участникам возможных социальных программ, регламентацию процесса оказания услуг по медицинскому протезированию на возмездной, безвозмездной или смешанной основе, характеристику возможных источников финансирования данного механизма в зависимости от категории получателя услуги, уровня индивидуальных требований к самой услуге, региональных особенностей и т.д. При этом разрабатываемая документация не должна вступать в противоречие с уже существующими нормативными актами как в сфере социального обеспечения населения и предоставления социальных услуг, так и коррелироваться с научно-техническими требованиями к качеству и процессу оказания подобного рода услуг.

2. Помимо регламентирующей нормативной документации, необходим также федеральный мастер-план обеспечения баланса спроса и предложения на рынке медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий, который бы учитывал определенные тенденции роста спроса на протезирование на национальном уровне, необходимость роста выпуска медицинской продукции при одновременном удовлетворении потребности в комплектации научно-производственных центров отечественным оборудованием 3D-моделирования, а также оценивал высокий потенциал для экспорта высокотехнологичной российской продукции при максимизации удовлетворения спроса на внутреннем рынке. При этом акцент должен быть смещен со стратегического планирования на долгосрочную перспективу к определенному набору мастер-планов, определяющих поэтапное развитие рынка в соответствии с целями и задачами социального инвестирования в среднесрочной временной перспективе.

Подобного рода мастер -планы могут быть дифференцированы в зависимости от срока реализации (различное целеполагание с точки зрения временного действия программы социального инвестирования), региональных особенностей (формирование отдельных мастер-планов различного пространственного масштаба) и т.д. Общая направленность мастер-планов, в целом, должна коррелироваться с уже проанализированной ранее в диссертационном исследовании Стратегий развития аддитивных технологий в России до 2030 г. Однако, формирование мастер-планов, в большей степени, должно быть ориентировано на более адаптивный и гибкий сценарный подход, нежели чем на индикативное планирование.

3. Определение институциональных характеристик рынка медицинского протезирования на основе использования аддитивных технологий, которое предполагала бы характеристику функционала его основных участников, территориально-пространственное размещение исходя из особенностей пространственной экономики РФ, учитывала бы социальный характер осуществляемых инвестиций, а также гарантировала бы не только высокий уровень качества выпускаемой медицинской продукции, но и равный доступ для отдельных социальных категорий населения, представители которых нуждаются в высокотехнологической продукции.

Масштаб предпринимательской деятельности должен соответствовать потребностям национального рынка, а также необходимости повышенного контроля за коммерческой деятельностью субъектов рыночного взаимодействия в связи с социальным характером инвестиционного процесса. Таким образом, при формировании институциональной структуры рынка должны быть четко определены цели и задачи государства как основного социального инвестора, корпоративных инвесторов, а также возможности и обязанности разработчиков и производителей медицинского оборудования и самой продукции на базе цифровых аддитивных технологий,

4. Создание устойчивой высокотехнологичной базы для проведения прикладных научных исследований, связанных с разработкой отечественных

универсальных технологических линий, функционал которых направлен на обеспечение потребностей российского промышленного производства, на базе отдельных научно-производственных центров, специализированного цифрового аддитивного оборудования, отдельных его комплектующих, деталей и т.д. в сфере медицинского протезирования,

5. Обеспечение необходимого уровня концентрации ресурсного обеспечения в рамках кооперационного взаимодействия между различными участниками процесса социального инвестирования в рамках как государственного финансирования, так и в формате реализации корпоративных социальных программ. Кроме того, концентрация ресурсной базы в целях обеспечения эффективности социального инвестирования будет предполагать, с высоким уровнем вероятности, использование кластерных структур и объединений на территориальном уровне. По мнению автора, именно кластерные структуры могут способствовать значительному росту объемов производства и реализации медицинских протезов как на внутреннем рынке, так и с точки зрения экспортного потенциала данного рынка.

6. Формирование единой системы подготовки кадров в области разработки, производства и внедрения отечественного специализированного цифрового аддитивного оборудования в сфере медицинского протезирования, которая бы максимально охватывала все уровни среднего профессионального и высшего образования, включая подготовку высококвалифицированных кадров по программам аспирантуры, а также программы повышения квалификации и переподготовки. Количественные параметры данной системы должны соответствовать проектным характеристикам как формируемых научно-производственных центров, которые бы осуществляли разработку и последующее производство данного оборудования, так и учитывали бы прогнозную потребность в разработчиках самих 3D-моделей, которые в последующем могут быть соотнесены с запросами относительно типового производства.

7. Разработка и внедрение организационно-экономического механизма социального инвестирования на российском рынке медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий, который бы способствовал максимизации внедрения цифровых инноваций в сфере услуг с учетом охвата всех потенциальных получателей такого рода социальной помощи.

Отдельное внимание заслуживает и так называемый территориальный аспект проблематики формирования и развития системы социального проектирования на рынке медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий. В данном случае может быть рассмотрено несколько альтернативных вариантов, изображенных на рисунке 5.8.

Рисунок 5.8 –Альтернативные варианты размещения НПК, реализующих проекты в области медицинского протезирования на основе использования аддитивных технологий (авторские разработки)

Рассмотрим данные варианты более тщательно с точки зрения их значимости и социально-экономической целесообразности.

1. Концентрация ресурсной базы для разработки и производства медицинских протезов на основе использования аддитивных технологий в крупнейших научно-исследовательских центрах страны, где имеется как инфраструктурное, так и кадровое сопровождение всего жизненного цикла данного вида инноваций. Данный вариант вписывается в стратегию научно-технического развития страны и предполагает, что основой для финансирования проектной и научной деятельности будут средства из государственного бюджета либо внебюджетных фондов.

Таким образом, фактически первые четыре этапа, представленные на рисунке 5.1, и связанные с организацией технологического и производственно-хозяйственного обеспечения на рынке медицинского протезирования полностью сосредоточены на нескольких ведущих научно-исследовательских центрах, что с одной стороны, может способствовать генерации идей и созданию новых разработок, с другой стороны косвенно приводит к снижению конкурентоспособности выпускаемой наукоемкой продукции. Данный вариант размещения, по мнению автора, может быть определенным, начальным, этапом в развитии сегмента разработки и внедрения медицинских аддитивных технологий с точки зрения отладки опытного производства с последующим тиражированием по российским регионам. Таким образом, именно пилотный характер инновационного производства в сфере медицинского протезирования оправдывает такой вариант размещения.

2. Другой, противоположный первому, вариант заключается в обратном подходе, в рамках которого основная ответственность за реализацию научных исследований и промышленных разработок с последующим внедрением в практику российских медицинских учреждений, сосредоточена на корпоративных бизнес-структурах, учредительный капитал которых сформирован за счет вложений предпринимательского сектора и частных лиц

с минимизацией финансового участия со стороны государства. Естественно, чем выше экономический потенциал территории, чем выше ее инвестиционная привлекательность, в том числе в сфере разработки цифровых инноваций, тем больше возможностей для развития бизнеса в сфере аддитивных медицинских технологий. В качестве возможных площадок для размещения НПК можно рассмотреть, как крупнейшие технопарки и, даже, технополисы, с точки зрения уже сформированного технологического и инфраструктурного обеспечения для проведения научных исследований, так и такие экономические образования как свободные экономические зоны (СЭЗ), которые, за счет существующих преференциальных режимов, могут быть использованы в контексте организации непосредственного производства инновационных медицинских протезов, в определенном масштабе и с набором ограниченного числа типовых моделей.

Однако, ключевой недостаток данного варианта связан с необходимостью достижения требуемого уровня экономической эффективности за счет коммерциализации инновационных разработок, что, скорее всего, возможно лишь на стадии роста рынка аддитивных медицинских технологий, а не его формирования, как это характерно для настоящего периода времени в условиях российской экономической системы. В связи с этим оба данных варианта не соответствуют текущей экономической ситуации в России.

3. Наличие устойчивого роста спроса на медицинское протезирование с применением цифровых аддитивных технологий предполагает и наличие варианта локализации производства в пределах каждого субъекта РФ, что, теоретически, позволило бы сбалансировать величину спроса и предложения, а также снизить время как на выполнение заказа (техническое изготовление протеза), так и на его поставку и установку потребителю данной социальной услуги. Однако, низкая эффективность данного варианта связана как с наличием серьезного уровня социально-экономической дифференциации между регионами, так и с различной демографической ситуацией на

региональном уровне. Чем ниже уровень развития региона, тем сложнее сформировать саму ресурсную базу как для проведения научных исследований в сфере аддитивных технологий медицинского назначения, так и для организации непосредственного производства типовых моделей медицинских протезов. В связи с этим становится весьма актуальным вопрос о межрегиональном сотрудничестве и кооперации, в том числе медицинских, научно-исследовательских и образовательных учреждений, которые бы позволили распределить функции и ответственность при территориальном планировании инновационного развития анализируемого сегмента сферы услуг.

4. Недостатки предыдущего варианта частично нивелируются за счет выбора варианта размещения в пользу разделения в соответствии с экономическим районированием, когда предполагается наличие 1 НПК на несколько экономических районов, что соответствует возможностям самой региональной экономики и является экономически более оправданным нежели варианты, ориентированные исключительно на административно-территориальное деление или концентрацию ресурсов на базе уже существующих научно-исследовательских центров. Вместе с тем, социально значимый характер самой программы ставит условие как о ее массовости, так и доступности для большинства граждан нашей страны, что необходимо принимать во внимание при выборе потенциального места размещения инновационного производства.

5. Исходя из предыдущего высказывания, можно говорить о том, что оптимальным вариантом размещения следует признать вариант, когда 1НПК удовлетворяет потребности 1 Федерального Округа, что, так или иначе, в определенной степени учитывает предыдущие 2 варианта (3-4 вариант) и не вступает в системное противоречие с вариантами 1 и 2. Именно последний вариант признать за основу для разработки организационно-экономического механизма социального инвестирования на российском рынке медицинского протезирования.

В диссертационном исследовании, в рамках пятого варианта размещения НПК, в качестве места локализации и распространения действия проекта предлагается выбрать субъекты РФ, входящие в состав Приволжского Федерального округа, в котором отмечается значительный рост инвалидизации населения, что, фактически, выводит его на второе место в РФ (таблица 5.6)

Таблица 5.6

Численность инвалидов по группе инвалидности в разрезе федеральных округов РФ, на 1 января 2023 г. [456]

Наименование федерального округа	Всего	Всего без детей-инвалидов	1-я группа	2-я группа	3-я группа
Центральный федеральный округ	3 045 282	2 893 253	321 790	1 263 107	1 308 356
Северо-Западный федеральный округ	1 110 838	1 056 717	148 530	497 744	410 443
Южный федеральный округ	1 173 005	1 102 948	124 833	517 064	461 051
Северо-Кавказский федеральный округ	1 046 580	907 258	107 824	513 741	285 693
Приволжский федеральный округ	2 111 078	1 990 450	247 331	831 793	911 326
Уральский федеральный округ	730 058	668 650	94 441	252 240	321 969
Сибирский федеральный округ	1 221 680	1 137 242	162 360	442 146	532 736
Дальневосточный федеральный округ	492 516	453 014	74 433	187 395	191 186
Российская Федерация ²²	10 932 620	10 210 793	1 281 821	4 505 672	4 423 300

На основе представленных данных очевидно превышение количества инвалидов взрослого возраста над инвалидами -детьми, что свидетельствует от приобретенном характере инвалидности. Кроме того, учитывая рассматриваемую специфику инвалидности, можно говорить о том, что

²² Совокупные данные по РФ включают статистику по г. Байконур

потенциальными получателями услуг являются лица, имеющие первую и вторую категорию инвалидности, хотя, в связи с отсутствием официальной статистики по числу инвалидов без одной или нескольких конечностей, представляется сложным выявить конкретный процент нуждающихся в медицинском протезировании на основе использования достижений цифровых аддитивных технологий.

Ключевыми участниками потенциальной программы социального инвестирования в развитие рынка услуг медицинского протезирования на основе использования преимуществ и потенциала аддитивных технологий следует признать:

-предприятие – стратегический партнер проекта. В данном случае, по мнению автора, в качестве такого предприятия мог быть выступить ПАО «Лукойл» и его дочернее общество – ООО «Лукойл – Пермь», имеющие значительный опыт организации корпоративных социальных программ и проектов, направленных на повышение качества жизни населения региона,

-научно-исследовательский центр, координирующий научные разработки в рамках создания и адаптации медицинских протезов и формирующий основу научно-производственного комплекса. В качестве данного центра можно рассмотреть ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»,

-крупные медицинские государственные учреждения, соответствующие профилю медицинского протезирования и расположенные в субъектах ПФО, которые будут оказывать соответствующие медицинские услуги. По преимуществу, одно учреждение может представлять один регион.

Данные участники могут сформировать консорциум как форму реализации заявленных проектных инициатив социального инвестирования в сфере услуг, организационно-экономический механизм реализации которых представлен автором на рисунках 5.9 -5.10.

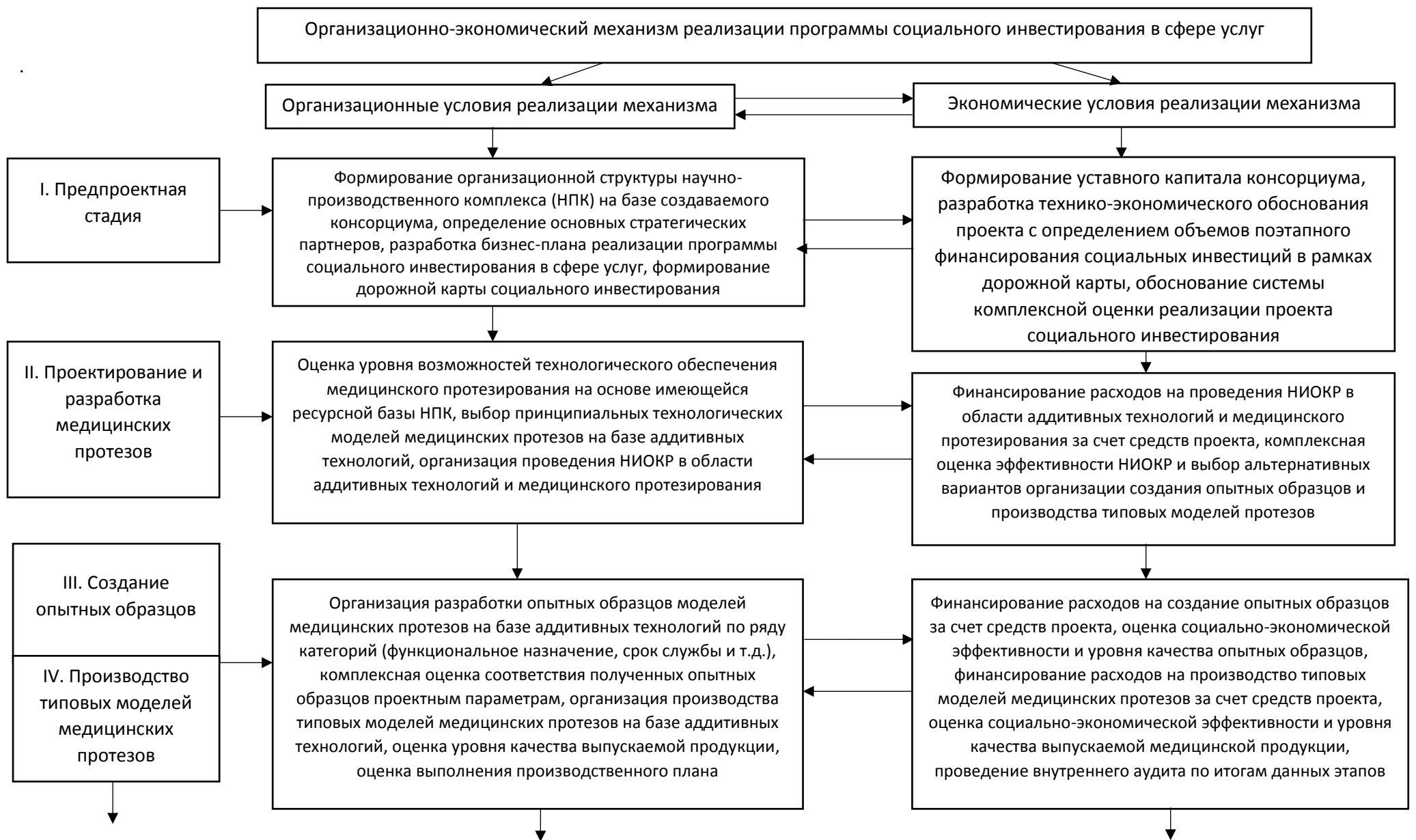

Рисунок 5.9 - Организационно-экономический механизм реализации программы социального инвестирования на российском рынке услуг медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий (I-IV стадии формирования и развития медицинского протезирования) (авторские разработки)

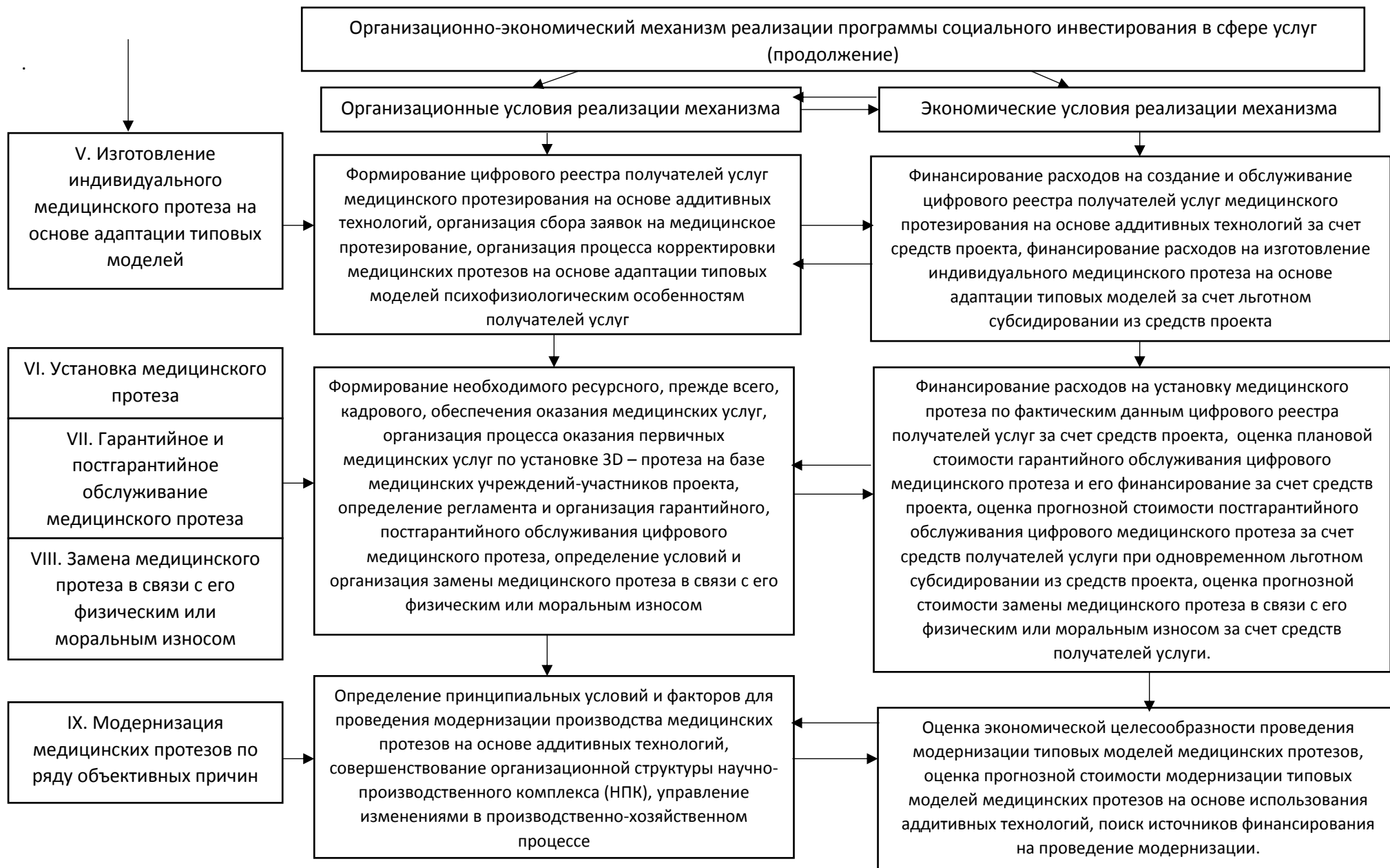

Рисунок 5.10 - Организационно-экономический механизм реализации программы социального инвестирования на российском рынке услуг медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий (V - IX стадии формирования и развития медицинского протезирования) (авторские разработки)

Важным аспектом реализации предлагаемого проекта, наряду с его организационным обеспечением, является вопрос характеристики его финансовой составляющей. Фактически можно говорить о том, что реализация проекта может происходить в рамках трех основных схем финансирования: собственные средства ПАО «Лукойл» (средства проекта), средства получателя услуги и льготное субсидирование со стороны государства. При этом не менее важным остается вопрос коммерциализации представленных проектных решений.

Одним из очевидных направлений долгосрочного развития, предлагаемого автором организационно-экономического механизма, должен стать постепенный переход от удовлетворения социальных потребностей внутреннего рынка к увеличению экспорта медицинской продукции на базе цифровых аддитивных технологий как элемент коммерциализации внедрения технологических инноваций в сфере услуг медицинского протезирования. Экспортный потенциал данного сектора медицинской продукции весьма высок, что можно отметить, анализируя данные таблицы 5.7.

Таблица 5.7

Экспорт медицинских протезов в 2016 – 2020 гг. [447]

Параметр оценки экспортных операций	2016	2017	2018	2019	2020
Величина экспорта (тыс. шт.)	99,7	129,2	169,2	191,1	212,5
Динамика (% к предыдущему году)	-	29,6	31,0	13,0	11,2

Кроме того, помимо исключительно прогнозных оценок, необходимо учитывать и уже существующие тенденции в организации экспортных поставок в сфере медицинского протезирования. Например, за 2016-2020 гг. экспорт протезов из России ежегодно увеличивался и вырос в 2,1 раза, то есть на 112,8 тыс. шт. При этом можно отметить и широкую географию экспортных операций – рост российского экспорта в течении пяти лет произошел не только

в страны ближнего зарубежья (Казахстан – прирост на 32,4 тыс. шт., Беларусь – на 19,7 тыс. шт., Эстония – на 7,4 тыс. шт.), но и в другие страны, в том числе в Индию - прирост на 9,3 тыс. шт., в Великобританию – на 21, 7 тыс. шт. По прогнозам консалтингового агентства BusinesStat, в 2025 г из России будет вывезено 278,6 тыс. протезов, то есть на 31,1% больше, чем в 2020 г. [447]

Задачи описываемой программы социального инвестирования должны фокусироваться на изменении экспортной доли в соотношении традиционных медицинских протезов в пользу инновационной медицинской продукции при одновременной гарантии стабильности спроса и предложения на внутреннем рынке. Долгосрочный характер программы социального инвестирования предполагает необходимость постоянного обновления материально-технического и инфраструктурного обеспечения не только самого производственного процесса и организации сбытового обслуживания и взаимодействия с отдельными контактными группами, но и самих цифровых технологий.

Подводя итоги вышесказанного, можно говорить о том, что внедрение в практику предложенного организационно-экономического механизма реализации программы социального инвестирования на российском рынке услуг медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий позволит не только решить острые социальные вопросы в контексте оказания как социальных, так и медицинских услуг отдельным категориям населения, но создаст определенный базис влияния на положительную динамику роста демографических показателей, включая увеличение продолжительности жизни, повышение качества жизни населения в российских регионах, а также внесет свой вклад в стабилизацию спроса и предложения на российском рынке труда в долгосрочной перспективе.

Практическая реализация и апробация заявленного механизма положительно повлияет на развитие кооперационного взаимодействия между государством и частным бизнесом в рамках совместных программ и проектов социального инвестирования в сфере услуг.

Заключение

Несмотря на существование различных подходов к теории и практике социального инвестирования с точки зрения того, каковы ключевые цели, основные задачи и возможные организационно-экономические методы, и механизмы данного процесса, в современных экономических условиях необходимо принимать во внимание тот факт, что социальное инвестирование может быть рассмотрено в качестве сложной, многофункциональной системы со значительным множеством внутренних подсистем и структурных элементов, единство целеполагания которых и обеспечивает эффективность данного процесса. Кроме того, в контексте системного подхода, социальное инвестирование следует рассматривать в рамках его функционирования и развития наряду с другими экономическими системами, различного характера, масштаба и уровня управления.

Учитывая отечественный и зарубежный успешный опыт оценки социального инвестирования во взаимосвязи и взаимовлиянии с отраслевыми системами, можно говорить о существовании значительных теоретических и практических разработок в области организации социального инвестирования в условиях традиционных секторов экономики. Вместе с тем, с ростом значимости сферы услуг и ее постепенным преобразованием в сервисную экономику, всё большую актуальность приобретают вопросы, связанные с формированием и развитием устойчивой системы социального инвестирования, ориентированного именно на различные сегменты услуг. При этом, в отличие от других секторов экономики, сфера услуг в контексте социального инвестирования может рассматриваться с совершенно противоположных точек зрения:

-услуги как основная сфера приложения социального инвестирования, что соответствует общим тенденциям в сфере промышленного производства и аграрного сектора и предполагает как инвестиции со стороны государства, так и активное формирование программ корпоративной социальной

ответственности применительно к условиям конкретного сегмента или рынка услуг,

-услуги как инструмент осуществления социального инвестирования, неотъемлемая часть организационно-экономических механизмов, направленных на повышение эффективности и достижение социального эффекта от реализации социальных программ и проектов.

В диссертационном исследовании предлагается выделять следующие укрупненные категории услуг с точки зрения взаимодействия с системой социального инвестирования:

-услуги, которые представляют собой объект для социального инвестирования в связи с их принципиальной значимостью для развития национальной экономики и общества,

-услуги, направленные на взаимодействие с системой социального инвестирования для достижения общих целей обеспечения устойчивого роста, развития и трансформации в контексте инновационных преобразований и влияния разнонаправленных факторов внешней среды,

-услуги, необходимые для сопровождения процесса социального инвестирования с точки зрения повышения эффективности его реализации и достижения необходимых целевых показателей,

-услуги, на рынке которых возможно формирование устойчивых корпоративных программ социальной ответственности бизнеса,

-прочие услуги с различным уровнем корреляции с системой социального инвестирования.

Резюмируя вышесказанное, можно говорить о том, что сфера услуг тесно взаимосвязана с социальным инвестированием во всем многообразии его форм и методов реализации в конкретных социально-экономических условиях. Однако, каждый сегмент сферы требует формирования отдельных, специфических моделей и организационно-экономических механизмов, посредством использования которых возможно достижение не только социального, но и экономического эффекта от их внедрения.

Автор считает необходимым предложить собственное определение научной категории «система социального инвестирования в сфере услуг», учитывая современные экономические реалии, формирование инновационной экономики, основанной на принятии цифровых управленческих решений и необходимость сохранения традиционного российского общества в условиях негативного влияния факторов внешней среды.

Учитывая данные условия и ограничения, под системой социального инвестирования в сфере услуг в современных российских социально-экономических условиях следует понимать многоуровневую систему взаимодействия и взаимовлияния различных экономических субъектов с точки зрения организационно-экономического обеспечения управления их непосредственным участием в решении насущных социально-экономических проблем различного уровня и природы происхождения как в условиях стабильных экономических условий, так и в ситуации негативного воздействия ряда дестабилизирующих факторов внутренней и внешней среды за счет повышения социально-экономической эффективности проектирования и реализации широкого спектра услуг, которое может оказать положительное воздействие на развитие не только сервисной экономики и ее внутренней структуры, но и способствовать реализации государственной социальной политики в РФ, осуществлению социального проектирования в рамках программ корпоративной социальной ответственности российского бизнеса, росту гражданских инициатив, в том числе направленных на сохранение традиционного российского общества, улучшение демографической ситуации и обеспечение неразрывной связи между поколениями на основе общей национальной идентичности и необходимости защиты национальных интересов в условиях многополярного мира.

Несмотря на различные методические подходы к формированию и развитию систем социального инвестирования в сфере услуг, можно говорить о выделении нескольких ключевых типов моделей социального инвестирования.

Первую из представленных вариантов можно обозначить как универсальную модель, которая соответствует периоду становления социального инвестирования как отдельной научной категории в рамках формирования капиталистического общества современного типа. Ключевая идея данной модели заключается в том, что социальное инвестирование направлено, прежде всего, на гарантию предоставления определённого рода услуг максимально большему количеству пользователей системы. Однако, очевидные преимущества модели могут рассматриваться и с отрицательной точки зрения в контексте отсутствия адресного и индивидуального подхода к получателю услуг, а также отсутствия его персональной ответственности за использование предоставленных средств.

В связи с этим второй тип модели социального инвестирования направлен на исправление недостатков предыдущей и ориентирован на стимулирование определенного вида социально-экономической активности. В данном случае осуществление социального инвестирования направлено на стимулирование либо отдельных видов и рынков услуг с целью повышения уровня их значимости в текущих социально-экономических процессах (первый вариант модели), либо на стимулирование инновационной активности в сфере услуг (второй вариант модели).

В качестве альтернативы второй модели социального инвестирования весьма активно используется ресурсное и технологическое обеспечение третьего типа моделирования, который предполагает осуществление социальных инвестиций не с точки зрения стимулирования потенциальных действий или активности получателей социальных инвестиций, а поощрение уже достигнутых результатов, которые могут быть документально подтверждены и количественно измерены, что весьма важно в контексте достижения экономичности процесса социального инвестирования в сфере услуг.

Наконец, четвертый вариант моделей социального инвестирования связан с выделением средств на расширение ограничительной практики,

которая необходима для решения многих острых социальных проблем российского общества. В данном случае инвестирование направлено на борьбу с негативными социальными явлениями различного характера и природы происхождения – начиная от борьбы с дискриминацией при отборе кандидатов в корпоративный и государственный сектор и заканчивая борьбой с таким социальным злом как алкоголизм, наркомания и распространение наркотических средств и т.д.

Вместе с тем, выделяя отдельные модели и набор целей социального инвестирования в сфере услуг, необходимо принимать во внимание их продолжающуюся трансформацию в условиях воздействия НТП, учитывать их эволюционное изменение и использовать данные знания в процессе проектирования и стратегического развития современных систем социального проектирования в сфере услуг в условиях цифровых преобразований социально-экономических систем и процессов.

Важно отметить, что эволюционное развитие систем социального инвестирования в сфере услуг происходило по следующим ключевым направлениям: уровню взаимодействия услуг и процесса социального инвестирования; изменению роли и статуса главенствующего субъекта управления в системе социального инвестирования в процессе эволюционного развития; изменению объекта, форм и механизма социального инвестирования в контексте происходящих технологических изменений; совершенствованию моделей социального инвестирования в сфере услуг.

Оценивая общую характеристику эволюции социального инвестирования как составляющей социально-экономического благополучия общества в условиях смены технологических укладов, можно отметить следующие изменения в подходах к формированию и развитию данных систем в сфере услуг:

-система социального инвестирования в сфере услуг должна максимально быстро адаптироваться к новым условиям функционирования и воздействия внешней среды, в связи с этим можно говорить о необходимости

сокращения горизонта планирования инвестиционных вложений с долгосрочного характера к среднесрочному временному интервалу,

-при проектировании системы социального инвестирования в сфере услуг необходимо учитывать как многовариативность существующих инноваций, прежде всего цифрового характера, так и необходимость обеспечения их комплементарности при синхронном использовании для решения глобальных социально-экономических проблем,

-современная система социального инвестирования должна быть основана на принципах кооперационного взаимодействия не только между государством и частным бизнесом в рамках проектов государственно-частного партнерства в различных секторах сферы услуг, но и предполагать повышение роли и значимости домашних хозяйств не только как исключительно получателей услуг-пользователей системы, но и как полноправных социальных инвесторов,

-при формировании любой модели или вида системы социального инвестирования в сфере услуг на ее предпроектной стадии следует разрабатывать четкую систему целевых показателей и критерии оценки, которые отражали бы не абсолютные значения достигнутых результатов, а их относительный характер с точки зрения достижения необходимых эффектов.

Несмотря на весьма серьезные изменения используемых вариантов, которые отражали научные и общественные взгляды на проектирование и развитие систем социального инвестирования в сфере услуг и соответствовали тому или иному технологическому укладу, только с началом цифровизации стало возможным говорить о принципиальных отличиях в социальном проектировании и постепенном переходе от универсальных принципов и методов управления социальным инвестированием на основе ряда базисных моделей к более адаптивным и гибким вариантам их разработки исходя из запросов как субъекта управления системой, прежде всего государства и корпоративного сектора, так и с точки зрения самого пользователя – получателя социальных услуг.

Не менее значимым, с методической точки зрения, остается вопрос о необходимости типологизации цифровых технологий с точки зрения их роли и степени участия в процессе проектирования, функционирования и развития системы социального инвестирования в сфере услуг с учетом как многообразия самих цифровых решений, так и особенностей адаптации к конкретному отраслевому сегменту.

В связи с этим в диссертационном исследовании предложена типологизация цифровых технологий по отношению к системе социального инвестирования в сфере услуг, в том числе выделяются категории: с точки зрения направленности на конечный результат действия системы социального инвестирования в сфере услуг, с точки зрения возможности использования в зависимости от вида оказываемых услуг, с точки зрения стадии жизненного цикла системы социального инвестирования в сфере услуг, с точки зрения возможности регуляторного воздействия на процесс применения цифровых технологий и т.д.

Однако наряду с преимуществами использования цифровых технологий, необходимо отметить и ряд отрицательных моментов, которые имеют важное значение при выборе той или иной цифровой инновации. К числу таковых можно отнести:

- увеличение доли расходов, связанных с процессом цифровизации оказания услуг и осуществлением социального инвестирования,

- дисбаланс в уровне инновационной активности российского бизнеса, в том числе неравномерный уровень внедрения инноваций в различных секторах сферы услуг,

- снижение уровня доступа к международному рынку научно-технологических разработок при одновременном повышении стоимости отечественных разработок в связи с продолжающимся санкционным давлением со стороны недружественных стран,

- увеличение рисков, связанных с отсутствием достаточного уровня контроля, в том числе технологического, за сохранностью данных, которые

отображаются в цифровой среде системы социального инвестирования в сфере услуг,

-высокий уровень риска дестабилизации системы социального инвестирования в сфере услуг в условиях возникновения и роста кризисных ситуаций.

Еще одним важным аспектом функционирования системы социального инвестирования в сфере услуг следует признать ее взаимодействие с такой экономической категорией как «труд». Необходимо также отметить, что в условиях определения взаимосвязи между социальным инвестированием и трудом как фактором производства необходимо также разграничивать уже упомянутые ранее понятия, а именно социальное инвестирование в сфере услуг, которое предполагает вложение средств на социально-ориентированное развитие отдельных сегментов и секторов сферы услуг и социальное инвестирование в услуги как основополагающий инструмент для решения ключевых социально-экономических проблем развития современного общества. Данное обстоятельство следует принимать во внимание при осуществлении социального инвестирования, связанного с категорией «труд».

При этом можно выделить два основных методических подхода, в контексте которых можно рассматривать социальные инвестиции в сфере услуг и категории, характеризующие труд и трудовую деятельность как фактор производства.

В первом случае предлагается рассматривать влияние социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения отдельных категорий, тесно связанных с индивидуумом и трудовой деятельностью. Среди таких категорий автор считает необходимым отдельно выделить:

-человеческие ресурсы, которые определяют, в большей степени, способности отдельного человека к осуществлению той или иной трудовой деятельности,

-человеческий капитал, как более сложную категорию, охватывающую различные аспекты трудовой деятельности индивида и основанную не только на его способностях, но и на полученных знаниях, опыте и т.д.,

-человеческий потенциал, более высокая категория, которая охватывает и затрагивает не только отдельного индивида с точки зрения теории организационного поведения, но и учитывает групповой аспект и взаимодействие отдельных работников в рамках деятельности организации.

Каждая из данных категорий может быть исследована с точки зрения влияния социального инвестирования, в том числе в сфере услуг, на их развитие и совершенствование в условиях цифровой экономики, трансформацию в новых экономических условиях, обусловленную, в том числе, ростом уровня неопределенности и появлением новых рисков и угроз как для отдельных стран, так и для человечества, в целом.

Необходимо отметить, что социальное инвестирование в развитие человеческого потенциала, по мнению автора, предполагает более широкую трактовку самого объекта социальных инвестиций с точки зрения смещения вектора от конкретного индивида с наличием базовых социальных обязательств по отношению к нему со стороны государства (социальные инвестиции в человеческие ресурсы) либо с расширенной, персонализированной социальной поддержкой по отношению к нему со стороны бизнес-структур предпринимательского сектора (социальные инвестиции в человеческий капитал) к коллективу или группе, в которую объединены отдельные индивиды.

Второй методический подход, в противоположность первому, ориентирован на управленческий процесс, в основе которого необходимость внесения изменений в кадровую политику организации и систему управления персоналом на основе использования как традиционных методов и инструментов менеджмента, так и инновационных технологий в управлении. Именно система управления в данном случае выступает в качестве объекта для социального инвестирования, однако, сами результаты инвестиционного

процесса будут весьма значимы как для персонала организации или предприятия, так и для самого работодателя или собственника бизнеса.

Среди основных направлений социального инвестирования в сфере услуг в контексте его влияния на процесс управления персоналом с точки зрения повышения его эффективности можно обозначить три укрупненные группы, отражающие в том числе:

-значение социального инвестирования в сфере услуг в процессе создания условий для организации трудовой деятельности. В данном случае в качестве объекта социальных инвестиций рассматривают инфраструктурное обеспечение, повышение условий для комфорта работника во время пребывания на рабочем месте и т.д.,

-значение социального инвестирования в сфере услуг в процессе реализации основных этапов управления персоналом. В рамках данного направления следует рассматривать социальные инвестиции в процесс отбора персонала, адаптации персонала, повышения уровня его профессиональных компетенций в рамках повышения квалификации и т.д.,

-значение социального инвестирования в сфере услуг с точки зрения повышения эффективности управления персоналом, т.е. какие инструменты социального инвестирования наиболее эффективны с точки зрения социально-экономической эффективности.

Не менее важным, с точки зрения трансформации подходов к управлению персоналом в новых экономических условиях, следует признать повышение уровня социальной ответственности не только самого бизнеса, что уже активно осуществляется в российских условиях, но и каждого конкретного работника с точки зрения его общественного поведения, участия в решении значимых социально-экономических проблем общества, в организации и проведении мероприятий различного уровня, направленных на реализацию целей политики государства в сфере спорта, культуры, демографии, сохранения традиционных ценностей и т.д.

Более сложными, с методологической точки зрения, выглядят такие направления как унификация подходов к управлению персоналом в рамках кооперационного взаимодействия экономических субъектов (например, социальное инвестирование в процесс управления персоналом в условиях кластерного взаимодействия) и развитие интегрированных экосистем, направленных на повышение эффективности управления персоналом на национальном и международном уровне на основе инструментов социального инвестирования в сфере услуг.

Активное использование цифровых технологий в социальном инвестировании в сфере услуг предполагает наличие комплексных подходов и решений организационно-экономического характера, которые бы позволили не только сформировать ресурсное обеспечение на основе осуществляемой инвестиционной деятельности, но и решить основные вопросы, связанные с кадровым обеспечением инвестиционного процесса, формированием и развитием человеческого капитала, который был бы востребован при системном решении основных социально-экономических проблем общества на национальном и региональном уровне.

Фактически, достижение определенного баланса между социальными инвестициями в развитие цифровых технологий и социальными инвестициями, связанными с трудовыми ресурсами и человеческим капиталом, позволяет обеспечить не только эффективное, но и экономически обоснованное решение и сопровождение многих приоритетных направлений как социальной политики государства, так и корпоративных социальных программ отечественных бизнес-структур.

К числу таких комплексных социальных проблем современного российского общества следует признать необходимость поиска оптимальных путей решения вопросов медицинского протезирования, прежде всего верхних и нижних конечностей, весьма значительного числа граждан нашей страны. Не вызывает сомнения тот факт, что развитие рынка медицинского протезирования в целях удовлетворения потребностей собственных граждан

страны представляет собой масштабную задачу в контексте развития систем социального инвестирования в сфере услуг.

При этом говоря о решении данной проблемы и с учетом особенностей и специфики всех перечисленных выше стадий медицинского протезирования, с точки зрения теории социального инвестирования, изначально можно рассматривать два альтернативных варианта действий:

-вариант экстенсивного характера – социальное инвестирование в уже существующие проекты и программы, связанные с медицинским протезированием в рамках использования традиционных медицинских технологий как изготовления, так и разработки медицинских протезов верхних и нижних конечностей. Экстенсивный вариант социального инвестирования ориентирован на относительно небольшой, неэластичный по цене спрос со стороны населения на услуги медицинского протезирования при одновременно значительном инвестировании со стороны государства, которые фактически дотирует данный вид экономической деятельности и практически полном самоустранении частного бизнеса в контексте потенциальных программ корпоративной социальной ответственности.

-вариант интенсивного характера – прямая противоположность рассмотренной ранее альтернативе традиционного подхода к медицинскому протезированию. В основе данного подхода – внедрение цифровых технологий на всех стадиях, связанных с медицинским протезированием как объектом социального инвестирования в сфере медицинских услуг. В связи с этим возможность обеспечения комплексного подхода к решению данной социально-экономической проблемы предполагает всесторонний анализ каждой технологической стадии медицинского протезирования в увязке с функционированием самого рынка данных услуг.

Второй вариант поведения на рынке медицинского протезирования может быть эффективным при соблюдении следующих условий:

-высокий спрос на медицинское протезирование как на внутреннем рынке, так и ориентация на развитие экспортного потенциала производства

медицинских протезов и оказание услуг по сервисному сопровождению в рамках взаимодействия с контрагентами на рынках дружественных стран,

-наличие динамики роста спроса в среднесрочной и долгосрочной перспективе при одновременной готовности хозяйствующих субъектов к повышению уровня инновационной активности и конкурентоспособности выпускаемой медицинской продукции,

-высокий уровень импортозамещения в сфере разработки и производства медицинских протезов, низкая степень зависимости от зарубежных поставщиков медицинского оборудования за счет ориентации на технологический суверенитет,

-рост уровня прямых затрат, в том числе частного бизнеса, на НИОКР в сфере медицинского протезирования,

-наличие определенной пропорции между государственным и частным финансированием программ медицинского протезирования, в том числе высокая степень покрытия расходов на медицинское протезирование за счет программ корпоративной социальной ответственности бизнеса и средств общественных организаций,

-наличие системы гарантийного и постгарантийного обслуживания выпущенных медицинских изделий, возможность замены комплектующих протеза и т.д.

В рамках второго из перечисленных вариантов в диссертационном исследовании обоснованы основные направления комплексной программы социального инвестирования на рынке медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий, а также разработан организационно-экономический механизм социального инвестирования на российском рынке медицинского протезирования на основе использования цифровых аддитивных технологий.

Библиографический список

1. Конституция РФ. Указ Президента от 3 июля 2020 года «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения 12.12.2023)
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/33f9fc26b19fb78a172f7c71473ce5f8ca91138a/(дата обращения 19.02.2024)
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации. М.: Бек, 2021, 228 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005>(дата обращения: 24.12.2023).
5. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://base.garant.ru/72838946///>(дата обращения: 20.12.2023).
6. Федеральный закон "О федеральной территории "Сириус" от 22.12.2020 N 437-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. –Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371784/(дата обращения: 26.12.2023).
7. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 28.04.2023) "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" [[Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70552648>(дата обращения: 23.12.2023).
8. Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" (утверждена протоколом от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (Дата обращения: 23.12.2023)
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 июля 2021 г. № 1913-р «Стратегия развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/135700/>(дата обращения: 19.12.2023).
 10. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/(дата обращения 05.02.2024).
 11. Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 N 409 (ред. от 11.07.2020) «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики» [Электронный ресурс]. –Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349463/ (Дата обращения:07.02.2024)
 12. Национальный проект «Здравоохранение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie> (Дата обращения: 07.02.2024)
 13. Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 05.12.2016, N 49, ст. 6887.
 14. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" // "Собрание законодательства РФ", 15.05.2017, N 20, ст. 2901.
 15. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 10.10.2022 № 928 «О дополнительных мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан в связи с проведением специальной военной операции (выполнением специальных задач) на территориях Донецкой Народной

- Республики, Луганской Народной Республики и Украины и мобилизационных мероприятий в период ее проведения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7800202210110001> (дата обращения: 26.12.2023).
16. ГОСТ Р 57 558–2017 Аддитивные технологические процессы. Базовые принципы. Термины и определения. Часть 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200146332> (дата обращения: 19.12.2023).
17. ГОСТ Р 57 589–2017 Аддитивные технологические процессы. Базовые принципы. Материалы для аддитивных технологических процессов. Общие требования. Часть 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200146487> (дата обращения: 19.12.2023).
18. ГОСТ Р 57 910–2017 Материалы для аддитивных технологических процессов. Методы контроля и испытаний металлических материалов сырья и продукции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200157656> (дата обращения: 19.12.2023).
19. ГОСТ Р 59 130–2020 Аддитивные технологии. Подтверждение качества и свойств изделий для судостроения и морской техники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/566430621> (дата обращения: 19.12.2023).
20. ГОСТ Р 58 418–2019 Аддитивные технологии. Металлические порошки и проволоки. Виды дефектов. Классификация, термины и определения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://files.stroyinf.ru/Data/709/70965.pdf> (дата обращения: 19.12.2023).
21. ГОСТ Р 56273.6-2016/ CEN/TS 16555-6:2014. Инновационный менеджмент. Часть 6. Менеджмент креативности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200142684> (дата обращения: 21.12.2023).

22. ГОСТ Р 56273.7-2016/ CEN/TS 16555-7:2015. Инновационный менеджмент. Часть 7. Оценка инновационного менеджмента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200142685> (дата обращения: 21.12.2023).
23. ГОСТ Р 56261-2014. Инновационный менеджмент. Инновации. Основные положения. - Москва: Стандартинформ, 2015. - 99 с.
24. ГОСТ Р 57189-2016 Система менеджмента качества. Руководство по применению ИСО 9001:2015. - М.: Стандартинформ, 2017.
25. ГОСТ Р 57194.3–2016. Трансфер технологий. Технологический аудит. - Москва: Стандартинформ, 2016. - 38 с.
26. ГОСТ Р ИСО 9001:2015 Системы менеджмента качества. Требования. - М.: Стандартинформ, 2015. - 29 с.
27. ГОСТ Р ИСО 9001-2015 Система менеджмента качества. Основные положения и словарь. - М.: Стандартинформ, 2016.
28. Абаев, И.Л. Современные модели менеджмента компании / Вестник экономики и инноваций. – 2019. - №4. – С. 71-78.
29. Абалкин Л. Выбор стратегий и роль российских предпринимателей/ Проблемы теории и практики управления. 2014. № 5. С. 24.
30. Абдрахманова Г.И., Васильковский С.А., Вишневецкий К.О. и др. Цифровая экономика: 2022: крат. стат. сб. - М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2022. - 124 с.
31. Абросимова А.А., Климова Е.З. Формирование и развитие цифровой экосистемы современного предприятия // Экономика и бизнес. 2020. № 7 (65). С. 6-10.
32. Абузярова Д., Белоусова В., Краюшкина Ж., Лонщикова Ю., Никифорова Е., Чичканов Н. Роль человеческого капитала в сфере науки, технологий и инноваций // Форсайт. 2019. Т. 13. № 2. С. 107-119.
33. Авдеева Д.А. Оценки человеческого капитала в исследованиях экономического роста: обзор: препринт WP3/2022/03. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 28 с.

34. Авдокушин Е.Ф., Белова Л.Г. Экономика совместного потребления - формирующийся сегмент новой экономики. Часть 1 // Вопросы новой экономики. 2018. № 2 (46). С. 4-14.
35. Агафонова М.С., Агапонова Е.А., Бригаренко А.А. Социальная ответственность бизнеса или корпоративная социальная ответственность. // В сборнике: Современные научные исследования в сфере экономики. Сборник результатов научных исследований. Киров, 2018. С. 21-25.
36. Адизес, И. Стили менеджмента – эффективные и неэффективные / М.: Альпина Паблишер, 2021. – 288 с.
37. Адизес, И. Управление жизненным циклом корпораций / М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 512 с.
38. Азарнова Т.В., Глотова Е.А. Нейросетевой алгоритм оценки функциональной эффективности команд менеджеров на основе их ролевого состава // Вопросы науки. № 2. Серия: Вестник факультета прикладной математики, информатики и механики. Вып. 15. - Воронеж: ВЭЛБОРН, 2017. - 104 с.
39. Азарнова Т.В., Терлюга И.М., Ухлова В.В. Применение методов интеллектуального анализа данных в оценке функциональной эффективности команд менеджеров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2020. № 4. С. 50-63.
40. Азарян А.А. Концепция управления экономическими системами сферы услуг // Вестник института экономических исследований. 2017. № 1. С. 35-40.
41. Азарян А.А. Организация прогнозной деятельности развития сферы услуг // Торговля и рынок. 2016. Вып. 2 (40). Т. 2. С. 14-20.
42. Азарян А.А. Социально-экономический базис для формирования стратегии развития сферы услуг в условиях нестабильной внешней среды // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. № 4 (91). С. 33-43.

43. Азарян А.А. Стратегии развития сферы услуг: теория, методология и практика: монография. – Донецк: Цифровая типография, 2021. – 340 с.
44. Азарян А.А. Стратегия форсайт-исследования как основа экономического развития сферы услуг // Инновационное развитие экономики. 2017. № 6. С. 11-15.
45. Азарян А.А. Стратегия экономического развития первичных и агрегированных звеньев сферы услуг // Торговля и рынок. 2020. № 3 (55). С. 203-218.
46. Александрова И.А., Дурнева И.В. Методы прогнозирования, используемые в маркетинговой деятельности предприятия в современных рыночных условиях // Sciene Time. 2015. № 2 (14). С. 11-15.
47. Алехина Л.Л., Суханов Р.А. Развитие человеческих ресурсов в системе управления персоналом на основе эффективной кадровой политики организации // Экономическая среда. 2019. № 1 (27). С. 29-38.
48. Алиева Т.М. Применение современных инструментов при отборе персонала в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы управления в условиях цифровой экономики России: Всерос. науч. конф.: Сб. статей. Москва, 1 апреля 2020 г.: VII Сперанские чтения. М.: РГГУ, 2020. С. 16–26.
49. Ананьин В.И., Зимин К.В., Лугачев М.И., Гимранов Р.Д., Скрипкин К.Г. Цифровое предприятие: трансформация в новую реальность // Бизнес-информатика. 2018. № 2 (44). С. 45-54.
50. Андиева Е.Ю., Фильчакова В.Д. Цифровая экономика будущего, индустрия 4.0 // Прикладная математика и фундаментальная информатика. 2018. № 3. С. 214-218.
51. Андросик Ю.Н. Бизнес-экосистемы как форма развития кластеров // Труды БГТУ. Экономика и управление. 2016. № 7. С. 38-44.
52. Анесянц С.А. Современные тенденции формирования стратегии развития сферы услуг // Торговля и рынок. 2021. № 3 (59). С. 63-70.

53. Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3 (151). С. 345-366.
54. Ансофф, И. Стратегический менеджмент: Классическое издание/ И. Ансофф, пер. с англ. А.Н. Петрова. – СПб: Питер, 2009. – 344 с.
55. Арнаут М.Н. Дефиниция понятий "человеческий капитал", "человеческий потенциал" и "человеческий ресурс" // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 2. С. 79-85.
56. Аронов А. М., Блехцин И.Я., Петров А. Н. Теория стратегического менеджмента: процессный подход / СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 207 с.
57. Артемьев А.В. Человеческий капитал как фактор экономического роста: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук; Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева. Казань, 2007.
58. Архипова Н.И. Тенденции цифровизации управления персоналом в современной России // Актуальные проблемы управления в условиях цифровой экономики России: Всерос. науч. конф.: Сб. статей. Москва, 1 апреля 2020 г.: VII Сперанские чтения. М.: РГГУ, 2020. С. 10-16.
59. Архипова Н.И., Седова О.Л. Управление персоналом организации. Краткий курс для бакалавров. - М.: Проспект, 2015. - 212 с.
60. Баева А.А., Лядченко А.В. Проблема масштабности обучения и развития персонала // Научные Записки ОрелГИЭТ. 2016. № 4 (16). С. 178-181.
61. Баринаева Н.В., Баринов В.Р. Цифровая экономика, искусственный интеллект, индустрия 5.0: Вызовы современности // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2022. Т. 19. № 5 (125). С. 23-34.
62. Батоврина Е.В. Управление персоналом инновационных организаций. - М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2019. - 134 с.

63. Батракова Л.Г. Человеческий капитал в экономике XXI века // В сборнике: Глобальные социально-экономические трансформации: Будущее России. Материалы V Международного политэкономического конгресса (МПЭК-2021), состоявшегося в рамках Московского академического экономического форума - МАЭФ-2021. Москва, 2022. С. 552-561.
64. Батырева М. В. Экономика совместного потребления как социально-экономическая модель / М.В. Батырева, Д.Ю. Агафонова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8. № 2 (30). С. 81-105.
65. Белоусов К.Ю. Корпоративная социальная ответственность российских компаний в период пандемии COVID-19 // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. 2021. № 2 (20). С. 55-72.
66. Бердникова Л.Ф. Интеллектуальный потенциал в инновационном развитии современной организации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 4 (22). С. 220-223).
67. Бердникова Л.Ф. Ресурсный потенциал организации: понятие и структура // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 1. С. 201-203.
68. Берешева Л.А., Зайнашева З.Г. Методологические основы формирования и развития системы управления персоналом в сфере обслуживания, Уфа: Уфимск. гос. акад экономики и сервиса, 2006 – 108 с.
69. Берлизев Р.Н., Супонин Д.М. Концептуальные направления устойчивого развития сферы услуг в условиях цифровой экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4-1 (74). С. 66-69.
70. Берман С.С. Роль глобальных надгосударственных финансовых институтов в технологической модернизации Российской Федерации // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 5. С.293-297.

71. Бирюкова О.В. Участие сектора услуг в развитии глобальных цепочек создания стоимости // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 3 (65). С. 115-125.
72. Богомазова И.В., Климова Т.Б. Цифровые сервисы и туристская экосистема в развитии внутреннего туризма // Экономика. Информатика. 2022. Т. 49. № 4. С. 718-730.
73. Бородкина О.И., Старшинова А.В., Архипова Е.Б. Социальное инвестирование: проблемы и стратегии развития / Terra Economicus. 2022. Т. 20. № 2. С. 99-110.
74. Бурцев Д.С., Гаврилюк Е.С., Изотова А.Г., Лебедева А.С., Леонтьева И.Н., Литвинова Н.А., Кан Е.Н., Сатторов Ф.Э. Инфраструктура и ресурсное обеспечение цифровой экономики. – СПб.: Университет ИТМО, 2021. – 190 с.
75. Бурцева Т.А., Лысова Е.А. Особенности управления предприятиями сферы услуг // Вестник НГИЭИ. 2016. № 9 (64). С. 46-53.
76. Бухалков М.И. Управление персоналом: развитие трудового потенциала. - М.: ИНФРА-М, 2022. - 191 с.
77. Бухарцева Н.Г. Интеллектуальный потенциал современного человека: структура и пути формирования // Педагогическое образование в России. 2014. № 11. С. 30-35.
78. Бухонова С.М., Яблонская А.Е. Социальные инвестиции как инструмент повышения демографической ситуации в Белгородской области. // В сборнике: Актуальные проблемы экономического развития. Сборник докладов X Международной заочной научно-практической конференции. 2019. С. 84-90.
79. Бучацкий П.Ю., Бучацкая В.В., Шопин А.В., Теплоухов С.В. Подход к идентификации типа неопределенности исходной информации на основе теории нечеткой логики // Международная конференция по мягким вычислениям. 2021. Т. 1. С. 205-209.

80. Быков К.В. Понятие социальные инвестиции: цели и задачи/ Поиск (Волгоград). 2018. № 2 (9). С. 11-13.
81. Бьюкенен, Дж. Конституция экономической политики / М., Таурус Альфа, 1997. – 556 с.
82. Вайл П. Цифровая трансформация бизнеса: Изменение бизнес- модели для организаций нового поколения / Питер Вайл, Стефани Ворнер: Пер. с англ. – М.: Альпина Пабlishер, 2019. – 257 с.
83. Ванкевич Е.В., Калиновская И.Н. Технологии искусственного интеллекта в управлении человеческими ресурсами // Белорусский экономический журнал. 2020. № 2. С. 38-51.
84. Варнавский А.В., Волкова Е.С., Бурякова А.О., Климова Е.А. Модель оценки цифрового лидерства организации // Вестник университета. 2020. № 4. С. 23-32.
85. Василёнок В.Л., Алексашкина Е.И. Российский опыт перехода на новый технологический уровень в условиях санкций // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 3. С. 1-11.
86. Васильева Е.В., Пуляева В.Н., Юдина В.А. Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации // Бизнес-информатика. 2018. № 4 (46). С. 28-42.
87. Васильева О.С. Государственно-частное партнерство как меры стимулирования франчайзинга с целью развития сферы услуг // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 14. С. 486-488.
88. Васина В.Н. Управление человеческим капиталом в рамках цифровой трансформации промышленного предприятия // Весенние дни науки: сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых. 21–23 апреля 2022 г.; ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». – Екатеринбург, 2022. – 1548 с.

89. Вахитов Д.Р., Васильева О.С. Франчайзинг как инструмент стимулирования развития сферы услуг. - М.: РГУП, 2016. - 160 с.
90. Виноградова Е.Ю. Методологические основы исследования нейронных сетей // Управленец. 2014. № 2 (48). С. 39-43.
91. Веревошкина А.А. Социальная инвестирование как механизм реализации ответственности бизнеса перед обществом // Экономические науки – 2009 - №12
92. Возиянова Н.Ю., Азарян А.А. Развитие стратегического управления предприятиями и другими хозяйствующими образованиями сферы услуг // Менеджер. 2020. № 2. С. 129-142.
93. Возиянова Н.Ю., Азарян А.А. Современные тенденции управления и прогноз в сфере услуг в условиях нестабильной внешней среды // Экономика, бизнес, инновации: монография / Под общ. ред Г.Ю. Гуляева. - Пенза: МЦНС "Наука и Просвещение", 2020. - 152 с. (с. 52-64).
94. Возиянова Н.Ю., Азарян А.А. Стратегия адаптации предприятий и других хозяйственных образований сферы услуг к условиям конкурентной нестабильной рыночной среды // Менеджер. 2019. № 4 (90). С. 149-161.
95. Возиянова Н.Ю., Дещенко А.Ю. Стратегические перспективы и проблемы развития экономики на принципах цифровизации, услуг и знаний // Торговля и рынок. 2022. № 2 (62). С. 64-74.
96. Волков, А.В. Проблемы развития человеческих ресурсов / А.В. Волков, Н.Н. Ползунова // Мировой опыт и экономика регионов России: Сборник научных работ молодых ученых по материалам 20-й Всероссийской студенческой научной конференции с международным участием (24-25 марта 2022 года, г. Курск) / Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2022. – С. 19-23.

97. Волкова А.С. HR-аналитика в России: современное состояние, проблемы и пути их решения // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 2. С. 867-880.
98. Волнухин К.В. Социальное инвестирование как фактор развития конкурентных преимуществ бизнеса в условиях экзогенной нестабильности /Экономические науки. 2019. № 172. С. 124-130.
99. Володина О.В. Использование искусственного интеллекта в управлении персоналом // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2022. № 4. С. 55-66.
100. Воропаев К.А. Технологический уклады и "длинные волны". Большие циклы Н.Д. Кондратьева/ В сборнике: Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации. Материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, проводимой в рамках III Международного конгресса молодых ученых по проблемам устойчивого развития, регионального форума предпринимательства "Свое дело - твой успех". Под редакцией В.А. Ковалева, Б.Г. Хаирова. 2017. С. 74-78.
101. Вострова А.П., Киреева М.М. Эволюция взглядов на структуру ресурсов и факторов производства: исторический аспект // Экономика и предпринимательство. 2017. №12-2 (89). С. 86-90.
102. Генкин Б.М. Экономика труда. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2019. - 352 с.
103. Георгиевский А.Б. Сервитизация компании: предпосылки и результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2022. Т. 21. вып. 1. С. 74-104.
104. Георгиевский А.Б. Экосистемы российского ритейла: основные участники и индикаторы формирования // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2022. № 4. С. 138-155.

105. Гилева Т.А. Цифровая зрелость предприятия: методы оценки и управления // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 1 (27). С. 38-52.
106. Глотова Е.А., Глотова В.В. Стратегическое управление: анализ концепций // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2021. № 1. С. 126-135.
107. Головенчик Г.Г. Цифровые услуги: понятийный аппарат, классификаторы // Банковский вестник. 2021. № 10 (699). С. 42-55.
108. Головина Т.А., Полянин А.В., Авдеева И.Л. Развитие цифровых платформ как фактор конкурентоспособности современных экономических систем // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2019. № 14 (4). С. 551-564.
109. Головнин О.К., Супрун А.С. Технологии адаптивного планирования в системах поддержки принятия решений. – СПб: Университет ИТМО, 2020. – 88 с.
110. Головцова И.Г., Сучкова М.Ю. Цифровая трансформация сферы услуг в новых условиях // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2020. № 4 (54). С. 81-86.
111. Голуб И.Н. Вовлеченность персонала как ключевой фактор успеха компании // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 8. С. 121-124.
112. Гонтарь Л.О. Защита персональных данных в условиях развития интернет-компаний: международно-правовое регулирование vs саморегулирование // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 37. № 1-2. С. 11-140.
113. Горбашко Е.А., Ватолкина Н.Ш. Тенденции развития сферы услуг в условиях цифровой трансформации экономики // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2019. № 3 (49). С. 45-51.
114. Горнак Я.А. Трансформация понятия корпоративной социальной ответственности в период пандемии 2020- 2021 гг. В России и за

- рубежом // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований» 2021 №2
115. Городнова Н.В. Развитие цифровой экономики: теория и практика // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 3. С. 911-928.
116. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект в бизнесе / Дэниел Гоулман; пер. с англ. А.П. Исаевой. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. - 512 с.
117. Гражданкина Л.Ю. Особенности воспроизводства человеческого капитала в условиях инновационного развития современного российского общества / Л.Ю. Гражданкина, В.В. Горбунова // Фундаментальные исследования. 2019. № 7. С. 42-46.
118. Гретченко А.И. Цифровая платформа: новая бизнес-модель в экономике России / А.И. Гретченко, И.В. Горохова // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2019. № 1. С. 62-72.
119. Грибанов Ю.И. Цифровая экономика как новая система управления // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 1 (133). С. 124-129.
120. Грошев И.В., Жерегеля А.В. Цифровая трансформация экономики: изменение бизнес-практики и цифровое лидерство // Менеджмент в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 11-17.
121. Грошева Е.К., Чуприна А.Д. Принципы и элементы управления по А. Файолю // Бизнес-образование в экономике знаний. 2021. № 3. С. 37-40.
122. Губанова А.В. Концепция подготовки цифровых лидеров для управления организационными изменениями // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 4. С. 1257-1276.
123. Губанова А.В. Характеристика направлений развития цифрового лидерства для эффективного управления организационными

- изменениями в цифровой экономике // *Лидерство и менеджмент*. 2023. Т. 10. № 2. С. 487-506.
124. Губанова А.В. Цифровое лидерство как инструмент управления в цифровой экономике // *Экономические системы*. 2021. Т. 14. № 4 (55). С. 69-78.
125. Губанова А.В., Минева О.К. Анализ основ цифрового лидерства как инструмента управления изменениями в цифровой экономике // *Креативная экономика*. 2023. Т 17. № 2. С. 507-526.
126. Гунин В.Н. Управление инновациями: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 7 / В. Н. Гунин [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 328 с.
127. Гунина И.А. Повышение эффективности использования человеческого капитала в условиях цифровой трансформации / И.А. Гунина, И.В. Логунова, В.Ю. Пестов // *Регион: системы, экономика, управление*. 2019. № 1 (44). С. 18-25.
128. Гусейнов Ш.Р. Оглы, Иноземцев М.И. О противоречивости отдельных положений современного корпоративного управления и практики цифровой трансформации хозяйствующих субъектов и общества // *Вестник МГИМО*. 2018. № 6 (63). С. 294-316.
129. Гушунц С.Ж., Кондратьева З.А. Длинные волны Кондратьева: циклический механизм/ В сборнике: *Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы пути и их решения* Сборник научных статей 8-ой Международной научно-практической конференции. 2018. С. 121-124.
130. Дегтярева В.В., Созаева Д.А. Когнитивные особенности принятия управленческих решений в условиях цифровой экономики. Результаты эксперимента // *Вестник университета*. 2019. № 4. С. 5-13.
131. Дейнека А.В. Управление человеческими ресурсами. - М.: Дашков и К⁰, 2017. - 292 с.

132. Демироглу Н.Б. Инвестирование в социальное предпринимательство: признаки и особенности / Журнал прикладных исследований. 2022. № 3-1. С. 14-18.
133. Дигилина О.Б. Корпоративные инструменты в управлении персоналом: искусственный интеллект // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 14. № 3. С. 70-74.
134. Дигилина О.Б., Лебедева Д.В. Сквозные технологии: современное использование, проблемы и новые тенденции // Инновации в менеджменте. 2022. № 2 (32). С. 8–14.
135. Днепровская Н.В. Исследование перехода предприятия к цифровой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2019. № 4 (106). С. 54-65.
136. Днепровская Н.В. Оценка готовности российского высшего образования к цифровой экономике // Статистика и Экономика. 2018. № 4 (15). С. 16-28.
137. Доброжинская А.А. Инвестиции в социальные проекты. анализ российского рынка / Аллея науки. 2018. Т. 1. № 9 (25). С. 476-486.
138. Добрынин А.П., Черных К.Ю., Куприяновский В.П., Куприяновский П.В., Синягов С.А. Цифровая экономика – различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA и другие) // International Journal of Open Information Technologies. 2016. № 1. С. 4-11.
139. Довгаль В.А., Довгаль Д.В. Роль туманных вычислений в интернете вещей // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.4: Естественно-математические и технические науки. 2018. № 4. С. 205-209.
140. Дойль, П. Менеджмент: стратегия и тактика. / СПб.: Питер, 2007. – 116 с.
141. Долгова О.И., Никитаева А.Ю. Инновации бизнес-моделей: цифровизация, сервитизация и кастомизация в деятельности

- промышленных компаний // Друкеровский вестник. 2021. № 6 (41). С. 4-16.
142. Долгорукова И.В. Корпоративное социальное инвестирование в современной России: между экономической эффективностью и социальной справедливостью/ Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 3. С. 402-411.
143. Дорогина М.В., Алабина Т.А. Человеческий потенциал как стратегический ресурс развития территории // Теория и практика стратегирования. Сборник избранных научных статей и материалов. Сер. "Экономическая и финансовая стратегия". Т. VIII. Книга II. Под научной редакцией В.Л. Квинта. - Кемерово, 2022. С. 159-165.
144. Дорошенко С.В., Шеломенцев А.Г. Предпринимательская экосистема в современных экономических исследованиях // Журнал экономической теории. 2017. № 4. С. 212-221.
145. Дятлов С.А. Искусственный интеллект как институт развития цифровой нейросетевой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 2 (128). С. 25-29.
146. Евтихов О.В. Развитие лидерского потенциала руководителя: Монография. - М.: ИНФРА-М, 2014. - 198 с.
147. Егина М., Земскова Е. Цифровая экономика и ее влияние на качественные и количественные показатели потребления // Контентус. 2019. № S11. С. 216-226.
148. Еремян В.С. Эволюция концепций факторов производства в экономической теории и их роль в развитии института предпринимательства// Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 6. С. 234-239.
149. Ефременко Е.В. Концептуальная модель использования цифровых технологий в сфере услуг // Инновационное развитие экономики. 2021. № 6 (66). С. 13-18.

150. Жданов Д.А. Человеческий капитал предприятия в контексте системной экономики // Экономическая наука современной России, 2020. № 4 (91). С. 24-38.
151. Жданов Д.А. Человеческий капитал предприятия: модель компетенций работника в цифровом мире // *π-Economy*. 2022. Т. 15. № 5. С. 58-74.
152. Жигарь О.В. Особенности хедхантинга: содержание и технологии // *Общество, экономика, управление*. 2020. Т. 5. № 3. С. 53-57.
153. Жуликова О.В. Развитие теории факторов производства// *Проблемы экономики*. 2014. № 3 (61). С. 6-8.
154. Жураховский С.Н. Практические аспекты оценки развития человеческого потенциала в условиях перехода к экономике, основанной на знаниях // *Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Экономика*. 2011. № 2 (94). С. 15-24.
155. Жураховский С.Н. Формирование современной структуры человеческого потенциала в контексте перехода к экономике, основанной на знаниях // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2009. Т. 125. С. 171-181.
156. Жураховский С.Н. Эволюция развития человеческого потенциала и концепция потребностей человека // *Электронный журнал "Вестник МГОУ"*. 2013. № 4. С. 1-7.
157. Зайцев Ю. Социальные инвестиции российского бизнеса за рубежом /*Международные процессы*. 2018. Т. 16. № 3 (54). С. 189-201.
158. Зайченко И.М., Смирнова А.М., Шаронова А.Д. Разработка концепции цифровой трансформации системы управления социально-экономическим развитием региона Крайнего Севера // *Экономика и экологический менеджмент*. 2018. № 4. С. 106-114.
159. Захарова С.Г., Яшин С.Н., Бабкин А.В. Концепция управления креативным человеческим капиталом // *Стратегическое управление*

- устойчивым развитием экономики в новой реальности. - СПб.: Издательство ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. С. 669-694.
160. Золотарчук А.В., Золотарчук В.В. Стратегическая оценка регионального развития на основе многомерных показателей воспроизводства человеческого потенциала // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2020. № 3 (58). С. 131-140.
161. Золотарчук В.В., Золотарчук А.В. Оценка влияния сферы услуг на воспроизводство человеческого потенциала // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2021. № 2 (61). С. 113-122.
162. Зоткина Н.С. Человеческий капитал как ведущий фактор развития компании: монография / Н.С. Зоткина, М.С. Гусарова, А.В. Копытова – Чебоксары: Издательский дом “Среда”, 2021 – 164 с.
163. Иванова С.В., Иванов О.Б. Перспективы развития образования в условиях четвертой промышленной революции // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2019. № 6. С. 7–30.
164. Иванова Т.Ю. Теория и практическая реализация человеческого капитала: проблемы и противоречия // Региональная экономика: теория и практика 2015. № 48. С. 47-60.
165. Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 332 с.
166. Исаев А.П., Наумов В.Н., Саблина Ю.В. О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 гг. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1. С. 84-97.
167. Каблашова И.В., Саликов Ю.А., Логунова И.В. Инновационное развитие системы управления предприятием в условиях цифровой трансформации // Организатор производства. 2019. Т. 27. № 2. С. 46-58.
168. Каблашова И.В., Саликов Ю.А., Логунова И.В. Тенденции изменений в управлении человеческими ресурсами в условиях

- цифровой экономики // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2019. № 2 (74). С. 488-498.
169. Кадомцева С.В., Палочкина В.В. Модели финансирования развития человеческого потенциала при переходе к информационному обществу // Социальная политика и социальное партнерство. 2016. № 3. С. 10- 23.
170. Кандаурова, Д. Диверсификация производства / М.: Армада, 2018. – 234 с.
171. Капелюшников Р. Экономическая теория прав собственности / М.: ИМЭМО РАН, 1990. – 564 с.
172. Каплан, Р., Нортон, Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / РМ.: Олимп-бизнес, 2021– 314 с.
173. Карачун И.А. Платформизация в цифровых бизнес-моделях компаний и сервисной экономике // Информатизация в цифровой экономике. 2021. Т.2. № 4. С. 141-154.
174. Каримова С.А. Корпоративная социальная ответственность как источник социального капитала организации: монография – М.: Креативная экономика, 2020 – 208 с.
175. Карпенко О.А., Левченко Л.В. Создание и функционирование искусственного интеллекта в современной экономике: проблемы и перспективы развития // Экономика. Общество. Человек: материалы национальной научно-практической конференции с международным участием. – М., 2020. С. 170-184.
176. Карпова Г.А., Кострюкова О.Н., Хорева Л.В., Максимовская О.А., Шарафанова Е.Е. Цифровая трансформация сферы услуг в странах-участниках СНГ // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2023. № 2 (64). С. 92-96.
177. Карпова Г.А., Хорева Л.В., Шраер А.В. Проблемы цифровой трансформации сферы услуг: инновационный, экономический и социальный аспекты // Журнал правовых и экономических

- исследований. *Journal of Legal and Economic Studies*. 2023. № 2. С. 192-201.
178. Кейнс, Дж. М. *Общая теория занятости, процента и денег* / М.: Гелиос, 2012. – 352 с.
179. Клейнер, Г.Б. *Стратегия предприятия* / М.: Дело, 2016.–568 с.
180. Киселева В.А., Рязанцева О.В., Аристархов П.В. Интеллектуальный потенциал предприятия как фактор его устойчивого развития // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. 2012. № 9. С. 128-134.
181. Киселёва Э.А. Обзор нечеткой логики в управлении / Киселёва Э.А., Краева А.А., Савинова Ю.С. // *Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral»*. 2019. №. 3.
182. Клименко Т.И. Государственно-частное партнерство в сфере услуг // *Наука и бизнес*. 2019. № 4 (94). С. 146-148.
183. Клименко Т.И. Методологические принципы формирования национальной стратегии управления эффективностью комплекса отраслей сферы услуг // *Научное обозрение: теория и практика*. 2018. № 4. С. 15-23.
184. Кобыш А.Н. Технологии и методы управления персоналом, связанные с обучением // *Проблемы научной мысли*. 2017. Т. 1. № 4. С. 11-13.
185. Коваленко, А.Г. Цифровая трансформация как основа успеха современной компании / А.Г. Коваленко, В.В. Шевцов // *Эпомен*. 2021. № 51. С. 39-45.
186. Колесников Д.В. Социальные инвестиции как основная форма реализации социальной ответственности бизнеса/ *Научные Записки ОрелГИЭТ*. 2019. № 3 (31). С. 4-8.
187. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные произведения / М.: Академический проект, 2015. – 642 с.

188. Кондратьев В.Б., Кедрова Г.В., Попов В.В. Сервитизация промышленности: новая реальность // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. № 65 (8). С. 22-30.
189. Кондратюк Т.В. Четвертая промышленная революция: какие компетенции необходимы сотрудникам? // *Стратегические решения & риск-менеджмент*. 2018. № 3 (108). С. 66-79.
190. Коновалова В. Управление вовлеченностью персонала: факторы успехов и неудач // *Кадровик*. 2014. № 9. С. 74-84.
191. Коновалова В.Г. Влияние искусственного интеллекта на гуманизацию управления персоналом // *Актуальные вопросы управления персоналом в условиях постпандемической экономики: Сб. науч. статей Всерос. научно-практич. конф. Екатеринбург, 8 апреля 2021 г. Екатеринбург: Уральск. гос. ун-т путей сообщения, 2021. С. 53–57.*
192. Корнина А.Е. Машинное обучение и нейронные сети в бизнесе // *Хроноэкономика*. 2018. № 2 (10). С. 111-116.
193. Коробейников И.О. Ключевые принципы формирования стратегии развития региональной инфраструктуры // *Вестник Казанского технологического университета*. 2014. № 1. С.327-330.
194. Королева И.С., Вишневская Е.В. Анализ показателей развития цифровых сервисов в регионе (на примере г. Белгород) // *Сервис в России и за рубежом*. 2021. Т. 15. № 2. С. 102-109.
195. Коростышевская Е.М., Трифилова А.А. Научно-технологические приоритеты России: эволюция и перспективы / В книге: *Международный экономический симпозиум - 2017 Материалы международных научных конференций*. 2017. С. 432.
196. Коротаев А.В., Гринин Л.Е. Н.Д. Кондратьев и Кондратьевские волны в мировой техно -инновационной активности // *Экономическая наука современной России*. 2013. № 2 (61). С. 128-140.

197. Котырло Е.С. Человеческий потенциал и человеческий капитал как научные категории // Аудит и финансовый анализ. 2011. № 6. С. 16-22.
198. Кудрявцев Д.В., Арзуманян М.Ю. Архитектура предприятия: переход от проектирования ИТ-инфраструктуры к трансформации бизнеса // Российский журнал менеджмента. 2017. № 2. С. 193-224.
199. Кузнецов Ю.В., Мелякова Е.В. Формирование и развитие виртуальной организации // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 4. С. 248-256.
200. Кулаков К.Ю., Куцая М.П. Социальное инвестирование: идентификация оценки некоммерческих проектных выгод/ Экономика и предпринимательство. 2020. № 4 (117). С. 674-678.
201. Кулапов М.Н. Бизнес-экосистемы: определения, типологии, практики развития / М.Н. Кулапов, Е.И. Переверзева, О.Ю. Кириллова // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 3. С. 1597-1612.
202. Кульпина Н.В., Зиберев А.С. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей/ Академическая публицистика. 2022. № 5-1. С. 160-166.
203. Курдюков В.Н., Авласенко И.В. Корпоративная социальная ответственность: учебное пособие – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2020 – 103 с.
204. Кучумов А.В., Печерица Е.В., Волошинова М.В. Теоретические аспекты совершенствования бизнес-процессов предприятия сферы услуг // Вестник Национальной академии туризма. 2021. № 2 (58). С. 19-21.
205. Кучумов А.В., Печерица Е.В. Корпоративная социальная ответственность, "зелёные" инновации и конкурентоспособность - причинно-следственная связь/ Экономический вектор. 2022. № 2 (29). С. 101-105.

206. Лазарев В.А. К вопросу о соотношении понятий "сфера услуг", "непроизводственная сфера", "социальная сфера", "сфера обслуживания" и "сфера сервиса" // Наукоеведение. 2016. Т. 8. № 6. С. 53-63.
207. Лев М.Ю., Колпакова И.А. Бюджетные факторы реализации государственных программ и национальных проектов в системе экономической и социальной безопасности России // Экономика, предпринимательство и право. 2020. № 5. С. 1521-1534.
208. Логунова И.В. Формирование инновационных подходов к управлению человеческими ресурсами организации // Экономинфо. 2018. Т. 15. № 1. С. 32-36.
209. Львов Д.С., Глазьев С.Е. Теоретические и прикладные аспекты управления научно-техническим прогрессом // Экономика и математические методы. 1987. Т. 23. № 5. С. 793.
210. Львов, Д.С. Введение в институциональную экономику / М.: Экономика, 2005. – 640 с.
211. Ляндау Ю.В. Теория процессного управления / М.: Инфра-М, 2015. - 118 с.
212. Лясковская Е.А. Индустрия 4.0 и устойчивое развитие: от устойчивых бизнес-моделей к цифровой устойчивости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2021. Т.15. № 4. С. 74-83.
213. Мажкенов С.А. Ценностно-целевая модель лидерства // Лидерство и менеджмент. 2021. Т. 8. № 1. С. 31-52.
214. Макарова Е.А. Ключевые технологии цифровой трансформации в сфере HR: тенденции в сфере управления персоналом в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 1-3 (115). С. 30-34.
215. Макаrenchенко М.А., Павлова О.Н. Особенности трансформации классического командообразования в виртуальное в условиях

- цифровизации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 1. С. 39-53.
216. Максимцев И.А., Горбашко Е.А. Интеграция науки, образования и бизнеса в стратегическом развитии университета // В сборнике: Национальные концепции качества: интеграция образования, науки и бизнеса Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. под редакцией Е.А. Горбашко. 2017. С. 13-18.
217. Маннапова Р.Г., Берешева Л.А. Управление человеческими ресурсами в организациях сферы услуг: научные основы формирования и развития: монография / под ред. Маннапова Р.Г. – М.: МАКС Пресс, 2011 – 176 с.
218. Маркс, К. Капитал / Спб.: Лениздат, 2021. – 512 с.
219. Маршалл, А. Основы экономической науки / предисл. Дж. М. Кейнса; пер. с англ. В.И. Бомкина, В.Т. Рысина, Р.И. Столпера – М.: Эксмо, 2008. – 832 с.
220. Масюк Н.Н., Васюкова Л.К., Бушуева М.А. Нейронные сети как прорывная цифровая технология в инновационном бизнесе // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 279-283.
221. Медведев Д.А. Большие данные: причины появления и как их можно использовать/ Наука и образование сегодня. 2019. № 4 (39). С. 14-16.
222. Мелехина П.Ю., Дмитриев А.Г. Корпоративная социальная ответственность государственных служащих / Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. № 3-1. С. 300-309.
223. Мельник Н.А. Особенности управления устойчивым развитием предприятий сферы услуг // Вестник Луганского государственного университета им. Владимира Даля. 2021. № 1 (43). С. 97-103.

224. Методология развития экономики, промышленности и сферы услуг в условиях цифровизации / Под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. – СПб: Политех-Пресс, 2018. – 756 с.
225. Морозов М.А., Морозова Н.С. Концепция цифровой экосистемы индустрии туризма и гостеприимства // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. Т. 14. № 4. С. 27-36.
226. Морозов М.М. Инновационные бизнес-модели в сервисной индустрии с целью обеспечения ее устойчивого развития // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. № 1. С. 15-23.
227. Морозов М.М., Морозов М.А. Цифровые экосистемы как инструмент трансформации сервисной экономики // Вестник Академии знаний. 2021. № 45 (4). С. 221-227.
228. Мортиков В.В. Управление персоналом в условиях дефицита кадров // Вопросы управления. 2022. № 1 (74). С. 73-86
229. Мудунов А.С., Цахаева К.Н. Предприятия сферы услуг: анализ моделей и методов // Вопросы структуризации экономики. 2012. № 1. С. 62-65.
230. Муратова М.А., Сайтов Р.Е. Цифровые экосистемы как новая модель развития крупнейших компаний // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2022. № 5. С. 3413-3428.
231. Набок О.А. Цифровая культура. Механизмы формирования цифровой культуры // Digital. 2021. Т. 2. № 1.
232. Назарова Т.В., Шпортько Ю.В. Digital-инструменты в сфере подбора персонала // Актуальные проблемы управления в условиях цифровой экономики России: Всерос. науч. конф.: Сб. статей. Москва, 1 апреля 2020 г.: VII Сперанские чтения. М.: РГГУ, 2020. С. 78-86.
233. Назарова Э.Р., Шеина А.Ю., Брусенцова Л.С. Корпоративная социальная ответственность градообразующей и системообразующей

- организации: анализ и направление развития/ Сибирская финансовая школа. 2022. № 1 (145). С. 130-137.
234. Насибуллин Э.Н. Корпоративное обучение как фактор повышения интеллектуального потенциала персонала организации // Образовательные технологии и общество. 2010. Т. 13. № 2. С. 250-261.
235. Наумова Е.Ю. К вопросу определения понятия человеческие ресурсы // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2012. № 7 (94). С. 100-103.
236. Нежникова Е.В., Тимохова Г.В. Цифровые трансформации менеджмента и бизнес-процессов в целях устойчивого развития компании // Экономика и предпринимательство. 2022. № 3 (140). С. 1295-1301.
237. Нестеренко Е.С. Цифровая услуга: понятие, виды, особенности // Теоретическая экономика. 2019. № 7. С. 70-79.
238. Нешиной А.С. К новой модели экономического развития: воспроизводственный аспект // Экономист. 2010. № 2. С. 10-25.
239. Никитаева А.Ю., Михалкина Д.А. Развитие человеческих ресурсов в условиях цифровой экономики: стратегическая перспектива // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2019. Т. 21. № 4. С. 152-161.
240. Никольская Е. Ю., Попов Л. А. Управление персоналом в индустрии туризма: учебное пособие – М.: РЭУ, 2021. - 119 с.
241. Новак М.А., Кисова А.Е., Шаховских Э.О. Корпоративное социальное инвестирование: сравнение социального инвестирования на примере металлургических предприятий/ Инновационная экономика и право. 2021. № 4 (19). С. 8-17.
242. Нуреев Р.М. Три этапа становления цифровой экономики/ Вопросы регулирования экономики. 2019. Т. 10. № 2. С. 6-27.
243. Овсянникова Т.А. Направления и результаты трансформации сферы услуг в современной экономике // Теория и практика

- эффективности государственного и муниципального управления. Курск, 2019. С. 272-276.
244. Огунлана А.О. Социальные инвестиции в России: современные вызовы и ограничения // В сборнике: Инвестиции, строительство, недвижимость как материальный базис модернизации и инновационного развития экономики. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Под редакцией Т.Ю. Овсянниковой, И.Р. Салагор. 2018. С. 188-192.
245. Осипова А.Н. Анализ развития человеческого потенциала в России // Криминологический журнал. 2021. № 4. С. 71-76.
246. Основные тренды цифровой трансформации экономики: монография / Н.Н. Масюк, М.А. Бушуева, З.В. Брагина [и др.]; под ред. Н.Н. Масюк; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2022. – 144 с.
247. Остроух А.В. Интеллектуальные системы: монография. - Красноярск: Научно-инновационный центр, 2020. - 316 с.
248. Павленко И.Г., Киреева М.М. Теоретические подходы к определению ресурсного потенциала малых средств размещения // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. № 4. С. 105-113.
249. Пайтаева К.Т., Басханова Т.С. Определение структуры ресурсного потенциала предприятия как начальный этап анализа эффективности его использования // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ "Нацразвитие" Материалы конференций ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ». Выпускающий редактор Ю.Ф. Эльзессер, ответственный за выпуск С.В. Викторенкова. 2019. С. 209-211.
250. Панфилова Е.Е. Формирование экосистем и платформ в цифровой экономике // Московский экономический журнал. 2022. № 1. С. 632-641.
251. Паньшин Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. 2016. № 3 (157). С. 17-20.

252. Петров А.Н., Карпова Г.А., Хорева Л.В. Концептуализация подходов к формированию целостной теории услуг // Известия СПбГЭУ. 2012. № 1 (43). С. 40-50.
253. Петрусева Д.А. HR-аналитики как инструмент принятия стратегических решений в бизнесе // Наука и образование в глобальных процессах. 2019. № 1(6). С. 40-43.
254. Петрушевский Ю.Л., Потапова М.С. Анализ ключевых дефиниций в исследованиях человеческих ресурсов // Менеджер. 2018. № 2 (84). С. 38-45.
255. Питасова Е.Е. Человеческие ресурсы как источник национального богатства // Проблемы современной экономики. 2011. № 3-1. С. 35-42.
256. Плотников А.В. О цифровой трансформации общества и экономики / Российский экономический интернет-журнал. 2020. № 3.
257. Поденщикова Ю.М., Пунина К.А. Социальное инвестирование как часть GR-стратегии российских компаний/ Ars Administrandi (Искусство управления). 2020. Т. 12. № 3. С. 418-440.
258. Половова Т.А., Новиков Д.С., Рахматуллина Е.С. Формирование инновационной среды в условиях цифровизации экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. № 9А. С. 321-330.
259. Попов Е.В., Семячков К.А., Москаленко Ю.А. Цифровой потенциал предприятия // Экономический анализ: теория и практика. 2019. Т. 18, № 12. С. 2223-2236.
260. Протасова Л.Г. Управление качеством в сфере услуг: монография / Л.Г. Протасова, О.В. Плиски. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. – 176 с.
261. Пуляева В.Н. Социальные инвестиции в таланты организации// В сборнике: Новое в развитии предпринимательства: инновации, технологии, инвестиции. материалы VII Международного научного конгресса. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 2019. С. 446-451.

262. Раджабов К.Р., Раджабова З. Дж. Инновационное обеспечение устойчивого развития предприятий сферы услуг в условиях рынка // Экономика Таджикистана. 2021. № 4-2. С. 154-160.
263. Разинкина И.В., Лазарев Н.В. Инновационная деятельность в условиях цифровой экономики // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 11. С. 2757-2772.
264. Раунио М., Нордлинг Н., Каутонен М., Ресенен П. Платформы открытых инноваций как инструмент "треугольника знаний": опыт Финляндии // Форсайт. 2018. Т. 12. № 2. С. 62-76.
265. Рачипа А.В., Суржигов М.А., Самыгин С.И. Цифровизация в управлении организацией: инновационные бизнес-модели // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 64-69.
266. Родионов Д.Г., Ларченко Л.В., Жарская Х.В. Государственно-частное партнерство как форма реализации крупных инвестиционных проектов городского развития/ Инновации. 2021. № 6 (272). С. 61-67.
267. Родионов Д.Г., Карпенко П.А., Конников Е.А. Концептуальная модель управления развитием региональных социально-экономических систем/ Экономические науки. 2021. № 197. С. 163-170.
268. Романенко Е.В., Романов Р.Р. Развитие инновационного предпринимательства в условиях формирования цифровой экономики// В сборнике: Стратегии развития предпринимательства в современных условиях. Сборник научных трудов IV национальной (с международным участием) научно-практической конференции. 2020. С. 50-53.
269. Романенко Е.В., Дмитренко Е.Н. Экспорт образования как элемент "мягкой силы" / Вестник Сибирского Отделения Академии Военных Наук. 2020. № 55. С. 177-179.
270. Рождественская Л.Н., Рогова О.В., Чередниченко Л.Е. Особенности цифровой трансформации предприятий индустрии питания // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 6. С. 1137-1154.

271. Россия и страны мира: статистический ежегодник. – М.: Изд-во Федеральные службы государственной статистики, 2021. – 518 с.
272. Савич Ю.А. Цифровая трансформация и влияние ее на конкурентоспособность промышленных предприятий // Экономинфо. 2018. Т. 15. № 4. С. 44-48.
273. Саврасова Д.В. Социальное инвестирование как фактор устойчивого социально-экономического развития региона диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Алтайский государственный университет". 2022
274. Савченко Д.В., Резникова К.М., Смышляева А.А. Нечеткая логика и нечеткие информационные технологии // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». 2021. Т. 8. № 1.
275. Савченко Д.Ю., Серебрякова Т.А. Возможности применения нейронных сетей в процессе подбора персонала // Colloquium-journal. 2019. № 3. с. 27-29.
276. Салихов Б.В. Управление неявными знаниями в организации. – М.: Изд-во «МУ им. С.Ю. Витте», 2015. – 200 с.
277. Семенов А.И., Губайдуллина А.Д. Цифровая трансформация бизнес-моделей организации // Экономика строительства. 2021. № 2 (68). С. 49-55.
278. Сервис и туризм в условиях цифровизации российской экономики / [Карпова Г.А., Шарафанова Е.Е., Морозов М.М. и др.]; под редакцией доктора экономических наук, профессора Г.А. Карповой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский государственный экономический университет", Кафедра экономики и управления в сфере услуг. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2018. - 176 с.

279. Серебрякова Т.А., Давыдова В.Р. Информационные ресурсы как средство поддержки бизнеса и эффективной деятельности предприятия // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 12. С. 2775-2790;
280. Серов И.А. Роль человеческих ресурсов в развитии современной экономики / И.А. Серов, Ф.И. Требух, О.А. Сайченко // Неделя науки Санкт Петербургского государственного морского технического университета. 2020. Т. 2. № 4.
281. Синицина В.В. Формирование и развитие концепции человеческого потенциала // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 6. С. 150-155.
282. Смагин Б.И. Ресурсный и производственный потенциалы аграрной сферы производства: методика количественной оценки и эффективности их использования // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2022. № 1 (68). С. 180-187.
283. Смирнов М.В. Корпоративная социальная ответственность бизнеса как инструмент развития толерантности// В сборнике: Сборник тезисов победителей конкурса студенческих исследовательских работ по проблематике формирования толерантной среды в Санкт-Петербурге в 2021 году. Санкт-Петербург, 2021. С. 61-66.
284. Соболев Э.Н. Социальное инвестирование в сфере труда: механизмы, эффективность, глобализационные риски/ Россия и современный мир. 2019. № 1 (102). С. 148-160.
285. Соболевская Т.Г. Влияние цифровизации экономики на систему менеджмента современного предприятия // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 10А. С. 165-171.
286. Солнцева О.Г. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта // E-Management. 2018. Т. 1. № 1. С. 43-51.

287. Солнцева О.Г., Оганесян А.П. Влияние инновационных технологий на стабильное развитие предприятий гостиничной индустрии // Вестник университета. 2017. № 11. С. 46-50.
288. Стаценко В.В., Бычкова И.И. Экосистемный подход в построении современных бизнес-моделей // Индустриальная экономика. 2021. № 1. С. 45-60.
289. Степанов П.П. Искусственные нейронные сети // Молодой ученый. 2017. № 4. С. 185-187.
290. Столярова Е.В. Цифровая экосистема как конкурентное преимущество международных компаний // Банковский вестник. 2020. № 7 (684). С. 20-28.
291. Стрелкова И.А. Цифровая экономика: новые возможности и угрозы для развития мирового хозяйства // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 2. С. 18-26.
292. Тагаров Б.Ж. Цифровой кластер как новая форма экономической концепции // Креативная экономика. 2021. № 2. С. 327-340.
293. Тихонова Т.В. Экосистемные услуги: пути практического использования // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 25-39.
294. Тищенко И.А. Концепция цифровой трансформации экономики промышленности: инновационные подходы и прогнозирование экономического развития: автореферат дисс. ...доктора экономических наук. -Орел, 2022. - 48 с.
295. Тищенко И.А. Цифровая экономика как контур исследования цифровой трансформации экономики // Экономические и гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 3-15.
296. Тищенко И.А. Цифровизация национальной экономики: монография / Л.В. Попова, И.А. Тищенко, Г.С. Григорян – Ростов-на-Дону: Изд-во ООО «МиниТайп» 2022. – 120 с.

297. Толмачев О.М., Лясникова Ю.В. Длинные волны Кондратьева и циклическая динамика нарушений координации и когнитивности экономического развития и целостности стран// Экономика и социум: современные модели развития. 2018. Т. 8. № 4 (22). С. 54-68.
298. Торба А.А. Современный взгляд на понимание сущности экономики знаний и ее роли в развитии человеческого потенциала // Вестник ДонНУ. Серия В. Экономика и право. 2021. № 3. С. 299-308.
299. Трачук А.В., Линдер Н.В. Инновации и производительность: эмпирическое исследование факторов, препятствующих росту методом продольного анализа // Управленческие науки. 2017. Т. 7. № 3. С. 43-58.
300. Трачук А.В., Линдер Н.В., Антонов Д.А. Влияние информационно-коммуникационных технологий на бизнес-модели современных компаний // Эффективное Антикризисное Управление. 2014. № 5. С. 60-69.
301. Третьяков О.В. Направления и механизмы развития института социального предпринимательства в современной России // Воспроизводство интеллектуального капитала: коллективная монография - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та управления и экономики, 2016. - 428 с.
302. Третьяков О.В. Управление социальным инвестированием в корпорациях: концепции, модели, технологии: монография. - Пермь: Астер, 2019. - 311 с.
303. Третьяков О.В. Управление развитием человеческого капитала в парадигме цифровизации экономики: монография / Пермский национальный исследовательский политехнический университет. – Пермь: Изд-во «Астер Плюс», 2021. – 416 с.
304. Третьяков О.В. Оценка ключевых направлений социального инвестирования в сфере услуг/ Финансовый бизнес. 2023. № 12 (246). С. 250-252.

305. Третьяков О.В. Анализ факторов успеха создания, функционирования и развития цифровых экосистем в бизнесе // Московский экономический журнал. 2022. № 2. С. 643-652.
306. Третьяков О.В., Уваров С.А. Особенности корпоративного социального инвестирования в российской практике // Экономика и предпринимательство. 2022. Т. 16. № 4 (141). С. 840-843.
307. Третьяков О.В., Назарова Е.А. Составные элементы человеческого потенциала компании с позиции управления персоналом // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2 (137). С. 157-161.
308. Третьяков О. В, Воротынская А.М. Корпоративная социальная ответственность в условиях глобальной нестабильности // Финансовая экономика. 2022. № 6. С. 71-73.
309. Третьяков О.В. Формирование алгоритма цифровой трансформации современной компании сферы услуг // Экономический журнал. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. № 8-1. С. 237-247.
310. Третьяков О.В. Мотивационные аспекты формирования системы развития управленческого персонала компании в условиях цифровизации // Московский экономический журнал. 2021. № 8. С. 418-437.
311. Третьяков О.В. Совершенствование системы мониторинга для оценки экономической эффективности корпоративного социального инвестирования // Научный диалог: Экономика и менеджмент. Сборник научных трудов по материалам XXI международной научно-практической конференции 8 апреля 2019 г. Изд. ЦНК МОАН, Санкт-Петербург, 2019, с. 28-34.
312. Третьяков О.В. Методические основы эффективности корпоративных социальных программ и проектов // Ежемесячный

- международный научный журнал "International science project", 1 часть, № 24, 2019, С. 69-71. (Финляндия, Турку).
313. Третьяков О.В. Методика комплексной оценки корпоративной социальной ответственности российской компании // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 50-5. С. 74-81.
314. Третьяков О.В., Сигов В.И. Анализ корпоративных социальных инвестиций в контексте организационно-управленческих затрат предприятия // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 5 (113). С. 137-142.
315. Третьяков О.В. Корпоративный аспект социального инвестирования // Успехи современной науки. 2016. Т. 3. № 12. С. 53-61.
316. Третьяков О.В. Методические подходы к оценке эффективности инвестиций в человеческий капитал корпорации // Модернизация российской экономики: Прогнозы и реальность: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. С. 622-628.
317. Третьякова Е.А., Фрейман Е.Н. Экосистемный подход в современных экономических исследованиях // Вопросы управления. 2022. № 1. С. 6-20.
318. Тульчинский Г.Л. Корпоративные социальные инвестиции и социальное партнерство: технология и оценка эффективности – М.: Изд-во ВШЭ, 2016 – 236 с.
319. Туов А.Р. Интеграционный потенциал структурной модернизации межотраслевого взаимодействия хозяйствующих субъектов мезоуровня // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2011. № 3. С. 184-189.
320. Туровец О.Г., Родионова В.Н., Каблашова И.В., Обеспечение качества организации процессов в условиях управления цифровым производством // Организатор производства. 2018. № 4. С.65-76.

321. Тюкавкин, И.Н. Экономика знаний / Вестник Самарского государственного университета. 2014. -№6. С. 145 – 156.
322. Угрехелидзе А.О. Теоретические аспекты определения ресурсного и кадрового потенциалов организации // Журнал правовых и экономических исследований. 2014. № 3. С. 136-141.
323. Управление персоналом в сфере услуг: конспект лекций / Л.И. Губарев [и др.] – Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2020 – 279 с.
324. Усков В.С. Анализ тенденций и проблем цифровизации сферы услуг в Российской Федерации // Вопросы территориального развития. 2021. Т. 9. № 5. С. 1-17.
325. Уткин Г.И. Корпоративные социальные инвестиции в развитие волонтерства: дополнительные возможности для смягчения отчужденности и чувства одиночества сотрудников// В сборнике: Инвестиции, строительство, недвижимость как материальный базис модернизации и инновационного развития экономики. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Под редакцией Т.Ю. Овсянниковой, И.Р. Салагор. 2018. С. 914-916.
326. Филатов С.А. Экономика знаний: качественная и количественная характеристика / С.А. Филатов, Н.Г. Сухорукова // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 4 (26). С. 68-80.
327. Фраймович Д.Ю., Алексеев В.А. Развитие механизма управления инновационной деятельностью/ Международный экспедитор. 2021. № 4. С. 20-23.
328. Фраймович Д.Ю., Барина А.Д. Исследование уровня готовности федеральных округов РФ к цифровизации экономики/ Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 1 (49). С. 70-77.
329. Хайкин М.М. Управление сферой услуг в развитии человеческого капитала: монография. – СПб.: СПбГУЭФ, 2010. – 159 с.

330. Хачатурян М.В. Особенности развития цифровых бизнес-моделей организаций в современных условиях // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 5. С. 1975-1992.
331. Ходжсон, Дж. Экономическая теория и институты / М.: Дело, 2003.
332. Ходос Д.В., Поздеева Е.А. Оценка ключевых уровней управления научным потенциалом в современной экономике знаний/ Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 1. С. 23-27.
333. Ходос Д.В., Воротынская А.М. Стратегическое управление искусственным интеллектом в российской экономике/ Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 1 (127). С. 91-96.
334. Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. - М.: Классика XXI, 2011. - 256 с.
335. Холопов А.А., Холопов М.А., Белик В.В. Unit-экономика как инструмент экономико-математического моделирования бизнес-процессов предприятий // Финансовая экономика. 2021. № 4. С. 218-221.
336. Ценжарик М.К., Крылова Ю.В., Стешенко В.И. Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 390-420.
337. Ципинова А.С. Кастомизация как актуальная тенденция // Modern Science. 2019. № 9-2. С. 73-75.
338. Цифровая трансформация: ожидания и реальность: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. [Текст] / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневецкий, М.А. Гершман, Л.М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П.Б. Рудник; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. - 221 с.

339. Цифровая экономика и Индустрия 5.0: развитие в новой реальности монография / И.В. Асланова, З.А. Ашуров, А.В. Бабкин [и др.]; под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. - СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. - 480 с.
340. Цифровая экономика: проблемы и последствия современных технологий: Коллективная научная монография / Под редакцией д.э.н. Полянина А.В. - Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. - 222 с.
341. Цифровой контент социального и экосистемного развития экономики: сборник трудов Международной научно-практической конференции «Цифровой контент социального и экосистемного развития экономики» (Симферополь, 23 ноября 2021 г.) / Под науч. ред. д.э.н., профессора Н.А. Симченко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. - 410 с.
342. Цихоцкий М.А. Волны Кондратьева, как сложный объект в условиях неопределённости экономики XXI века/ Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2017. Т. 3. С. 155-158.
343. Черникова Л.И., Белохвостова Н.В. Ресурсный потенциал сферы услуг и его гендерные аспекты // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 4 (190). С. 36-47.
344. Чуланова О.Л., Хайбуллова К.Н. Управление интеграцией технологий искусственного интеллекта как технологического тренда в условиях цифровой трансформации в работу с персоналом // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 1 (27). С. 112-121.
345. Шадченко Н.Ю., Сырникова Л.В., Короткова Е.В., Хроменко А.П. Корпоративная социальная ответственность - Учебно-методическое пособие / Саратов, 2022.

346. Шайдуллин А.И. Проблема интерпретации, дифференциации и классификации цифровых продуктов // Бизнес-информатика. 2023. Т. 17. № 2. С. 55-70.
347. Шаманина Э.А. Социальные инвестиции и социально ответственное инвестирование как формы сотрудничества государства и бизнеса в решении социальных проблем // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 3. № 12. С. 180-185.
348. Шарапова В.М., Шарапова Н.В. Маркетинговые исследования рынка с применением методов прогнозирования // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 12. С. 4033-4040.
349. Шарафанова Е.Е., Карпова Г.А., Кострюкова О.Н., Хорева Л.В., Максимовская О.А. Цифровая трансформации сферы услуг в странах-участниках СНГ/ Техничко-технологические проблемы сервиса. 2023. № 2 (64). С. 92-96.
350. Шарафанова Е.Е., Безденежных Т.И. Возможности и преимущества цифровизации: территориальная дифференциация/ Экономика и предпринимательство. 2021. № 11 (136). С. 423-428.
351. Шарп У. и др. Инвестиции. М.: Дело, 2021. С.171.
352. Шатрова А.П. Алгоритм внедрения методики оценки ресурсного потенциала предприятия сферы услуг // Проблемы современной экономики. 2009. № 3. С. 392-395.
353. Шваб К. Четвертая промышленная революция. - М.: Эксмо, 2016. - 138 с
354. Шевякова А.Л., Петренко Е.С., Уразбеков А.К. Развитие компетенций для Индустрии 4.0: квалификационные требования и решения // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 1. С. 85-102.
355. Шер М.Л. Основы повышения конкурентоспособности российских предприятий сферы товаров и услуг в современных

- условиях / М.Л. Шер, К.Э. Гоголь, В.Ю. Коченова // Известия Вузов. Северокавказский регион. 2005. № 8. С. 59-69.
356. Шестакова Е.В. Цифровые технологии в сфере HR // Шаг в науку. 2022. № 1. С. 4–11.
357. Шлафман А.И. Необходимость интеграции предприятий сферы услуг для реализации инновационной активности//Глобальный научный потенциал. 2016. № 10 (67). С. 64-66.
358. Шпакович Д.К. Предпосылки перехода к новому технологическому укладу// Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2019. № 1. С. 67-70.
359. Шуйский В.П. Международная торговля в условиях цифровизации мировой экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 7. С. 7-20.
360. Щепакин М.Б., Михайлова В.М. Сфера услуг как экономическая категория и вид экономической деятельности // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 1. С. 71-88.
361. Экономика и общество: социально-экономические последствия пандемии: коллективная монография / Под ред. Ю.В. Гнездовой, М.Х. Саидова – Курск: Изд-во ЗАО “Университетская книга”, 2021 – 166 с.
362. Экономические исследования: анализ состояния и перспективы развития // Алексеева Н.В., Андренов Н.Б. и др. – Москва-Воронеж, 2018. – 124 с.
363. Экосистемы в пространстве новой экономики: монография / науч. ред.: М.А. Боровская, Г.Б. Клейнер, Н.Н. Лябах, М.А. Масыч, Л.Г. Матвеева, И.К. Шевченко; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – 788 с.
364. Эсаулова И.А., Семенова И.В. Управление инициативой персонала как область современной организации // Вестник университета. 2017. № 9. С. 26-34.

365. Янченко Е.В. Влияние цифровой экономики на инновационное развитие человеческого потенциала российского общества: возможности и ограничения // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 2. С. 849-866.
366. Яхнеева И.В., Хансевяров Р.И., Жабин А.П., Волкодавова Е.В. Социальные инвестиции как составляющая устойчивого развития бизнеса/ Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 12. С. 3903-3912.
367. Яшин С.Н. Формирование стратегии инновационного развития предприятия сферы услуг в условиях цифровой экономики / С.Н. Яшин, А.Э. Амбарцумян // Развитие сферы услуг: стратегии, инновации, компетенции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Н. Новгород, 26 марта 2019 г. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. С. 559-565.
368. Яшкина К.Ю. Трудовой потенциал: теоретические аспекты понятия, характеристика его основных компонентов // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 577-580.
369. Alchian, A., Demsetz, H. Production, information cost and economic organization / A. Alchian, H. Demsetz. - NY, 1986. pp. 777-795
370. Aluisius, H.P., Mahmood, R. Social capital and firm performance / H. P. Aluisius, R. Mahmood // Asian Social Science. 2014. Vol 10 p.145
371. Andrew Ng. What Artificial Intelligence Can and Can't Do Right Now // Harvard Business Review. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hbr.org/2016/11/what-artificial-intelligence-can-and-cant-do-right-now> (дата обращения: 23.12.2023).
372. Bain Joe S. Barriers to New Competition: Their Character and Consequences in Manufacturing Industries / Joe S.Bain. – London, 1956. – 329 p.

373. Becker D.S. Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. – 3rd ed. – Chicago, London: The University of Chicago-Press. – 1964.
374. Beltrami M., Orzes G., Sarkis J., Sartor M. Industry 4.0 and sustainability: Towards conceptualization and theory // Journal of Cleaner Production. 2021. Iss.312.
375. Berman S.J. Digital transformation: Opportunities to create new business models // Strategy and Leadership. 2012. Vol.40. Iss.2. Pp. 16-24.
376. Bircan I. Analysis of Innovation-Based Human Resources for Sustainable Development / I. Bircan, F. Gencler // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 195. P. 1348-1354.
377. Brown R.T. Creativity; What are we to measure? In J.A. Glover, R.R. Ronning & C.R. Reynolds (Eds.), Handbook of creativity. – New York: Plenum, 1989. – 32 p.
378. Bush T., Glover D. Pilot New Visions Evaluation: First Interim Report. – Nottingham; NCSL, 2002. – P. 9.
379. Carlton, D., Perloff, J. Modern Industrial Organization / D. Carlton, J. Perloff. - Harper Collins, USA, 1994. – 780 p.
380. Cherwitz, R. Developing intellectual entrepreneurship / R. Cherwitz. – Wash, 2020, - 174 p.
381. Cheung, S. A Theory of Price Control / S. Cheung// Journal of Law and Economics. 1974. Vol. 17. № 1. pp. 53-71
382. Church, J., Ware, R. Industrial Organization: A Strategic Approach / J. Church, R. Ware. McGraw Hill 2000. – 1024 p.
383. Commons, J.R. Trade unionism and labor problems / J.R. Commons. – NY, 2011. – 838 p.
384. Conley, J.P. Blockchain and the Economics of Crypto-tokens and Initial Coin Offerings / J.P. Conley// Vanderbilt University Department of Economics Working. 2017. – 38 p.

385. Cooke F. L. Human resource management and industrial relations in multinational corporations in and from China: Challenges and new insights / F.L. Cooke, M. Liu, L.A. Liu, C.C. Chen // *Human Resource Management*. 2019. Vol. 58. № 5. С. 455-471.
386. Cusumano M.A, Gawer A., Yoffie D.B. *The Business of Platforms: Strategy in the Age of Digital Competition, Innovation, and Power*. New York, Harper Collins, 2019. - 320 p.
387. Dimaggio, Paul (ed.) *The Twenty-First-Century Firm: Changing Economic Organization In International Perspective* / Paul Dimaggio. Princeton: Princeton University Press, 2001. – 284 p.
388. Drucker P.F., *The Practice Competitive of Management*. - London, 1968, p. 58.
389. Easterly W., Levine R., It's Not Factor Accumulation: Stylized Facts and Growth Models, „Central Bank of Chile Working Papers” 2002, nr 164.
390. Edelman [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.edelman.com/trust/2020-trustbarometer/special-reports> (дата обращения: 14.12.2023).
391. Feng C. et al. Servitization strategy, manufacturing organizations and firm performance: a theoretical framework // *Journal of Business & Industrial Marketing*. 2021. Vol. 36, No 10. P. 1909-1928.
392. Fernandez V., Gallardo-Gallardo E. Tackling the HR digitalization challenge: key factors and barriers to HR analytics adoption / V. Fernandez, E. Gallardo-Gallardo // *Competitiveness Review: An International Business Journal*. 2021. Vol. 31. № 1. С. 162-187.
393. Frank A.G., Dalenogare L.S. and Ayala N.F. Industry 4.0 technologies: implementation patterns in manufacturing companies // *International Journal of Production Economics*. – 2019. – Vol. 210. – P. 15–26.
394. Geissbauer R., Schrauf S., Koch V. et al. (2014) *Industry 4.0 – Opportunities and Challenges of the Industrial Internet assessment* // PricewaterhouseCoopers [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <https://www.pwc.nl/en/assets/documents/pwcindustrie-4-0.pdf>. (дата обращения: 11.01.2024)
395. Glueck, W.F. *Business Policy and Strategic Management* / W.F. Glueck. - New York, McGraw-Hill, 2006. – 236 p.
396. Grossman G.M., Helpman E., *Endogenous Innovation in the Theory of Growth*, „Journal of Economic Perspectives” 1994, vol. 8, nr 1.
397. Guilford J.P. *The nature of human intelligence*. – New York: McGraw Hill, 1967. - 538 p.
398. Guilford J.P. Transformation abilities or functions // *Journal of Creative Behavior*, 1983. № 17. P.75-83.
399. Hale R.I., & Saville M. Nurturing the H in HR: using action learning to build organization development capability in the UK Civil Service, *Action Learning // Research & Practice*. 2014. pp. 1-19.
400. Hart M., Chaitoo R. Electronic commerce and the Rules of the World Trade Organization // *Journal of world intellectual property*. 1999. No. 6. p. 71–75.
401. He H., Harris L. Влияние пандемии Covid-19 на корпоративную социальную ответственность и философию маркетинга / *Journal of business research*, 2020, №116, 176-182.
402. Hein A., Schrieck, M., Riasanow, T. Digital platform ecosystems. *Electron Markets*. 2020. № 30, pp. 87-98.
403. Herstad, S., Brekke, T. Globalization, modes of innovation and regional knowledge diffusion infrastructures // *European Planning Studies* - 20, 2012. – pp. 1603-1625.
404. Howkins J. *The Creative Economy: How people make money from ideas*. - London: Allen Lane: Penguin, 2002. - 288 p.
405. Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. Towards a Theory of Ecosystems // *Strategic Management Journal*. 2018. N 39 (8). P. 2255-2276.
406. Jamwal A., Agrawal R., Sharma M., Kumar S. Developing a sustainability framework for Industry 4.0. *Procedia CIRP*. 2021. Iss. 98.

407. Josey W. Chad, England Kenric. Utilizing a project profile matrix to determine project management requirements // Paper presented at the PMI Global Congress 2009, North America, Orlando, FL.
408. Jugel D., Schweda C.M., Zimmermann A. Modeling decisions for collaborative enterprise architecture engineering. 10th Workshop Trends in Enterprise Architecture Research (TEAR), 2015, pp. 351-362, CAISE, Stockholm, Sweden.
409. Ismail M. H., Khater M., Zaki M. Digital Business Transformation and Strategy: What Do We Know So Far? University of Cambridge, 2017. - 35 p.
410. Katsamakas E. Value network competition and information technology // Human Systems Management. 2014. Vol.33. Iss.1-2. Pp. 717.
411. Khan I.S., Ahmad M.O., Majava J. Industry 4.0 and sustainable development: A systematic map-ping of triple bottom line, circular economy and sustainable business models perspectives. Journal of Cleaner Production. 2021. Iss. 297.
412. Kim P. MATLAB Deep Learning: With Machine Learning, Neural Networks and Artificial Intelligence. - Seoul, Soul-tupelos, Korea (Republic of), 2017. - 162 p.
413. Leminen S., Rajahonka M., Nyström A-G. Autonomous vehicle solutions and their digital servitization business models // Technological Forecasting and Social Change. 2022. Vol. 185. P. 122070.
414. Lexutt E. Different roads to servitization success – A configurational analysis of financial and non-financial service performance // Industrial Marketing Management. Elsevier, 2020. Vol. 84, No 6. P. 105-125.
415. Ma Q. Cognitive neuroscience, Neuroeconomics, and Neuromanagement / Q. Ma, X. Wang // Management World. – 2006. – № 10. – P. 139 – 149.
416. Manyika J., Chui M., Bughin J. et al. (2013) Disruptive technologies: Advances that will transform life, business, and the global economy // McKinsey Global Institute. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- [https:// www.mckinsey.com / ~ / media / McKinsey / Business%20 Functions / McKinsey%20Digital / Our%20 Insights / Disruptive%20technologies / MGI_Disruptive_ technologies_Full_report_May2013.ashx](https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/McKinsey%20Digital/Our%20Insights/Disruptive%20technologies/MGI_Disruptive_technologies_Full_report_May2013.ashx). (дата обращения: 14.01.2024).
417. Martin, R., Sunley, P. Path dependence and regional economic evolution // *Journal of economic geography*, 2006, №6. pp. 395–437
418. Masyuk N., Bushueva M., Vasyukova L., Mosolova N. Innovative Managerial Decisions: Towards a Conflict-Compromise Approach // *Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference (IBIMA)*. Seville, Spain, 15-16 November. 2018. Pp. 2839-2845;
419. Matten D., Moon J. The dynamics of CSR in a comparative perspective: convergence towards divergent hybrids: Book Chapter. *Ethical Business Leadership in Troubling Times*, Edward Elgar Publishing, - 2019, p. 22-40
420. Mihova T.B., Ivanova I.M. Digitalization of HR activities in industrial enterprises // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2020. Vol. 878. № 1.
421. Morozov M.A., Morozova N.S., Morozov M.M., Moldazhanov M.B. Innovative development of the regional economy. Semey, PC “Intellect”, 2019. - 104 p.
422. Nambisan S. Digital Innovation Management: Reinventing innovation management research in a digital world / S. Nambisan, K. Lyytinen, A. Majchrzak, M. Song // *Mis Quarterly*. 2017. Vol. 41. No. 1. pp. 223-238.
423. Osterwalder A., Pigneur Y. *Business Model Generation: A Handbook for Visionaries, Game Changers, and Challenger*. John Wiley and Sons, 2017. - 288 p.
424. Paradoxes of leading innovative behaviors: Summary, solutions, and future directions / S.T. Hunter, C.N. Thoroughgood, A.T. Myer, G.S. Ligon // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2011. Vol. 5. P. 54-66.

425. Porter, M., Kramer, M. Strategy and society: The link between competitive advantage and corporate social responsibility // Harvard Business Review, 2006. № 84 (12). P.78-92.
426. Porter M.E., Clusters and the New Economics of competition, Harvard Business Review, 1998., 365 p.
427. Price D.J. Little Science, Big Science. – New York: Columbia University Press, 1963 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://derekdesollaprice.org/little-science-big-science-full-text/> (дата обращения: 16.01.2024).
428. Robert K. Greenleaf. Servant leadership: A Journey into the Nature of Legitimate Power and Greatness. - Paulist Press, NJ. 1977. - 335 p.
429. Sen A.K. Capability and Well-Being. In: Nussbaum, M. and Sen, A.K., The Quality of Life. - Oxford: Oxford University Press, 1993.
430. Stoll L. Creative leadership: a challenge of our times // Published in School Leadership and Management. 2007. Vol. 29. N 1. P. 63-76.
431. Trantopoulos, K., von Krogh, G., Wallin, M. W., & Woerter, M. (2017). External knowledge and information technology: Implications for process innovation performance. MIS Quarterly, 41 (1), 287-300.
432. Vargo S.L., Lusch R.F. Institutions and axioms: an extension and update of service-dominant logic. Journal of the Academy of Marketing Science, 2016, vol. 44, no. 4, pp. 5-23.
433. Weiner B. An attributional theory of motivation and emotion. New York: Springer-Verlag, 1986.
434. Williams K., Chatterjee S., Rossi M. Design of emerging digital services: a taxonomy // European Journal of Information Systems. Vol. 17, No. 5, 2008, p. 505-517.
435. Willekens, I. GATS Classification of Digital Services – Does «The Cloud» Have a Silver Lining? (June 6, 2018) [Electronic resource] / I. Willekens // Journal of World Trade. – [Электронный ресурс]. – Режим

- доступа: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3194676> (дата обращения: 15.01.2024).
436. Zajac E.J. From Transaction Cost to Transactional Value Analysis: Implication of the Interorganization Strategies / E.J. Zajac, C.P. Olsen // Journal of Management Studies. 1993. Vol. 30, № 1. P. 131-145.
437. Бизнес и сообщество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.b-soc.ru/io/top-5-trendovkso-posle-pandemii/> (дата обращения: 14.12.2023).
438. Доклад «ESG (Environmental, Social, Governance): основные понятия и опыт регулирования» 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nifi.ru/ru/activity/research-projects>, (дата обращения: 15.12.2023).
439. Искусственный интеллект (ИИ) / Artificial Intelligence (AI) как ключевой фактор цифровизации глобальной экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=117544> (дата обращения: 17.12.2023).
440. Искусственный интеллект, который анализирует открытые комментарии в HR-опросах и исследованиях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hr-media.ru/iskusstvennyu-intellekt-kotoryu-analiziruet-otkrytye-kommentarii-v-hr-oprosah-i-issledovaniyah> (дата обращения: 17.12.2023).
441. Комплексный подход к цифровизации промышленных предприятий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pwc.ru/ru/publications/PwC_Siemens_Digital_transformation.pdf (дата обращения: 19.12.2023).
442. Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncersiya_21052021.pdf. (дата обращения: 19.12.2023).

443. Проект ОЭСР «Going Digital» / Политика для лучшей жизни // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalcentre.hse.ru/nletter11.5> (дата обращения: 19.12.2023).
444. Развитие цифровой экономики в России / Всемирный банк // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/events/2016/12/20/developing-the-digital-economy-in-russia-international-seminar-1> (дата обращения: 19.12.2023).
445. Официальный сайт АО «Центр Аддитивных Технологий» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rt-3d.ru/>(дата обращения: 20.12.2023).
446. Применение аддитивных технологий при первичном протезировании конечностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://top-technologies.ru/article/view?id=39521/>(дата обращения: 22.12.2023).
447. Анализ рынка протезов в России в 2016-2020 г. г., оценка влияния коронавируса и прогноз на 2021-2025 г. г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/kalib/Downloads/c_prostheses_russia_demo_businessstat.pdf/ (дата обращения: 22.12.2023).
448. Big Data: перспективы развития, тренды и объемы рынка больших данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/big-data-perspektivy-razvitiya-trendy-i-obemy-rynka-bolshikh-dannykh/?ysclid=ltllyjritt372941107/>(дата обращения: 23.12.2023).
449. Годовой отчет ПАО «Сбербанк» 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/_new_site/com/gosa2023/sber-ar-2022-ru.pdf/(дата обращения: 25.12.2023).

450. Части тела: как рынок протезов в России пошел на взлет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/industries/news/65377d919a7947c1f7a2dd21?ysclid=lt787740c6982490188> (дата обращения: 25.12.2023).
451. Минтруд заявил о росте потребности в высокотехнологичных протезах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/19090315?ysclid=lt784dbcap609271711> (дата обращения: 25.12.2023).
452. Статистические сведения о количестве обучающихся - участников интенсивных профильных программ Образовательного центра «Сириус» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--80aayamnhpkade1j.xn--p1ai/pages/reports> (дата обращения: 26.12.2023).
453. На начало 2023 года в России учтено 10,9 миллиона человек с инвалидностью, что составляет 7,5% от общей численности населения страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0989/barom01.php> (дата обращения: 28.12.2023).
454. В России зарегистрировали рекордное за восемь лет число мужчин с инвалидностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rtvi.com/news/v-rossii-zaregistrovali-rekordnoe-za-vosem-let-chislo-muzhchin-s-invalidnostyu/> (дата обращения: 28.12.2023).
455. Минтруд раскрыл данные об ампутациях у раненых во время военной операции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/17/10/2023/652e65249a7947de36dd6681> (дата обращения: 28.12.2023).
456. Федеральная служба государственной статистики. Положение инвалидов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 28.12.2023).
457. Глобальный индекс ИИ-готовности правительства от Oxford Insights (Government AI Readiness Index, GARI) [Электронный ресурс]. –

- Режим доступа: <https://www.mzaghi.com/wp-content/uploads/2024/02/2023-Government-AI-Readiness-Index-2.pdf>(дата обращения: 09.01.2023).
458. Страновые рейтинги ИИ-зрелости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.edverest.com/unit/stranovye-rejtingi-ii-zrelosti/>(дата обращения: 09.01.2024).
459. Когда и на каких условиях Россия получала кредиты от МВФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20140224/996722123.html/>(дата обращения: 10.01.2024).
460. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2021 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn----7sbabhak4bqktigbdqi0yka.xn--p1ai/images/documents/norm_akt_2022/2021_report_on_the_drug_situation.pdf(дата обращения: 10.01.2024).
461. Индекс восприятия коррупции [Электронный ресурс]. –Режим доступа:https://images.transparencycdn.org/images/Report_CPI2022_English.pdf (дата обращения: 11.01.2024).
462. Индекс человеческого развития [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://hdr.undp.org/data-center/country-insights#/ranks>(дата обращения: 11.01.2024).
463. Рэнкинг устойчивого развития Регионов России [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://agencysgm.com/upload/iblock/05b/05b0bd931bf3a3023229ca5c429293b5.pdf>(дата обращения: 12.01.2024).
464. Всемирный банк сообщил, что каждый второй человек в мире живет за чертой бедности [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/633682> (дата обращения: 12.01.2024).
465. Социально-ориентированные программы и комплексные проекты Группы Всемирного Банка в странах Африки [Электронный ресурс]. –

- Режим доступа: <https://projects.worldbank.org/en/projects-operations/project-detail/>(дата обращения: 13.01.2024).
466. Списочный рейтинг ответственности перед обществом крупнейших российских компаний 2023 [Электронный ресурс]. –Режим доступа:https://www.akm.ru/upload/akmrating/AK&M_social_responsibility_Rating_2023.pdf(дата обращения: 13.01.2024).
467. Распределение затрат организаций на внедрение и использование цифровых технологий по видам [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://74.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D0%BF%D1%80.%D0%B7%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%202022.pdf>(дата обращения: 14.01.2024).
468. Соотношение числа поданных и рассмотренных жалоб к российским ведомствам и министерствам при использовании портала государственных услуг, январь 2024 г. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://do.gosuslugi.ru/stat/org/> (дата обращения: 06.02.2024).
469. Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1#>(дата обращения: 17.01.2024).
470. Число верифицированных пользователей "Госуслуг" достигло 103 миллионов [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/916042>(дата обращения: 19.01.2024).
471. Социальный фонд за девять месяцев израсходовал 9,7 трлн рублей [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/events/48294/>(дата обращения: 19.01.2024).
472. Стратегия развития рынка больших данных [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://rubda.ru/wp-content/uploads/2020/02/Strategiya-korotkaya-versiya.pdf>(дата обращения: 20.01.2024)
473. Развитие технологий больших данных в РФ [Электронный ресурс]. –Режим доступа:

https://www.cnews.ru/articles/v_rossiyu_prishli_bolshie_dannye.pervye

(дата обращения: 20.01.2024)

474. Цифровая экономика. Краткий статистический сборник. ИСИЭЗ ВШЭ. Москва. 2024 г. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <file:///C:/Users/kalib/Downloads/2024%20%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0.%20%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%202024,%20%D0%92%D0%A8%D0%AD.pdf>(дата обращения: 20.01.2024)
475. Динамика уровня образования населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://istmat.org/node/20563>(дата обращения: 20.01.2024)
476. Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Пермский колледж предпринимательства и сервиса» [Электронный ресурс]. –Режим доступа: https://pkps-perm.ru/about/osnovnye_svedeniya/(дата обращения: 22.01.2024)
477. Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1#>(дата обращения: 17.01.2024).
478. Образование в цифрах. Краткий статистический сборник. НИУ ВШЭ. Москва. 2023 г. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/856367924.pdf>(дата обращения: 17.01.2024).
479. Больше 27 млн услуг оказали сотрудники офисов «Мои документы» с начала года [Электронный ресурс]. –Режим доступа: https://finance.rambler.ru/money/49922521/?utm_content=finance_media&

- utm_medium=read_more&utm_source=copylink(дата обращения: 23.01.2024).
480. Государственные и муниципальные услуги: некоторые важные факты и показатели за 6 лет [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://government.ru/info/32187/>(дата обращения: 23.01.2024).
481. В Минэкономразвития назвали регионы-лидеры по эффективности МФЦ за 2022 год [Электронный ресурс]. –Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_minekonomrazvitiya_nazvali_regiony_lidery_po_effektivnosti_mfc_za_2022_god.html(дата обращения: 23.01.2024).
482. Использование технологий искусственного интеллекта в России [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/542527004.pdf>(дата обращения: 26.01.2024).
483. Глобальный индекс ИИ-компаний от Tortoise (Global AI Index) [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://www.tortoisemedia.com/intelligence/global-ai/>(дата обращения: 26.01.2024).
484. Зарубежные проекты ПАО «Лукойл» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lukoil.ru/Business/Upstream/Overseas?ysclid=lt3jphlu3j363752892/>(дата обращения: 27.01.2024).
485. "ЛУКОЙЛ" изучает вхождение в новые проекты в Конго в качестве оператора [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/891498/>(дата обращения: 27.01.2024).